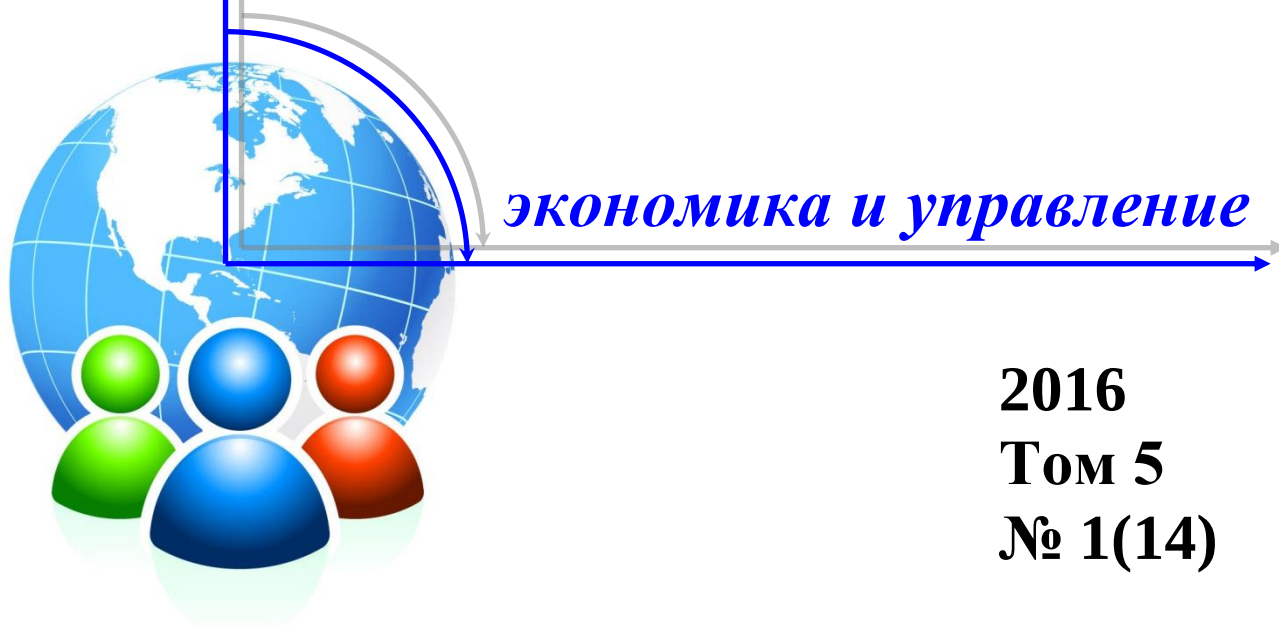

16+

ISSN 2309-1762

Азимут научных исследований:

2016
Том 5
№ 1(14)

АЗИМУТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Основан в 2012 г.

16+

Том 5
№ 1 (14)
2016

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – НП ОДПО «Институт направленного профессионального образования»

Главный редактор

Розенберг Геннадий Самуилович, член-корреспондент Российской Академии наук,
доктор биологических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Вахтина Маргарита Анатольевна, доктор экономических наук, доцент
Еремина Наталья Валерьевна, доктор политических наук, доцент
Кондаурова Инесса Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент
Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук
Курилова Анастасия Александровна, доктор экономических наук, профессор
Понедельчук Татьяна Васильевна, кандидат экономических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Беседин Василий Фёдорович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Бужин Алексей Андреевич, доктор экономических наук, профессор
Денисюк Александр Николаевич, доктор экономических наук, доцент
Зибарев Александр Григорьевич, член-корреспондент Российской Академии наук,
доктор экономических наук, профессор
Изотов Александр Викторович, кандидат политических наук, доцент
Иванов Дмитрий Юрьевич, доктор экономических наук, профессор
Коновалова Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор
Кудинова Галина Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент
Лагутина Мария Львовна, кандидат политических наук, доцент
Ланко Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент
Леви Дмитрий Андреевич, кандидат политических наук, доцент
Маркушина Наталья Юрьевна, доктор политических наук, доцент
Мельник Алексей Михайлович, доктор экономических наук, профессор
Мигус Ирина Петровна, доктор экономических наук, профессор
Митий Оксана Васильевна, кандидат экономических наук, доцент
Мишук Ольга Витальевна, кандидат экономических наук, доцент
Музыченко Анатолий Степанович, доктор экономических наук, профессор
Пойда-Носик Нина Никифоровна, кандидат экономических наук, доцент
Пенькова Оксана Георгиевна, доктор экономических наук, доцент
Рожко Александр Дмитриевич, кандидат экономических наук, доцент
Самарина Вера Петровна, доктор экономических наук, доцент
Стеченко Дмитрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор
Тарлопов Игорь Олегович, доктор экономических наук, доцент
Терещина Мария Валентиновна, доктор экономических наук, доцент
Уманцев Юрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор
Церпицкая Ольга Львовна, доктор политических наук, доцент
Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор
Якунин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор
Ярыгин Григорий Олегович, кандидат политических наук, доцент

Ответственный секретарь

Шмелёва Галина Александровна

Входит в ПЕРЕЧЕНЬ рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ ФС77-55683 от 21.10.2013 г.

Компьютерная верстка:
В.А. Голощапов

Технический редактор:
Е.Ю. Коновалова

Адрес редколлегии, учредителя,
редакции и издателя НП ОДПО
«Институт направленного профес-
сионального образования»:
445009, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
улица Комсомольская, 84А
Тел.: (8482) 69-46-47
E-mail: ANI-ekonom-i-politika@ya.ru
Сайт: <http://napravo.ru>

Подписано в печать 25.02.2016.
Выход в свет 01.03.2016.
Формат 60х84 1/8.
Печать оперативная.
Усл. п. л. 14,02.
Тираж 50 экз. Заказ 6-03-12.

Типография «Полиар Плюс»
445020, г. Тольятти, ул. Родины 36А

Цена свободная

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Розенберг Геннадий Самуилович, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор биологических наук, профессор, директор (Институт экологии Волжского бассейна Российской Академии наук, Тольятти, Россия)

Заместители главного редактора:

Вахтина Маргарита Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, проректор по учебно-воспитательной работе и связям с общественностью
(Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Россия)
Еремина Наталья Валерьевна, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры «Европейские исследования»
(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
Кондаурова Инесса Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой математики и методики ее преподавания
(Саратовский государственный университет, Саратов, Россия)
Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук, директор Центра научных журналов, профессор кафедры «Педагогика и методики преподавания»
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)
Курилова Анастасия Александровна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Финансы и кредит»
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)
Понедельчук Татьяна Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика предприятия, финансы и финансово-экономическая безопасность»
(Уманский государственный педагогический университет, Умань, Украина)

Редакционная коллегия:

Беседин Василий Фёдорович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
(Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Украины, Киев, Украина)
Бужин Алексей Андреевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Философия и общественные науки»
(Черкасский институт пожарной безопасности имени Героев Чернобыля, Черкассы, Украина)
Денисюк Александр Николаевич, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Финансовый контроль и анализ»
(Винницкий торгово-экономический институт, Украина)
Зибарев Александр Григорьевич, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
(Институт экологии Волжского бассейна Российской Академии наук, Тольятти, Россия)
Изотов Александр Викторович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Европейские исследования»
(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
Иванов Дмитрий Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Организация производства»
(Самарский государственный аэрокосмический университет, Самара, Россия)
Коновалова Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, начальник организационного отдела мэрии города Тольятти Самарской области
(Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Россия)
Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансовый менеджмент»
(Институт экономики, управления и права, Казань, Россия)
Кудинова Галина Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий группой экономики природопользования
(Институт экологии Волжского бассейна Российской Академии наук, Тольятти, Россия)
Лагутина Мария Львовна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Мировая политика»
(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
Ланко Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Европейские исследования»
(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
Левин Дмитрий Андреевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Европейские исследования»
(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
Маркушина Наталья Юрьевна, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры «Мировая политика»
(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
Мельник Алексей Михайлович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Политическая экономика»
(Киевский национальный экономический университет, Киев, Украина)
Мигус Ирина Петровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Менеджмент и экономическая безопасность»
(Черкасский национальный университет, Черкассы, Украина)
Митяй Оксана Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономическая теория, коммерческое и трудовое право»
(Уманский государственный педагогический университет, Умань, Украина)
Мишук Ольга Витальевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика предприятия и финансы»
(Уманский государственный педагогический университет, Умань, Украина)
Музыченко Анатолий Степанович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика предприятия и финансы»
(Уманский государственный педагогический университет, Умань, Украина)
Пойда-Носик Нина Никифоровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Финансы и банковское дело»
(Ужгородский национальный университет, Ужгород, Украина)
Пенькова Оксана Георгиевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономическая теория»
(Уманский национальный университет садоводства, Умань, Украина)
Рожко Александр Дмитриевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе Института последипломного образования
(Киевский национальный университет, Киев, Украина)
Самарина Вера Петровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и менеджмент»
(Национальный исследовательский университет «МИСиС», Москва, Россия)
Стеченко Дмитрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика предприятия»
(Национальный технический университет «Киевский политехнический институт», Киев, Украина)
Тарлопов Игорь Олегович, доктор экономических наук, доцент, декан экономического факультета
(Бердянскский университет менеджмента и бизнеса, Бердянск, Украина)
Терешина Мария Валентиновна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Государственная политика и государственное управление»
(Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия)
Уманцев Юрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Международная экономика»
(Киевский национальный торгово-экономический университет, Киев, Украина)
Церпицкая Ольга Львовна, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры «Мировая политика»
(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс»
(Институт экономики, управления и права, Казань, Россия)
Якунин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности
(Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Россия)
Ярыгин Григорий Олегович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Американские исследования»
(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

экономические науки

О ПРИНЦИПАХ ПРОВЕДЕНИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РФ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ Белякова Галина Яковлевна, Воробьева Татьяна Николаевна.....	7
ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ «ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКИ Зомонова Эржени Михайловна.....	13
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К СЕГМЕНТИРОВАНИЮ ТУРИСТСКОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ Клименко Татьяна Игоревна, Овчаров Антон Олегович.....	18
ИЗРАИЛЬ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ИГРОКОВ НА МИРОВЫХ РЫНКАХ НАУКОЕМКОЙ ПРОДУКЦИИ Лебедев Андрей Евгеньевич.....	23
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АУДИТА СДЕЛОК С ФИНАНСОВЫМИ ИНСТРУМЕНТАМИ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ Лихтарова Ольга Викторовна.....	27
ИНДИКАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ Невская Наталья Александровна.....	31
СТРАХОВАНИЕ ДЕЛИКТНЫХ РИСКОВ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ Останин Владимир Анатольевич, Рожков Юрий Владимирович.....	35
ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ В СТУДЕНЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УЧЕБНОЙ И ВНЕУЧЕБНОЙ АКТИВНОСТИ Рочев Константин Васильевич, Коршунов Георгий Владимирович.....	40
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БИРЖЕВЫХ ФОНДОВ Сергязиева Райса Рауфовна, Абрамов Геннадий Федорович.....	43
ПЛАНИРОВАНИЕ ВНУТРЕННИХ АУДИТОРСКИХ ПРОВЕРОК ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА Тарасова Татьяна Михайловна.....	46
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ Терёшина Мария Валентиновна, Поддубный Андрей Петрович.....	50
ДИАГНОСТИКА ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР НА ОСНОВЕ КОЛИЧЕСТВЕННО-КАЧЕСТВЕННОГО ПОДХОДА Черезова Яна Алексеевна.....	57
ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН Шабанова Людмила Борисовна, Арбузова Мария Владиславовна.....	61
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Швец Юрий Юрьевич.....	65
ВЛИЯНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО, СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО И ВРЕМЕННОГО ФАКТОРОВ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА: «ТРИАДА ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» Щербаков Геннадий Анатольевич.....	69
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ СРЕДНЕСРОЧНОГО И ДОЛГОСРОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ Щербаков Геннадий Анатольевич.....	73
ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ НА РАЗВИТИЕ ЛОГИСТИКИ В СОСЕДНЕМ РЕГИОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Ярославцева Юлия Ивановна, Шарапова Елена Анатольевна.....	78

политические науки

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК АКТОРОВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ Григорьева Оксана Владимировна.....	81
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФАКТОР И СМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Кобелянов Андрей Сергеевич.....	86

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА БАЛАНСА РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ В ЕВРОРЕГИОНЕ «БАЛТИКА» Красовский Александр Михайлович.....	89
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И СООБЩЕСТВА: НЕ НА СЛОВАХ, А НА ДЕЛЕ. КЕЙС ШВЕЦИИ Парфенёнок Николай Леонидович, Чуков Роман Сергеевич.....	93
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АЛЬЯНСОВ В ЮЖНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ И ПАКИСТАНА Харина Ольга Александровна.....	96
МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ОТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ К КОМПЬЮТЕРНОЙ МОДЕЛИ Ярыгин Григорий Олегович, Ярыгин Олег Николаевич.....	101
Наши авторы.....	107
Условия размещения материалов.....	111

CONTENT
economical sciences

ABOUT PRINCIPLES FOR ASSESS REGIONAL AUTHORITIES'S WORKING EFFICIENCY AT THE ECONOMIC DEVELOPMENT	
Belyakova Galina Yakovlevna, Vorobyeva Tatiana Nikolaevna.....	7
DEFINITION AND PRINCIPLES OF GREEN ECONOMY	
Zomonova Erzhenia Michailovna.....	13
MODERN APPROACHES TO SEGMENTATION OF THE TOURIST MARKET IN THE FACE OF ECONOMIC INSTABILITY	
Klimenko Tatyana Igorevna, Ovcharov Anton Olegovich.....	18
ISRAEL AS ONE OF THE KEY PLAYERS ON THE WORLD MARKETS OF KNOWLEDGE-INTENSIVE TECHNOLOGIES	
Lebedev Andrey Evgenyevich.....	23
INFORMATION ASSURANCE AUDIT OF TRANSACTIONS WITH FINANCIAL INSTRUMENTS SECURITIES MARKET	
Likhtarova Olga Viktorovna.....	27
THE INDICATIVE PLANNING: EXPERIENCE AND PROSPECTS IN THE RUSSIAN ECONOMY	
Nevskaya Natalia Alexandrovna.....	31
INSURANCE OF RISKS OF DEVIANT BEHAVIOR IN THE RUSSIAN BANKING SYSTEM	
Ostanin Vladimir Anatolievich, Rozhkov Yuri Vladimirovich.....	35
THE FORMATION OF A COMPETITIVE ENVIRONMENT AMONG THE STUDENTS TO ENHANCE ACADEMIC AND EXTRA-CURRICULAR ACTIVITY	
Rochev Konstantin Vasilievich, Korshunov George Vladimirovich.....	40
CURRENT STATE AND MAIN TRENDS OF THE ETFs	
Sergaziyeva Raysa Raufovna, Abramov Gennadiy Fedorovich.....	43
PLANNING OF INTERNAL AUDITS INVESTING ACTIVITIES RAILWAY COMPANY	
Tarasova Tatyana Mihailovna.....	46
QUESTIONS OF THE THEORY AND METHODOLOGY OF INCREASE OF EFFICIENCY OF GOVERNMENT PROCUREMENT IN THE CONTEXT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT	
Tereshina Maria Valentinovna, Poddubnyi Andrey Petrovich.....	50
MANAGEMENT AND ORGANIZATIONAL STRUCTURE DIAGNOSTICS BASED ON QUANTITATIVE-QUALITATIVE APPROACH	
Cherezova Yana Alekseevna.....	57
RESEARCH OF THE ACTUAL STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF THE RURAL TOURISM IN TATARSTAN REPUBLIC	
Shabanova Lyudmila Borisovna, Arbuzova Mariya Vladislavovna.....	61
INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF THE HEALTH SYSTEM'S RUSSIAN FEDERATION	
Shvets Yuriy Yurievich.....	65
INFLUENCE OF SPATIAL, SUBSTANTIAL AND TIME FACTORS ON THE EFFICIENCY OF THE INNOVATION PROCESS: «THE TRIAD OF INNOVATION»	
Shcherbakov Gennady Anatolyevich.....	69
QUANTITATIVE AND QUALITATIVE PROCESSES IN THE ECONOMY AS A FUNDAMENTAL BASIS OF ECONOMIC PHENOMENA OF MEDIUM- AND LONG-TERM ECONOMIC CYCLES	
Shcherbakov Gennady Anatolyevich.....	73
THE IMPACT OF THE CRISIS IN UKRAINE ON THE DEVELOPMENT OF LOGISTICS IN THE NEIGHBOURING REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION	
Yaroslavceva Yulia Ivanovna, Sharapova Elena Anatolievna.....	78

political sciences

CHARACTERISTICS OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AS ACTORS OF ENERGY DIPLOMACY	
Grigorieva Oksana Vladimirovna.....	81
STATE AND THE MEDIA IN MODERN RUSSIA	
Kobelyanov Andrey Sergeyevich.....	86
THE INSTITUTIONAL BASIS OF THE RUSSIAN AND EUROPEAN INTERESTS IN THE BALTIC EUROREGION	
Krasovsky Alexander Mikhaylovich.....	89
INTERNATIONAL ORGANISATIONS OR COMMUNITIES: BY DEED, NOT BY WORDS. CASE OF SWEDEN	
Parfenenok Nikolay Leonidovich, Chukov Roman Sergeevich.....	93

**FEATURES OF THE FORMATION OF ALLIANCES IN SOUTH ASIA BY THE EXAMPLE
OF CHINA AND PAKISTAN RELATIONS**

Kharina Olga Alexandrovna.....96

**MODELING OF THE ELECTORAL PROCESS: FROM CONCEPTUAL MODEL
TO COMPUTER SIMULATION**

Yarygin Grigory Olegovich, Yarygin Oleg Nikolaevich.....101

Our authors.....107

Conditions of accommodation of scientific materials.....111

УДК 338.242

**О ПРИНЦИПАХ ПРОВЕДЕНИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РФ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ
ЭКОНОМИКИ**

© 2016

Белякова Галина Яковлевна, доктор экономических наук, профессор кафедры
экономики и международного бизнеса горно-металлургического комплекса*Сибирский федеральный университет, Красноярск (Россия)***Воробьева Татьяна Николаевна**, соискатель*Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева,
Красноярск (Россия)*

Аннотация. В ходе проведения в Российской Федерации бюджетной и административной реформ созданы и внедрены инструменты оценивания эффективности государственного управления. Федеральная система показателей эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ формирует основу управления развитием регионов. Накопление практики управления отдельными направлениями деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ (управление общественными финансами, реализация передаваемых федеральных полномочий), развитие законодательной базы в области стратегического планирования смещают вектор оценивания в зону эффективности стратегического управления. Реализация амбициозных долгосрочных планов модернизации базовых отраслей экономики регионов и формирование новых, перспективных ниш требует наличия у высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ надежных управленческих инструментов. В качестве такого инструмента авторами рассматривается оценка эффективности деятельности органов власти субъекта РФ в области развития экономики. Авторами предложены принципы построения системы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ в области развития экономики на основе анализ сложившейся практики оценивания эффективности государственного управления.

Ключевые слова: управление развитием региональной экономики, достижение показателей развития экономики регионов, оценка эффективности деятельности, эффективность деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, принципы проведения оценки эффективности.

**ABOUT PRINCIPLES FOR ASSESS REGIONAL AUTHORITIES' WORKING
EFFICIENCY AT THE ECONOMIC DEVELOPMENT**

© 2016

Belyakova Galina Yakovlevna, Doctor of Economics, Professor of Economics and
International Business of mining and metallurgical complex*Siberian Federal University, Krasnoyarsk (Russia)***Vorobyeva Tatiana Nikolaevna**, applicant*Siberian State Aerospace University after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk (Russia)*

Abstract. In the course of the Russian Federation, fiscal and administrative reforms designed and implemented tools of assessment of efficiency of public administration. The federal system of performance indicators of senior officials (heads of supreme executive bodies of state power) of the Russian Federation is the basis of management of development of regions. In the course of the Russian Federation, fiscal and administrative reforms designed and implemented tools of assessment of efficiency of public administration. The federal system of performance indicators of senior officials (heads of supreme executive bodies of state power) of the Russian Federation is the basis of management of development of regions. The implementation of the ambitious long-term plans for the modernization of basic sectors of the regional economy and the creation of new, promising niches requires from senior officials (heads of supreme executive bodies of state power) of the Russian Federation robust management tools, ensuring the achievement of the strategic objectives of socio-economic development of regions. As the authors of such an instrument is considered estimation of efficiency of activity of the Russian Federation Government in the field of economic development. The authors of the proposed principles of the system of evaluating the performance of the executive bodies of subjects of the Russian Federation in the field of economic development based on analysis of the current practice of estimating the efficiency of public administration.

Keywords: management of regional economy development, the achievement of indicators of development of regional economies, performance evaluation, the effectiveness of executive authorities of the RF subjects, principles of performance evaluation.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Процессы модернизации системы экономических отношений в России характеризуются возрастающей ролью регионов и их конкуренцией. Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании» [1] ориентирует органы власти субъектов РФ на эффективное управление экономическим развитием регионов. Существует потребность в надежных управленческих инструментах, обеспечивающих достижение органами исполнительной власти субъектов РФ стратегических целей развития регионов.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновываются авторы; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Вопросы совершенствования государственного управления как отправной точки для успешного реформирования эко-

номики находятся в зоне внимания отечественного и международного экспертного и профессионального сообщества, рассмотрены в Докладе Всемирного экономического форума «Глобальные риски 2015», на площадках Петербургского международного (2015) и Красноярского (2016) экономических форумов. Татаркин А. И. [2, 3] ставит вопрос о необходимости институционального обеспечения реализации государственных стратегических планов: решение конкретных программных задач на основе программно-проектного подхода, с использованием института государственно-частного партнерства (ГЧП) при разработке и реализации региональных, отраслевых и муниципальных бизнес-проектов. Самойловым В.Д. [4], Аноховым А.В., Горбовой О.Ю. [5] сформулированы подходы к определению принципов проведения оценки эффективности муниципального управления. Наименьшим образом проработан вопрос формирования регионального ком-

понента системы оценивая.

Формирование целей статьи (постановка задания). Основной целью статьи является анализ сложившейся в Российской Федерации практики оценивания эффективности государственного управления. Для достижения цели решаются задачи:

- проведения анализа нормативной правовой базы, определяющей методологию оценки эффективности деятельности в отдельных компонентах государственного управления;
 - определения особенностей применяемых систем оценок;
 - формирования принципов построения региональной системы оценки эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики.
- Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.*

В целях настоящей статьи под формированием принципов авторами понимается определение правил, установок для осуществления оценки эффективности деятельности органов власти субъектов РФ.

Проведенный авторами анализ теоретических и концептуальных основ оценки эффективности государственного управления [6] показывает, что в исторической ретроспективе имеет место заимствование для целей оценки эффективности государственного управления методов оценки и повышения эффективности из негосударственного сектора.

Стандартами Российской Федерации установлены принципы в области менеджмента для достижения устойчивого успеха организации [7, 8]: ориентация на потребителя; лидерство руководителя; вовлечение работников; процессный подход; системный подход к управлению; постоянное улучшение; принятие решений, основанное на фактах; эффективные отношения с контрагентами.

В ходе проведения в Российской Федерации административной и бюджетной реформ сформирована методология оценивания в отдельных компонентах государственного управления (рис. 1).

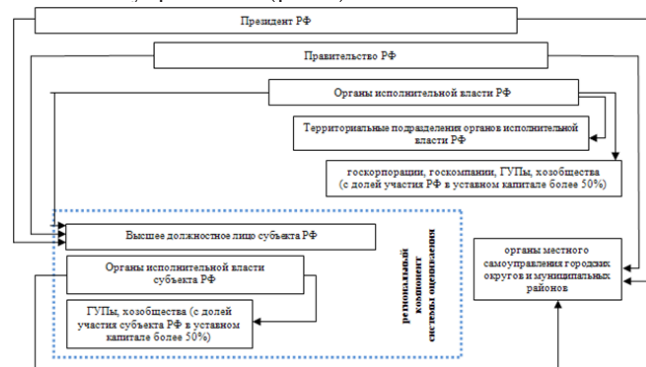

Рис. 1. Система оценивания эффективности государственного управления.

Наименьшим образом проработан региональный компонент системы оценивая. Органы государственной власти субъектов РФ, сами являясь объектом оценки со стороны Президента РФ и федеральных органов исполнительной власти РФ, в соответствии с Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ [9] самостоятельны в решении вопросов установления механизмов достижения стратегических целей развития регионов.

Формирование принципов целесообразно производить на основе анализа существующей практики оценивания эффективности деятельности.

Министерство финансов РФ [10] в рамках реализации Концепции межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах РФ и муниципальных образованиях проводит мониторинг и оценку качества управления региональными финансами по от-

дельным аспектам (планирование и исполнение бюджета, управление государственным долгом, финансовые взаимоотношения с муниципальными образованияами, управление государственной собственностью и оказание государственных услуг, прозрачность бюджетного процесса).

Комплексная ежегодная оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ производится на основании положений Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ, органов местного самоуправления – Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ [11]. Оценка эффективности деятельности производится на основании показателей, установленных Президентом РФ и Правительством РФ и характеризующих основные сферы деятельности объектов оценки. По итогам оценки принимается решение о поощрении за достижение наилучших показателей оценки.

В соответствии с долгосрочной государственной экономической политикой [12] внедрена система оценки эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ на основе качественных и количественных показателей улучшения инвестиционного климата.

Результаты деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности [13].

Проводится оценка отдельных сфер деятельности федеральных органов исполнительной власти, например, деятельности в сфере управления федеральным имуществом [14].

Появившиеся на стыке реализации административной и бюджетной реформ Доклады о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования (ДРОНДы), по мнению аналитиков [15], не заняли достойного места в системе планирования и оценивания эффективности деятельности органов исполнительной власти.

Применяется оценивание отдельных сфер деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, например, в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности [16].

Правительством РФ производится оценка качества осуществления органами исполнительной власти субъектов РФ переданных федеральными полномочий [9] на основании показателей и методик, установленных уполномоченными федеральными органами исполнительной власти [17, 18]. В случае недостижения органами государственной власти субъекта РФ установленных значенных целевых показателей руководитель уполномоченного федерального органа исполнительной власти вправе вносить в установленном порядке в Правительство РФ для внесения Президенту РФ предложение об отрешении от должности высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) [19].

В отношении руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) установлена оценка гражданами эффективности деятельности [20].

Регламентировано проведение органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления оценки эффективности деятельности подведомственных государственных (муниципальных) учреждений [21].

Сравнительный анализ методик оценивания эффективности деятельности, применяемых в Российской

Федерации в отношении органов исполнительной власти и сектора государственного управления, позволил выявить следующие особенности применяемых систем оценок.

Используемые в Российской практике методики оценивания эффективности деятельности утверждены нормативными правовыми актами и, в ряде случаев – обязательны к применению, в других случаях – рекомендованы к применению.

Все они носят характер установления для субъектов РФ и органов местного самоуправления неких ориентиров эффективности деятельности. Набор показателей позволяет как оценивающим, так и оцениваемым выявлять слабые сферы в деятельности объекта оценки и не дает возможности управлять процессом.

Процесс достижения устанавливаемых показателей эффективности не регламентируется.

Слабым звеном подавляющего большинства анализируемых практик оценок эффективности, на взгляд авторов, является отсутствие установленных негативных последствий в результате недостижения установленных показателей эффективности (все из рассмотренных за исключением оценки качества осуществления органами исполнительной власти субъектов РФ переданных федеральных полномочий).

Установленные стандартами Российской Федерации принципы в области менеджмента для достижения устойчивого успеха организации реализованы в той или иной степени в применяемых методиках оценивания эффективности деятельности в России.

Развитие законодательной базы в области стратегического планирования смещают вектор оценивания в зону эффективности стратегического управления регионом.

Актуальность необходимости создания инструментов достижения ориентиров стратегического планирования подтверждается тематикой дискуссий, проводимых профессиональным и экспертным сообществом.

Татаркин А. И. рассматривает программно-проектный менеджмент как условие инновационного развития социально-экономических систем. Автор ставит вопрос необходимости институционального обеспечения реализации государственных стратегических планов: решение конкретных программных задач на основе программно-проектного подхода, с использованием института государственно-частного партнерства (ГЧП) при разработке и реализации региональных, отраслевых и муниципальных бизнес-проектов.

Российскими авторами сформулированные следующие подходы к определению принципов оценки эффективности государственного (муниципального) управления.

Самойлов В.Д. следующим образом определяет общие требования к оценке органов государственного управления: «...обеспечение качества управления на установленном нормативном уровне; достаточность для решения текущих и перспективных задач органов государственного управления, повышения эффективности его деятельности; соответствие установленным Росстатом формам государственного статистического наблюдения (учета и отчетности); доступность методики расчета показателей оценки для практики ее применения; нормирование, адекватность, достоверность, полнота, точность; взаимосвязь с показателями оценки эффективности функционирования системы госуправления....».

Аноховым А.В., Горбовой О.Ю. для целей оценки эффективности предложен «принцип Иерархии», позволяющий избежать дублирования показателей и распределить ответственность между исполнительными органами за эффективность управления.

Авторами статьи рассмотрена возможность формирования принципов построения системы оценки эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

области развития экономики на основе заимствования установленных Стандартами Российской Федерации принципов в области менеджмента для достижения устойчивого успеха организации, а также принципов, положенных в основу существующих практик оценивания эффективности госуправления. Определение принципов построения системы оценки эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики произведено с учетом установленных статьей 7 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ принципов стратегического планирования.

Авторами предложены следующие принципы построения системы оценки эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики.

1. Принцип правомерность (легитимности) оценки.

Потребности общества в формировании органов государственного управления, обладающих способностью обеспечения достижения стратегических ориентиров развития экономики, должны быть реализованы посредством соответствующего нормативного правового сопровождения формирования специальных механизмов оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ в области развития экономики.

Практика применения Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ, вероятно, потребует дополнительного изменения законодательства РФ, в частности, по вопросам законодательного закрепления основ государственного регулирования и принципов государственного управления экономикой.

Формирование специальных механизмов оценки (критерии (показатели) и методика оценки эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики) должно проходить в условиях четкого определения (разграничения) полномочий всех участников стратегического планирования.

Возможно, потребуется систематизация и конкретизация полномочий органов исполнительной власти субъектов РФ в области развития экономики. По оценкам экспертов указанные полномочия рассредоточены в огромном количестве нормативных правовых актов (более 70 в каждом субъекте РФ, включая 12 федеральных законов, 8 кодексов РФ, Уставы и законы субъектов РФ) [22].

2. Принцип первенства лидера (иерархии) в оценке.

Высшие должностные лица субъектов РФ обеспечивают единство целей развития региона и направлений деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по их достижению.

По справедливому мнению Дамирова Д. [23] «...намеченные цели, выработанные стратегии, принятые решения, утвержденные планы не реализуются, а остаются благими намерениями, если не внедрена надлежащая система оценки деятельности людей, ответственных за их реализацию. Разработанная прозрачная система оценки сообщает сотрудникам об ожиданиях руководителей (как известно, контролируемое ожидание руководителя определяет поведение подчиненных), стимулирует их сосредоточиваться на ключевых направлениях деятельности, создает возможность не только для контроля по определенным параметрам со стороны вышестоящих должностных лиц, но и самоконтроля, своевременной самостоятельной корректировки процесса получения результатов....».

Высшие должностные лица субъектов РФ призваны создавать и поддерживать внутреннюю среду, в которой органы государственной власти, государственные органы, государственные гражданские служащие могут быть полностью вовлечены в процесс достижения целей экономического развития региона, в формулировках Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ – «системы стратегического планирования – механизма обеспечения согласованного взаимодействия участников

стратегического планирования на основе принципов стратегического планирования при осуществлении разработок и реализации документов стратегического планирования, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования с использованием нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения».

Необходимо отметить потенциальный масштаб создаваемых в настоящее время региональных системы стратегического планирования. Так например, в систему управления региональной экономикой одного из субъектов РФ встроены около десятка региональных органов исполнительной власти, осуществляющих государственное регулирование в отдельных сферах (целевых сегментах), видах экономической деятельности (с суммарной численностью государственных гражданских служащих около трехсот штатных единиц), около двух десятков региональных совещательных коллегиальных органов, осуществляющих разработку предложений по вопросам содействия экономическому развитию региона (содержащих более 400 представителей органов исполнительной власти края, хозяйствующих субъектов, общественных и других организаций), 70 подведомственных органам исполнительной власти субъекта РФ организаций и предприятий (с суммарной штатной численностью работников 1 770 единиц) [22].

Эффективность деятельности столь значительной команды управленцев должна обеспечиваться проекцией системы целеполагания субъекта РФ, органов исполнительной власти субъекта РФ на уровень ключевых руководителей с использованием имеющейся в действующей нормативной базе возможности стимулирования результативности руководителей (пункт 14 – 16 статьи 50 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ [24]) и установления ответственности (статья 29.1 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ). Последнее положение отвечает установленному статьей 7 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ принципу ответственности участников стратегического планирования за своевременность и качество разработки и корректировки документов стратегического планирования, осуществления мероприятий по достижению целей социально-экономического развития и за результативность и эффективность решения задач социально-экономического развития в пределах своей компетенции в соответствии с законодательством РФ.

3. Принцип приоритетов (ориентации на потребителя) оценки.

Предлагаемый принцип созвучен установленному статьей 7 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ принципу соответствия показателей, содержащиеся в документах стратегического планирования, и используемые при оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, целям социально-экономического развития Российской Федерации.

Целесообразно достижение корреляции федеральных и региональных оценок эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики.

4. Принцип полноты (системности) оценки.

Оценка эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики должна базироваться на показателях, увязанных с целями развития региона.

Выбор показателей должен обеспечивать исчисление вклада оцениваемого органа исполнительной власти субъекта РФ, государственного служащего в достижение стратегических целей развития экономики.

Достижение каждой стратегической цели может быть закреплено за отдельными органами исполнительной власти субъекта РФ. Деятельность по достижению одной цели может осуществляться несколькими органами

ми исполнительной власти субъекта РФ.

Достижение стратегических целей должно обеспечиваться необходимой организационной структурой, а также достаточной установленной компетенцией органов исполнительной власти субъекта РФ.

В сферу осуществления оценки эффективности попадает как достижение установленных целей развития экономики (результат деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ в области развития экономики), так и процесс достижения установленных целей.

5. Принцип правдивости (достоверности) оценки.

Оценка эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики должна достоверно отражать результаты указанной деятельности.

Оценка должна основываться на данных действующих форм учета и статистической отчетности, данных ведомственной статистики, формируемых с использованием региональных баз данных и автоматизированных систем управления, интегрированных с Государственной автоматизированной информационной системой «Управление» [25] и (или) Федеральной информационной системой стратегического планирования.

6. Принцип простоты и прозрачности (открытости) оценки.

Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ в области развития экономики включает в себя функцию контроля, принципами которого являются простота и экономичность.

Избыточное количество показателей усложняет систему контроля, снижает концентрацию контролируемого на достижении планируемых показателей.

Предлагаемый принцип созвучен установленному статьей 7 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ принципу прозрачности (открытости) стратегического планирования означает, что документы стратегического планирования, за исключением документов или их отдельных положений, в которых содержится информация, относящаяся к государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне, подлежат официальному опубликованию.

Результаты проводимых оценок эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики должны быть доступны органам государственного и общественного контроля, доведены до сведения населения.

7. Принцип постоянства (непрерывности) оценки.

Предлагаемый принцип созвучен установленному статьей 7 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ принципу преемственности и непрерывности, означающему, что разработка и реализация документов стратегического планирования осуществляются участниками стратегического планирования последовательно с учетом результатов реализации ранее принятых документов стратегического планирования и с учетом этапов реализации документов стратегического планирования.

Измерение полученного результата в области развития экономики в сравнении с запланированным в рамках оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ позволяет сделать вывод об эффективности управленческой деятельности, а также о том, достигаемы или нет поставленные цели, требуются ли какие то дополнительные управленческие усилия для их достижения.

Управленческие решения по итогам оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ могут быть как позитивные (премирование, увеличение лимитов бюджетных ассигнований на реализацию государственных программ), так и негативные (освобождение от должности). Вариантами возможных управленческих решений могут быть корректировка (сохранение) самих стратегических целей, предоставление дополнительных полномочий, ресурсов для их достижения.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

Проведенный анализ сложившейся в Российской Федерации практики оценивания эффективности государственного управления позволил сформировать принципы построения региональных систем оценки эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики. Авторы рассматривают систему оценки в качестве управленческого инструмента, обеспечивающего достижение органами исполнительной власти субъектов РФ стратегических целей развития региона.

На основании предложенных принципов целесообразно формирование методологии проведения оценки эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики и ее апробация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании» – Консультант Плюс.
2. Татаркин А. И. Системный подход к модернизации пространственного развития Российской Федерации// Образование и наука. 2012. № 1 (90) – С. 26-45.
3. Татаркин А. И. Системный подход к модернизации пространственного развития Российской Федерации// Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2014. № 2 (23) – С. 25-43.
4. Самойлов А. Д. Оценка эффективности государственного управления как фактора модернизации Российской Федерации// Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 8. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – Ч. 2. – 724 с.
5. Анохов А. В., Горбова О. Ю. Обоснование системы оценки результативности муниципального управления// Научный результат. 2015. № 2 (4). С. 62-69 Белгород: ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».
6. Белякова Г. Я., Воробьева Т. Н. Диагностика состояния эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики// Материалы XXI Международной научно-практической конференции «Государственное и муниципальное управление: теория, методология, практика» – 2016.
7. «ГОСТ ISO 9000-2011. Межгосударственный стандарт. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь» (введен в действие Приказом Росстандарта от 22.12.2011 № 1574-ст) – Консультант Плюс.
8. «ГОСТ Р ИСО 9004-2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 23.11.2010 № 501-ст) – Консультант Плюс.
9. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» – Консультант Плюс.
10. Приказ Минфина России от 03.12.2010 № 552 «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами» – Консультант Плюс.
11. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – Консультант Плюс.
12. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» – Консультант Плюс.
13. Указ Президента РФ от 10.09.2012 № 1276 «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших испол-

нительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности» – Консультант Плюс.

14. Приказ Минэкономразвития России от 07.04.2015 № 208 «Об утверждении методических рекомендаций по заполнению формы отчетности по показателям, характеризующим эффективность деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере управления федеральным имуществом» – Консультант Плюс.

15. Божья-Воля А.А. Оценка результативности государственных служащих руководящего состава: международный опыт и Российские перспективы// Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 2. С. 81-103.

16. Указ Президента РФ от 13.05.2010 № 579 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности» – Консультант Плюс.

17. Приказ Минобрнауки России от 07.04.2014 № 280 «Об утверждении значений целевых показателей эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по осуществлению переданных им полномочий Российской Федерации в сфере образования, при выполнении которых возникают расходные обязательства субъектов Российской Федерации, на исполнение которых предусмотрены субвенции, формирующие единую субвенцию бюджетам субъектов Российской Федерации, формы отчета о фактически достигнутых органами государственной власти субъектов Российской Федерации указанных значений и значениях целевых показателей, утвержденных Министерством образования и науки Российской Федерации, а также установлении сроков его представления» – Консультант Плюс.

18. Приказ Минобрнауки России от 16.05.2014 № 550 «Об утверждении Порядка оценки эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по осуществлению переданных им полномочий Российской Федерации в сфере образования, при выполнении которых возникают расходные обязательства субъектов Российской Федерации, на исполнение которых предусмотрены субвенции, формирующие единую субвенцию бюджетам субъектов Российской Федерации» – Консультант Плюс.

19. Постановление Правительства РФ от 27.03.2013 № 275 «Об утверждении Правил формирования и предоставления из федерального бюджета единой субвенции бюджетам субъектов Российской Федерации» – Консультант Плюс.

20. Постановление Правительства РФ от 12.12.2012 № 1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей» – Консультант Плюс.

21. Приказ Минтруда России от 01.07.2013 № 287 «О методических рекомендациях по разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности подведомственных государственных (муниципальных) учреждений социального обслуживания населения, их руководителей и работников по видам учреждений и основным категори-

ям работников» – Консультант Плюс.

22. Информационный бюллетень Счетной палаты Красноярского края. – 2015. – № 4 (4). [Электронный ресурс]: официальный сайт Счетной палаты Красноярского края. – URL: http://spkrk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=20&Itemid=22/ (дата обращения: 15.02.2016).

23. Дамиров Д. Критерии эффективности государственного управления//[Электронный ресурс]. URL: <http://www.lex-pravo.ru/gu-2740.html> (дата обращения: 10.01.2016).

24. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» – Консультант Плюс.

25. Постановление Правительства РФ от 25.12.2009 № 1088 «О государственной автоматизированной информационной системе «Управление» – Консультант Плюс.

УДК 338.22.021.1

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКИ

© 2016

Зомонова Эржени Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Байкальский институт природопользования СО РАН, Улан-Удэ (Россия)

Аннотация. «Зеленая» экономика – одна из новых концепций, появившихся в последние два десятилетия, тесно связана с концепцией устойчивого развития, призванной обеспечить одновременное достижение социальных, экономических и экологических целей для различных стран и территорий. Однако в отличие от концепции устойчивого развития, в «зеленой» экономике акцент делается на экономический рост, не противопоставляемый стратегиям охраны окружающей среды. Термин «зеленая» экономика был впервые введен в научный оборот в 1989 г. Позже это понятие стало широко использоваться в научной литературе. В настоящее время вопросы «зеленой» экономики рассматривают различные органы и комитеты в рамках международных систем, государственных органов различных стран, частных организаций и т.д. Без систематизации и обобщения характеристик понятий и принципов, связанных с «зеленой» экономикой, трудно разобраться в сущности данной концепции, позиционируемой как комплексный и целостный подход для включения проблем окружающей среды в сферы экономической и социальной политики и планирования. В целом под «зеленой» экономикой понимается динамический процесс трансформации экономики в направлении низкоуглеродного развития, повышения ресурсоэффективности и благосостояния населения через использование технологий и инноваций, создающих новые рабочие места, одновременно снижающий риски для окружающей среды в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, концепция, экономический рост, охрана окружающей среды, устойчивое развитие, эффективность, низкоуглеродное развитие, ресурсосбережение, благосостояние

DEFINITION AND PRINCIPLES OF GREEN ECONOMY

© 2016

Zomonova Erzhena Michailovna, candidate of economical sciences, senior researcher, *Baikal Institute for Nature Management SB RAS, Ulan-Ude (Russia)*

Abstract. The concept of Green Economy is one of the new concepts that appeared in the last two decades and is tightly related to the concept of sustainable development, designed to ensure simultaneous achievement of social, economic and environmental objectives for various countries and territories. However, unlike the concept of sustainable development, a Green Economy is focused on economic growth, which is not opposed to environmental protection strategy. The term Green Economy was first introduced into scientific vocabulary in 1989. Since then, this concept has become widely used in the scientific literature. Currently, issues related to Green Economy are being considered by various institutions and committees within the international system, governments of various countries, private organizations, etc. Without ordering and consolidation of the characteristics of the concepts and principles of Green Economy, it is difficult to understand the essence of this concept, which is presented as an integrated and holistic approach to include environmental issues in the areas of economic and social policy planning. In general, the term Green Economy refers to the dynamic process of transformation of the economy towards low-carbon development, resource efficiency and promotion of the national welfare through the use of technology and innovation, generating new jobs while simultaneously reducing environmental risks in the long term.

Keywords: Green Economy, economic growth, environmental protection, sustainable development, efficiency, low-carbon development, resource efficiency, welfare

В публикациях международных организаций, таких как UNEP, Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD), UN DESA, Комиссия по устойчивому развитию (UNCSD), Коалиция «зеленой» экономики (GEC), Институт глобального «зеленого» роста (GGGI), предложено большое количество определений и трактовок «зеленой» экономики и «зеленого» экономического роста [1, 2, 3, 4].

Европейское агентство по окружающей среде (ЕЕА) подготовило доклад «Оценка оценок окружающей среды Европы», где высказываются опасения, что разнообразие трактовок может выхолостить сущность концепции «зеленой» экономики, как это случилось с концепцией устойчивого развития, которая в настоящее время используется для описания и обоснования чрезвычайно широкого круга политических инициатив, планов и стратегий [5]. В докладе также говорится, что дополнительный риск для понятия «зеленой» экономики связан с возможностью его (понятия) использования для оправдания вводимых европейскими странами односторонних мер торгового протекционизма (например, установление квот или нормативов использования продукции, произведенной внутри страны, или субсидий и других мер поддержки внутреннего производителя и внутренней занятости населения). Это может способствовать усилению неравенства между богатыми и бедными государствами и препятствовать развитию последних [5].

В литературе [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 1, 2, 13, 14 и др.] и документах организаций (UNEP, FAO, UNCTAD, UNDP, UN DESA, UNESCO, Danish 92 Group, GEC, GEI, ICC, World Bank, Международный союз охраны природы и др.) термины ««зеленая» экономика», ««зе-

лелый» рост» и «низкоуглеродное развитие» часто взаимозаменяемы и применяются в разных контекстах к различным отраслям, ресурсам, сферам (энергетика, транспорт, водные ресурсы, потребление) [15] и даже к концепциям («загрязнитель платит», «анализ жизненного цикла»). Основной движущей силой развития последних была разработка комплексного и целостного подхода к включению проблем окружающей среды в сферы экономической политики и планирования. Соотношение между различными категориями политики и общества, а также элементами «зеленой» экономики («зеленый» рост, «зеленые» налоги и счета, «зеленые» инновации, новый «зеленый» курс) показаны на рисунке 1.

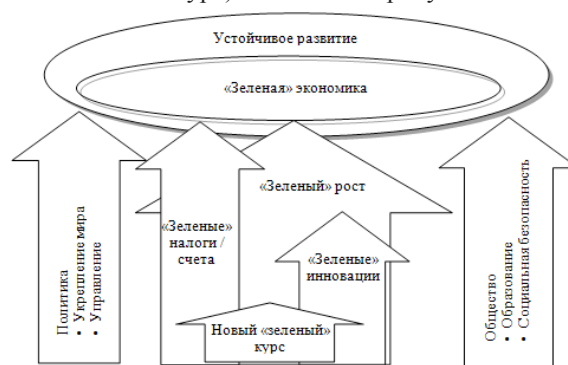

Рис. 1. Элементы «зеленой» экономики

Наряду с тем, что «зеленая» экономика и «зеленый» рост делают основной упор на взаимосвязку проблем

окружающей среды и экономики, большинство из определений этих терминов включают в себя также и социальные проблемы (таблица 1).

Таблица 1 - Воздействия «зеленой» экономики и «зеленого» роста на сферы социальной, экономической, экологической деятельности

Сфера деятельности	«Зеленая» экономика	«Зеленый» рост
Социальная	Повышение благосостояния человека, социальной вовлеченности, качества жизни, справедливый доступ к благам, внимание к проблемам женщин и молодежи	Повышение благосостояния, социальной вовлеченности, обеспечение доступа к основным видам товаров (непродовольственным товарам и продуктам питания) и услуг (транспортным, строительным, жилищно-коммунальным) всех слоев населения
Экономическая	Содействие экономическому росту, новым видам экономической деятельности, росту доходов и занятости населения, государственным и частным инвестициям, формированию гибкой экономики	Упор на качество экономического роста, а не на количественный показатель ВВП, на технологии (в том числе «зеленые») и инновации; экологически устойчивый экономический прогресс; гибкость экономики; новые движущие силы роста; на создание новых рабочих мест
Экологическая	Сокращение рисков для окружающей среды, дефицита природных ресурсов; ориентация на низкоуглеродное развитие экономики; сокращение выбросов CO ₂ и сероводорода; увеличение производства энергии и ресурсоэффективности; защита биоразнообразия и экосистемных услуг; повышение экологической ответственности; ограничение экологических нагрузок	Сохранение природного капитала и качества экологических услуг; обеспечение ресурсами и услугами; ориентация на низкоуглеродное развитие, сокращение выбросов CO ₂ и сероводорода; количественное снижение использования природных ресурсов; содействие климатической и экологической устойчивости, энерго- и ресурсоэффективности, устойчивости к стихийным бедствиям; гармонизация экономики и экологии

Сегодня существует около десятка определений «зеленой» экономики. В обобщающем докладе для представителей властных структур «Навстречу “зеленой” экономике» Программы ООН по окружающей среде говорится: «UNEP определяет “зеленую” экономику как экономику, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднение». Это «низкоуглеродная, ресурсоэффективная и социально инклюзивная экономика» [16]. Данное определение было процитировано в большинстве последних докладов Конференций ООН, в докладе Группы ООН по управлению окружающей средой (UNEMG) и OECD [17, 1, 2, 13].

В ежегодном докладе UNEP-2009 говорится, что «зеленая» экономика – это «система экономических мероприятий, связанных с производством, распределением и потреблением товаров и услуг, которая приводит к повышению благосостояния человека в долгосрочной перспективе, не подвергая будущие поколения значительным экологическим рискам или экологическому дефициту» [18]. В докладе UNEP подчеркивается, что в термине «зеленая» экономика сделан акцент на экономический аспект устойчивого развития, растущее признание, что экономический рост и охрана окружающей среды, в противовес распространенному мнению о компромиссе между ними, могут быть взаимодополняющими стратегиями.

Коалиция «зеленой» экономики, созданная группой неправительственных организаций, дает следующее определение: «“зеленая” экономика – это гибкая экономика, обеспечивающая более высокое качество жизни в условиях экологических ограничений планеты» [19].

В сборнике статей Конференции ООН по торговле и развитию «Дорога к Рио+20» «зеленая» экономика описывается как экономика, в которой экономический рост и экологическая ответственность взаимно укрепляют друг друга, вместе с тем поддерживая прогресс в социальном развитии [1].

В книге неправительственной организации «Датская группа 92» авторы дают определение понятия «зеленой» экономики не как состояния, а как процесса трансформации экономики и ее постоянного динамического прогресса. По их мнению, «зеленая» экономика означает справедливую экономику, которая устраняет системные искажения и нарушение процессов в современной экономике, влияет на повышение благосостояния человека, обеспечивает равные возможности для всех людей, сохраняя при этом экологическую и экономическую целостность, в пределах пропускной способности планеты [20].

В стратегии правительства Южной Африки особо подчеркивается необходимость выравнивания расовой, гендерной и социальной несправедливости в рамках «зеленой» экономики. Представляется, что это экономика, включающая в себя новые виды экономической деятельности; и она должна стать отправной точкой для широкого участия черного большинства в экономике, а также должна удовлетворять потребности женщин, молодежи, предпринимателей и открывать возможности для предпринимательства в сфере социальной экономики [21].

На второй сессии подготовительного комитета ООН Конференции по устойчивому развитию 7–8 марта 2011 г. было отмечено, что «зеленая» экономика нацелена на использование удобного момента для одновременного достижения экономических и экологических целей [22].

Следующее определение подчеркивает финансовый и отраслевой контекст: «“зеленая” экономика представляет собой концепцию, которая объединяет набор мер по привлечению инвестиций в экологически значимые отрасли, способствующие вкладу в достижение устойчивого развития и искоренения нищеты» [23, р. 14–15].

Приведенные выше определения «зеленой» экономики различаются в деталях и акцентах, но главная идея выражена, на наш взгляд, организацией UNEP: «“зеленая” экономика – это экономика, которая приводит к улучшению благосостояния человека и сокращению неравенства, в то же время не подвергая будущие поколения значительным экологическим рискам и экологическому дефициту. Такая экономика нацелена на получение долгосрочных социальных выгод в результате проведения краткосрочных мероприятий, направленных на смягчение экологических рисков. “Зеленая” экономика помогает достижению цели устойчивого развития» [13].

Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (UNESCAP) определяет «зеленую» экономику так: «это политический фокус для Азиатско-Тихоокеанского региона, который подчеркивает экологически устойчивый экономический прогресс с низким уровнем выбросов углерода, включающий в себя социальное развитие» [24]. Политика «зеленого» роста для данного региона включает в себя план достижения экономического роста и благосостояния с сокращением ресурсов и уменьшением выбросов в строительстве и энергетике, пищевой промышленности и на транспорте.

Определения и принципы «зеленой» экономики и связанные с ними понятия даются в публикациях по результатам Конференции ООН по устойчивому развитию, которая состоялась 20–22 июня 2012 г. В них более подробно разрабатывается социальная составляющая «зеленой» экономики (см., например, [9]). Всемирный банк, определяя «зеленый» рост, делает акцент, во-первых, на проблеме ресурсосбережения (эффективность использования природных ресурсов); во-вторых, на экологической чистоте (сведение к минимуму загрязнения окружающей среды); в третьих, на гибкости в управлении окружающей средой и природным капиталом, повышении устойчивости к стихийным бедствиям, возможности предотвращения природных катаклизмов; в-четвертых, на так называемом «инклюзивном» росте, который направлен на решение первоочередных задач развивающихся стран – сокращение масштабов нищеты и предотвращение необратимого экологического ущерба.

Институт глобального «зеленого» роста отмечает, что «зеленый» рост – новая революционная парадигма развития, которая поддерживает экономический рост, одновременно обеспечивающий климатическую и экологическую устойчивость. Такой рост сосредоточен прежде всего на устранении несправедливости в распределении ресурсов и обеспечении доступа бедных слоев населения к основным видам благ [25].

В определении OECD также говорится об экологически устойчивом экономическом прогрессе, способству-

ющем низкому уровню выбросов углерода и включающем социальное развитие. При этом подчеркивается, что «зеленые» инвестиции являются движущей силой экономического роста, главным инструментом, дающим возможность природным активам предоставлять экологические ресурсы и услуги. Такой рост будет основан на стимулировании инноваций, которые обеспечат сохранение природного капитала и более эффективное использование природных ресурсов [26].

В рамочном законе Республики Корея «Low Carbon, Green Growth» (2011 г.) указывается, что «зеленый» рост достигается за счет энерго- и ресурсоэффективности, он снижает последствия изменения климата и ущерба окружающей среде, обеспечивает новые двигатели роста посредством научных исследований и развития «зеленых» технологий, создает новые рабочие места и способствует достижению гармонии между экономикой и окружающей средой [27].

В публикации копенгагенской организации «Лидеры «зеленого» роста» «зеленый» рост означает создание рабочих мест и рост ВВП, либо совместимого, либо регулируемого мерами по снижению выбросов ПГ [28].

Появление нового течения в экономической науке, связанного с «зеленой» экономикой, было отмечено российскими экономистами. С. Н. Бобылев и В. М. Захаров подчеркивают, что центральными задачами в концепции «зеленой» экономики являются уход от сырьевой модели экономики, повышение энергоэффективности, формирование модели устойчивого развития, реализация политики «двойного» выигрыша, связанной с обеспечением как экономической эффективности, так и сокращением вредных выбросов, гарантией неистощительного использования природных ресурсов, малоотходного производства [29].

Теме «зеленой» экономики был посвящен круглый стол «“Зеленая” экономика: реалии, перспективы и пределы роста», где высказывалась мысль, что наиболее распространенная трактовка «зеленой» экономики, данная UNEP, не отличает ее от концепции устойчивого развития [30, 31].

Член-корреспондент Российской академии наук (РАН) Б. Н. Порфирьев пишет, что в более узком смысле под «зеленой» экономикой понимаются разработка, производство и эксплуатация технологий и оборудования для контроля и уменьшения выбросов загрязняющих веществ и ПГ, мониторинг и прогнозирование климатических изменений, а также технологии энерго- и ресурсосбережения и возобновляемой энергетики [32, с. 161].

До настоящего времени в рамках названных дискуссий не удалось прийти к согласию в отношении определения понятия «“зеленая” экономика». Поэтому в качестве отправной точки Конференцией ООН по устойчивому развитию рекомендуется использовать Декларацию и Принципы Рио, позволяющие обеспечить учет различных мнений.

«Зеленую» экономику можно также рассматривать как систему принципов, целей и мероприятий [33]. Принципы «зеленой» экономики были опубликованы в преддверии Конференции ООН по устойчивому развитию, которая прошла в Рио-де-Жанейро в 2012 г. (Рио+20), несколькими международными организациями, в том числе ГЕС, Форумом заинтересованных сторон, Международной торговой палатой (ICC) и Международной конфедерацией профсоюзов (ITUC). Кроме того, были опубликованы доклад экспертной группы при Генеральном секретариате ООН по вопросам глобальной устойчивости и работа UNEMG, где содержится общесистемный взгляд на характеристики «зеленой» экономики.

В 2012 г. Коалиция «зеленой» экономики, собравшая под своей эгидой неправительственные организации, научно-исследовательские институты, ООН, организации бизнеса и профсоюзов, объединенных с целью ускорения перехода к «зеленой» экономике, разработала АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

«Девять принципов “зеленой” экономики» [34, 19].

Другой набор принципов был опубликован Форумом заинтересованных сторон, Хартией Земли с участием ITUC, организаций «Новая экономика» и «Живая планета», Коалиции «зеленой» экономики [35, 36]. Он включает 15 принципов, которые обобщают международные соглашения, опирающиеся на Хартию Земли, Йоханнесбургскую и Стокгольмскую декларации, а также на Декларацию Рио.

Комиссией по окружающей среде и энергетике ИСС был обобщен международный опыт, полученный в процессе формирования «зеленой» экономики, включая снижение воздействия производства на окружающую среду по всей цепочке создания добавленной стоимости, повышение энерго- и ресурсоэффективности, сокращение отходов производства и потребления, инвестирование в низкоуглеродную энергетику и ВИЭ. В результате были сформулированы и опубликованы условия перехода к «зеленой» экономике в качестве рекомендаций для правительств зарубежных стран [37].

Международная конфедерация профсоюзов выработала свои принципы «зеленой» экономики с точки зрения социальной справедливости и занятости населения [38, р. 6–8].

В 2012 г. Северный альянс за устойчивость (ANPED) также опубликовал принципы справедливой «зеленой» экономики [39, р. 3–13]. А независимая группа с участием представителей Индии, Бразилии, Танзании и Китая изложила видение того, как «зеленая» экономика содействует устойчивому развитию в южном полушарии.

В том же году «Датская группа 92» (коалиция неправительственных организаций Дании в сфере окружающей среды и развития) опубликовала доклад «Построение справедливой “зеленой” экономики», в котором сформулировала пять основных принципов принятия политических и рыночных решений в продвижении «зеленой» экономики [20].

В 2011 г. UNEMG выразила общий взгляд на «зеленую» экономику всей системы ООН. В ее докладе был сформулирован ряд характеристик «зеленой» экономики, что облегчало понимание «зеленой» экономики и мер, необходимых для перехода к ней [14].

В 2011 г. Комиссия по глобальной устойчивости при генеральном секретариате ООН опубликовала доклад «Жизнеспособные люди, жизнеспособная планета: будущее стоит того, чтобы его выбирать». Публикация не включает явный набор принципов «зеленой» экономики, однако в ней даются следующие ее характеристики:

- является потенциальным двигателем устойчивого развития и стимулирует экономический рост, необходимый для решения проблемы бедности в мире; может обеспечить комплексный подход к устойчивому развитию, разрабатывается для конкретной страны, территории или региона в зависимости от потребностей и условий, обеспечивая социальную защиту и стабильность для всех слоев населения;

- разрабатывается на долгосрочную перспективу и представляет собой устойчивую модель роста, способную выдерживать внешние воздействия;

- измеряет прогресс за рамками ВВП;

- способствует занятости, способствует продвижению «зеленого» бизнеса и создает «зеленые» рабочие места;

- основной упор делается на развитие технологий и инноваций, сотрудничество и институционализм;

- посылает точные ценовые сигналы посредством включения социальных и экологических издержек в механизмы ценообразования;

- способствует энергоэффективности и развитию низкоуглеродной энергетики из ВИЭ;

- направлена на решение проблемы нехватки ресурсов и улучшение состояния окружающей среды, в том числе экосистем и биоразнообразия;

- способствует привлечению всех заинтересованных сторон к участию и сотрудничеству [40].

Несмотря на многообразие вышеперечисленных принципов и характеристик «зеленой» экономики, существует часть общих положений, присущих всем вышеперечисленным разработкам. В таблице 3 представлены наиболее распространенные из них.

Названный набор принципов достаточно сбалансирован и направлен на решение всех трех аспектов устойчивого развития, а также нацелен на институциональные вопросы и вопросы интеграции и международного сотрудничества. Общее в различных интерпретациях «зеленой» экономики – социальный акцент.

Таблица 2 - Общие принципы «зеленой» экономики

Направление устойчивого развития	Принцип
Экономическое	1. Интернализация экстерналий
Социальное	2. Обеспечение занятости, создание «зеленых» рабочих мест. 3. Совершенствование государственного управления и обеспечение законности, включая усиление демократии, участие населения в процессе планирования, повышение ответственности при принятии решений, прозрачность и стабильность условий проведения политики. 4. Обеспечение равенства, честности и справедливости в отношениях между странами и внутри стран, между поколениями. 5. Улучшение качества жизни: сокращение бедности, повышение благосостояния, повышение социальной защищенности, доступ населения к всеобщим благам
Экологическое	6. Защита биоразнообразия и экосистем. 7. Достижение ресурсосбережения и энергоэффективности. 8. Понимание ограниченности и дефицита природных ресурсов и экологических услуг планеты
Другое	9. Поиск средств для достижения устойчивого развития. 10. Использование комплексного подхода к принятию решений. 11. Измерение прогресса индикаторами / показателями, выходящими за рамки ВВП

Такая интерпретация «зеленой» экономики основывается, на наш взгляд, на том, что в более ранних работах основное внимание уделялось связи между экономикой и окружающей средой, а в публикациях последних лет наблюдается общая тенденция, направленная на рассмотрение «зеленой» экономики как «инклюзивной» [9, 41]. Обобщая понятия, принципы, характеристики «зеленой» экономики, выдвинутые в различных публикациях, можно в общем виде определить «зеленую» экономику как модель экономического развития, основанную на устойчивом развитии, интернализации экстерналий, комплексном подходе к процессу принятия решений, улучшении качества жизни в условиях ресурсосбережения и ресурсоэффективности с использованием новых технологий и инноваций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. The Road to Rio+20: For a Development-led Green Economy. Second issue / ed. C. M. Simpson. – New York, Geneva : United Nation, 2011. – 98 p.
2. The Road to Rio+20: For a Development-led Green Economy. Third issue / S. Cullis-Suzuki [et al.]. – New York, Geneva : United Nation, 2012. – 89 p.
3. The Transition to a Green Economy: Benefits, Challenges and Risks from a Sustainable Development Perspective : report by a panel of experts to second preparatory committee meeting for United Nations conf. on sustainable development / J. A. Ocampo, R. A. Cosbey, M. Khor. – New York, Geneva : United Nation [et al.], 2010. – 97 p.
4. Why a Green Economy Matters for the Least Developed Countries. – Nairobi, Kenya : United Nations Environment Programme (UNEP), 2011. – 27 p.
5. Оценка оценок окружающей среды Европы. – URL: http://issuu.com/dovkillia/docs/ocenka_ocenok_ok_ruzhayushey# (дата обращения: 25.01.2016).
6. AtKisson, A. Life Beyond Growth: 2012 Annual Survey Report of the Institute for Studies in Happiness, Economy, and Society. – Tokyo : ISIS Academy, 2012. – 73 p.
7. Barbier, E. B. Rethinking the Economic Recovery: A Global Green New Deal. – 2009. – URL: <http://www.sustainable-innovations.org/GE/UNEP%20%5B2009%5D%20A%20global%20green%20new%20deal.pdf> (дата обращения: 30.01.2014).

8. Blanco, E. Natural Resources and the Green Economy: Redefining the Challenges for People / E. Blanco, J. Razzaque. – Leiden-Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2012. – 275 p.
9. Inclusive Green Growth: The Pathway to Sustainable Development. – Washington, D.C. : World Bank, 2012. – 192 p.
10. Kennet, M. Green Economics: Setting the Scene. Aims, Context, and Philosophical Underpinning of the Distinctive New Solutions Offered by Green Economics / M. Kennet, V. Heinemann // International Journal Green Economics. – 2006. – Vol. 1, N 1/2. – P. 68–102.
11. Pearce, D. Blueprint for a Green Economy / D. Pearce, A. Markandya, E. Barbier. – London : Earthscan Publications Ltd., 1989. – 192 p.
12. Shaping the Green Growth Economy / M. Huberty, H. Gao, J. Mandell, J. Zysman. – Copenhagen : Green Growth Leaders, 2011. – 34 p.
13. Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication / R. Ayres [et al.]. – Nairobi : United Nations Environment Programme, 2011. – 44 p.
14. Working Towards a Balanced and Inclusive Green Economy / United Nations Environment Management Group. – Geneva, 2011. – 201 p.
15. Седьмая Конференция Министров «Окружающая среда для Европы» Астана, Казахстан 21–23 сентября 2011 года : докл. о работе. – URL: <http://www.uncece.org/fileadmin/DAM/env/documents/2011/ece/ece.astana.conf.2011.2.add.1.r.pdf> (дата обращения: 17.11.2015).
16. Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности – обобщающий доклад для представителей властных структур / Программа ООН по окружающей среде. – URL: http://www.unep.org/greeneconomy/Portals/88/documents/ger/GER_synthesis_ru.pdf (дата обращения: 17.11.2015).
17. Green Economy after Rio+20 – Progress and Prospects : program 1st Global Conference of PAGE (Dubai, 4–5 March 2014). – URL: <http://www.unep.org/greeneconomy/Portals/88/documents/PAGE/PAGE-UAEPProgramme.pdf> (дата обращения 09.12.2014).
18. Глобальный «зеленый» новый курс : доклад UNEP / UNEP. – 2009. – март. – 42 с – URL: http://www.unclearn.org/sites/www.unclearn.org/files/inventory/UNEP90_RUS.pdf (дата обращения: 30.01.2014).
19. The Green Economy Pocketbook: The case for action. – London : Green Economy Coalition, 2012. – 58 p.
20. Building an Equitable Green Economy : a Note from the Drafting Group // The Danish 92 Group. – URL: <http://www.92grp.dk/cms/images/Fokus%20og%20Nyheder/Greeneconomy.pdf> (дата обращения: 19.01.2015).
21. Green Economy Accord. Accord 4. Green Economy Accord : / Economic Development Department Republic of South Africa. – URL: <http://www.economic.gov.za/communications/publications/green-economy-accord> (дата обращения 09.07.2015)
22. High-Level Symposium on the United Nations Conference on Sustainable Development // UNCSO. – 2011. – URL: http://www.uncsd2012.org/content/documents/background%20note_Beijing_final.pdf (дата обращения: 30.01.2014).
23. Green Growth and Developing Countries: A Summary for Policy Makers / OECD. – 2012. – URL: <http://www.oecd.org/dac/50526354.pdf> (дата обращения: 30.01.2014).
24. Green Growth, Resources and Resilience: Environmental Sustainability in Asia and the Pacific // ESCAP. – 2012. – URL: <http://www.unescap.org/resources/green-growth-resources-and-resilience-environment>

- mental-sustainability-asia-and-pacific (дата обращения: 30.01.2014).
25. Annual report 2012 / The Global Green Growth Institute. – URL: <http://gggi.org/wp-content/uploads/2013/06/2012-Annual-Report.pdf> (дата обращения: 30.01.2014).
26. Towards Green Growth / G. Nicolett [et al.]. – Paris : Organization for Economic Co-operation and Development, 2011. – 142 p.
27. Korea's Third National Communication under the United Nations Framework Convention on Climate Change. Low Carbon, Green Growth. – URL: <http://unfccc.int/resource/docs/natc/kornc3.pdf> (дата обращения: 30.01.2014).
28. Shaping the Green Growth Economy / M. Huberty, H. Gao, J. Mandell, J. Zysman. – Copenhagen : Green Growth Leaders, 2011. – 34 p.
29. Бобылев, С. Н. «Зеленая» экономика и модернизация. Эколого-экономические основы устойчивого развития / С. Н. Бобылев, В. М. Захаров // На пути к устойчивому развитию : бюллетень Ин-та устойчивого развития Обществ. палаты РФ. – 2012. – № 60. – 90 с.
30. Научные труды Вольного экономического общества. – 2012. – Т. 160, № 4. – 332 с.
31. Перелет, Р. А. «Зеленая» экономика – комментарии и предложения по итогам круглого стола // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2012. – Т. 160. – С. 132–134.
32. Порфирьев, Б. Н. Природа и экономика: риски взаимодействия (эколого-экономические очерки) / под ред. В. В. Ивантера. – М. : Анкил, 2011. – 352 с.
33. Pisano, U. The Rio+20 Conference 2012: Objectives, Processes and Outcomes / U. Pisano, A. Endl, G. Berger // The European Sustainable Development Network (ESDN). – 2012. – URL: http://www.Sd-network.eu/quarterly%20reports/report%20files/pdf/2012-June-The_Rio+20_Conference_2012.pdf (дата обращения: 20.01.2014).
34. Green Economy Coalition. – URL: <http://www.greenconomycoalition.org/> (дата обращения: 30.01.2014).
35. 9 principles of a green economy? An online consultation // Green Economy Coalition. – 2012. – URL: <http://www.greenconomycoalition.org/updates/9-principles-green-economy-online-consultation> (дата обращения: 19.01.2013).
36. Principles for the Green Economy // The Earth Charter Initiative. – 2012. – URL: <http://www.stakeholderforum.org/fileadmin/files/Principles%20FINAL%20updated.pdf> (дата обращения: 19.01.2013).
37. Ten Conditions for a Transition Toward a «Green Economy» // International Chamber of Commerce (ICC). – 2011. – URL: http://uscib.org/docs/10%20Conditions%20Green%20Economy_FINAL.pdf (дата обращения: 30.01.2014).
38. Workers and Trade Unions' Consolidated Contribution to the United Nations Conference on Sustainable Development / The International Trade Union Confederation. – New York : ITUC CSI IGB, 2011. – 12 p.
39. The Seven Principles for a Fair and Green Economy. – Brussels : The Northern Alliance for Sustainability (ANPED), 2011. – 15 p.
40. Resilient People, Resilient Planet: A Future Worth Choosing : the report of the United Nations Secretary-General's high-level panel on Global sustainability. – New York: United Nations, 2012. – 94 p.
41. Inclusive Wealth Report 2012. Measuring progress toward sustainability / UNU-IHDP, UNEP. – Cambridge [et al.] : Cambridge University Press, 2012. – 336 p.

УДК 338.48

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К СЕГМЕНТИРОВАНИЮ ТУРИСТСКОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

© 2016

Клименко Татьяна Игоревна, кандидат экономических наук, зав. кафедрой «Гостиничный и туристический бизнес»

Овчаров Антон Олегович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Гостиничный и Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация. В статье на основе официальных статистических данных показано место российского туризма на международном рынке в условиях экономической нестабильности. Выявлены ключевые проблемы развития российского туризма и в контексте курса на импортозамещение обоснована необходимость правильного позиционирования туристских услуг на внутреннем рынке. Показано, что в процессе сегментирования туристского рынка главной задачей является выбор целевой группы. Доказано, что традиционные подходы к сегментированию не позволяют ускорить выбор целевых групп, а также упростить его поиск. В качестве нетрадиционного подхода предложен метод сегментирования через создание готовых однородных туристских потоков. Выделены три критерия формирования таких потоков, определены возможности применения этих критериев на туристском рынке. С целью апробации предложенного подхода к сегментации туристского рынка был проведен анализ однородного во времени и пространстве потока с условным названием «вокзал». Применялся метод статистического наблюдения и группировки данных. Кроме того, использовался опросный метод с последующей обработкой и интерпретацией полученной информации о выбранном туристском потоке. Учет результатов обработки опроса и предложенных рекомендаций будет способствовать повышению эффективности деятельности туристских компаний, выводящих на рынок новые продукты.

Ключевые слова: экономическая нестабильность, туристский рынок, импортозамещение, сегментация, целевая группа, однородный туристский поток.

MODERN APPROACHES TO SEGMENTATION OF THE TOURIST MARKET IN THE FACE OF ECONOMIC INSTABILITY

© 2016

Klimenko Tatyana Igorevna, candidate of economical sciences, head of the chair «Hotel and tourism business»

Ovcharov Anton Olegovich, doctor of economical sciences, professor of the chair «Hotel and tourism business»

Institute of Economics, Management and law, Kazan (Russia)

Abstract. Basing on official statistical data, the article shows the position of the Russian tourism in the global market under economic instability. The key problems of the Russian tourism development are revealed; within the context of import substitution, the necessity is grounded of the correct positioning the tourist services in the domestic market. It is shown that, in the process of the tourist market segmentation, the main task is to select the target group. It is proved that the traditional approaches to segmentation do not allow to accelerate and simplify the target group selection. The authors propose the non-traditional technique of segmentation through forming the homogenous tourist streams. Three criteria for forming such streams are distinguished; the possibilities to apply the technique in the tourist market are defined. To test the proposed approach, the authors have analyzed the time- and space-homogenous stream conditionally titled “the railway station”. The methods of statistical observation and data grouping were applied. Besides, the polling was applied, with the further processing and interpretation of the obtained information about the selected tourist stream. Application of the poll processing results and the propose recommendations will promote the efficiency of tourist companies launching new products to the market.

Keywords: economic instability, the tourist market, import substitution, segmentation, target group, homogeneous tourist stream.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Современные процессы, протекающие в мировой экономике, характеризуются высоким уровнем нестабильности. Результатом структурного кризиса, охватившего многие страны, стала новая экономическая реальность, которая формирует новую архитектуру мировой экономики, новые модели развития и новые траектории роста.

Россия, с одной стороны, является частью мировой экономики и поэтому для нашей страны также актуальным является вопрос формирования новой модели роста, вписывающейся в общую логику глобального развития. С другой стороны, в условиях экономических санкций и серьезного противостояния РФ с ведущими мировыми державами (прежде всего, США и ЕС), новая модель должна учитывать специфическое положение России на мировой арене. Импортозамещение, внутренние источники инвестиций, стимулирование сотрудничества на «восточном направлении» (с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, странами-членами ШОС и БРИКС), развитие конкуренции и человеческого капитала – все это приоритеты структурных реформ, стоящих, по мнению руководства страны, на повестке дня современной России [1, с. 17-21].

Руководством РФ признается, что «российская эконо-

номика остается пока в значительной мере неэффективной, отставая, например, по уровню производительности труда от стран-лидеров не на проценты, а в разы» [2]. Неэффективность наблюдается во многих видах экономической деятельности и в разных секторах экономики. Не является исключением и туристский сектор. Главная проблема заключается в том, что российский туризм на протяжении многих лет был ориентирован на выездной туризм, а не на въездной или внутренний. На рисунке 1 показаны результаты наших расчетов удельных показателей туризма России в мировой туристской индустрии. Очевидно, что основной с точки зрения развития въездного туризма экономический индикатор «международные туристские доходы» крайне незначителен для страны, обладающей очень большой территорией и разнообразными туристскими ресурсами.

При этом следует отметить, что события 2014-15 гг. (экономические санкции, девальвация рубля, банкротство крупных туроператоров, запрет на полеты в Египет) изменили конфигурацию российского туристского рынка. Снижение спроса на зарубежные поездки открыло путь к туристскому импортозамещению, понимаемому нами как переориентация российской туристской индустрии с выездного на внутренний туризм. Однако решить эту проблему в кратчайшие сроки не

представляется возможным. Для этого необходимо увеличение объемов прямых инвестиций в объекты туристской инфраструктуры. В условиях санкций речь может идти только о внутренних источниках инвестиций, причем обязательно на основе механизмов государственно-частного партнерства. Турфирмам следует изменить структуру своего портфеля продуктов – необходимо формировать, совершенствовать и диверсифицировать туристские услуги, связанные с различными программами внутреннего туризма.

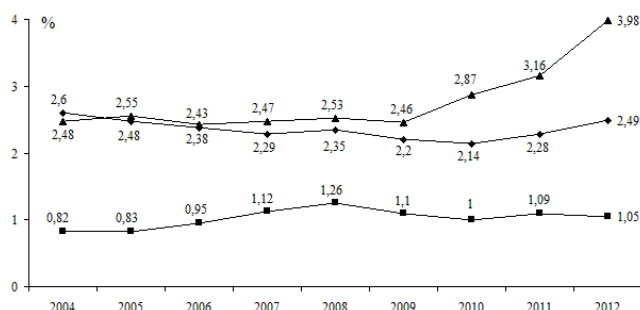

Рисунок 1 – Доля России в международных туристских прибытиях, доходах и расходах

Сегодня в России мы имеем диспропорциональность региональной инфраструктуры, высокий уровень цен на внутренние туристские услуги, отсутствие эффективного маркетинга в отношении различных туристских программ. Высокими остаются политические и коррупционные риски, угрозы безопасности. Косвенно это подтверждается данными Всемирного экономического форума. Так, еще в докризисном 2013 г. по индексу конкурентоспособности индустрии туризма и путешествий Россия заняла 63-е место в рейтинге из 140 стран (ее общий индекс был равен 4,16) [3]. Если по своему природному и культурно-историческому потенциалу Россия получила относительно высокий субрейтинг, то уровень безопасности вызывает серьезные опасения у международных экспертов и, конечно, самих иностранных туристов.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты данной проблемы и на которых обосновываются авторы. Технологии импортозамещения, необходимые сегодня российскому туризму, в конечном счете, должны быть ориентированы на внутреннего потребителя – основного участника туристского рынка. В этой ситуации одной из исследовательских задач становится определение способов правильного позиционирования туристских услуг на внутреннем рынке, распределения групп потребителей в соответствии с их вкусами и предпочтениями. В условиях динамичного развития общественной жизни, когда изменения затрагивают такие явления и процессы, как технологии, культура, трудовая деятельность, отдых и т.п., рыночный успех туристской индустрии зависит от того, насколько быстро она сможет переориентироваться на совершенно иную структуру целевых групп и изменившиеся потребности туристов. В настоящее время границы между различными группами потребителей становятся все более размытыми, поскольку зависят от демографических, структурных и ментальных изменений. Подобная размытость свидетельствует о необходимости создания новых приемов и инструментов сегментации туристского рынка.

Единого способа сегментации туристского рынка не существует. В литературе встречаются самые разные подходы к сегментации [4, 5, 6]. Например, В.С. Янкевич и Н.Л. Безрукова делят туристский рынок по таким традиционным признакам, как вид туризма, географическая зона, характер активности и т.п. [7, с. 204]. Часто сегментируется не только сам туристский рынок, но и близкие к нему рынки, в частности, рынок общест-

венного питания и зрелищных мероприятий [8, 9]. В индустрии туризма наиболее востребованными считаются методы сегментации рынка или самих туристов по следующим критериям и признакам:

- географические (страна или регион прибытия туриста и географическая цель поездки);
- психологические, предполагающие сегментацию по психологическим и поведенческим особенностям туристов (мотив поездки, темперамент, тип личности и т.д.);
- социальные или социально-демографические (возраст, пол, профессия, национальность, конфессиональная принадлежность и т.д.).

Некоторые исследователи туристского рынка дополнительно выделяют и организационные критерии – форма поездки, используемые транспортные средства и средства размещения и т.п. [10, 11, 12] Кроме того, ряд авторов при исследовании процесса сегментации обращают внимание на критерии (детерминанты), влияющие на формирование туристских потоков в различных курортных зонах. Так, Курматова А.М., Попова Е.В., Попова М.И. в качестве таких детерминант рассматривают сезонную и событийную составляющую [13]. Детерминантами спроса на внутренний туризм, а значит, и критериями, обуславливающими выбор потребителя, выступают, по мнению Бедновой М.А. и Ратниковой Т.В., валовой национальный продукт, обменный курс, транспортные расходы, стоимость проживания и ряд других переменных [14, с. 103-106].

При сегментации туристского рынка очень часто проводятся полевые исследования, позволяющие на эмпирической базе выявить социально-психологический портрет потребителя туристских услуг. Так, результаты анкетирования с целью выявления предпочтений отдыхающих в Крыму показали, что основная часть туристов представлена молодыми людьми в возрасте до 30 лет (более половины опрошенных) с низким и средним уровнем доходов. Основной причиной выбора отдыха в Крыму оказались благоприятные природно-климатические условия. Лишь только у 16% респондентов решающим мотивом выбора стал фактор «приемлемые цены» [15, р. 110].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Представленная работа основана на ряде статей ее авторов, посвященных анализу современного туризма [16-27]. К туристскому рынку можно применить два подхода маркетингового сегментирования, принятых в международной практике: «a priori» и «post hoc» [28]. Первый подход может использоваться при наличии четкой определенности сегментов туристского рынка, т.е. в тех случаях, когда известны все критерии сегментирования, количество сегментов и их характеристики. Данный метод будет эффективен при выводе нового туристского продукта, ориентированного на заранее известную целевую группу потребителей.

Второй подход подразумевает неопределенность критериев и самого содержания сегментирования. В рамках этого метода обязательным является проведение опроса, при котором у респондентов фиксируется отношение к определенной группе переменных. Такими группами может быть, например, частота и продолжительность поездок, комфортность условий и т.д. В зависимости от характера высказанного отношения к этим переменным, респонденты относятся к соответствующему сегменту.

Правильный выбор критериев сегментирования является залогом коммерческого успеха турфирмы. Обладая сведениями о различных характеристиках турпотоков, можно не только спрогнозировать «точки контакта» с данным сегментом, но и сформировать спрос на основе общности потребительских предпочтений клиентов-участников потока.

Очевидно, что наиболее трудной является проблема

определения целевой группы. Традиционные подходы с использованием подробного углубленного сегментирования, как правило, связаны с большими временными затратами. В этой связи в условиях динамично развивающейся среды на первый план выступает задача сокращения сроков сегментирования и определения рубежа, на котором необходимо остановиться и закончить процесс выделения целевых групп. Основным затруднением при этом является отсутствие понятных и простых критериев данного рубежа. В туристской практике принято следовать устоявшимся рекомендациям сегментировать «по полу», «по возрасту», «по социальному положению». Указанные общепринятые критерии неплохо зарекомендовали себя. Однако, учитывая необходимость ускорения поиска целевых групп для нового туристского продукта, представляется целесообразным использовать при сегментировании некоторый креатив, новый подход или приемы, позволяющие не только ускорить выбор целевых групп, но и упростить сам поиск.

Сычев С., Кавтрева А. и Опарин А. описали один из таких подходов к сегментированию [29]. На наш взгляд, этот подход можно применить и в туристском маркетинге. Авторами предлагается упростить процесс сегментирования через создание контекста или «перехода в надсистему». Проектируя маркетинговые мероприятия, мы оперируем не «людьми», а «потоками потенциальных клиентов». Очевидно, что быстрее найти готовый поток, чем создавать свой, тем более что последнее требует больших затрат. Строго говоря, задача любого сегментирования заключается в том, что среди разных вариантов выбрать тот, который и предоставляет готовые потоки. Выделим для этого три критерия.

Критерий 1. Готовый однородный поток потенциальных клиентов «во времени и пространстве». В качестве примеров таких потоков, имеющих прямое или косвенное отношение к туристско-рекреационной сфере, можно привести: «пассажиры чартерного рейса», «туристы, оказавшиеся на площади во время экскурсии» (пространственные потоки) или «посетители сеанса в дельфинарии», «туристы, смотрящие шоу» (временные потоки).

Существенным свойством потока является то, что у большинства людей в потоке присутствуют общие стереотипы, любой потребитель в потоке озабочен каким-либо обстоятельством в одинаковой степени. Например, если взять поток «пассажиры чартерного рейса», то вряд ли большинство туристов во время полета будут обеспокоены комфортностью будущего проживания в гостинице или разнообразием экскурсионных программ. Однако возможных потерь багажа, опозданий рейса или аварийных ситуаций будут опасаться многие пассажиры. Таким образом, «поток формирует контекст», а последний в свою очередь задает стереотип.

При сегментации по данному критерию необходимо ответить на следующие контрольные вопросы:

1. Существуют ли «в пространстве» (для наших примеров – «в аэропорту» и «на площади») готовые многочисленные однородные потоки потенциальных потребителей? Очевидно, что это очень разные люди (школьники и пенсионеры, мужчины и женщины, здоровые и больные), но их разнообразие в данном случае «в этом контексте» не важно, поскольку данная группа потребителей будет обладать одинаковой ответной реакцией на маркетинговые ходы в силу схожести ситуации в определенный момент времени.

2. Существуют ли «во времени» (для наших примеров – «во время сеанса в дельфинарии» и «во время шоу») готовые многочисленные однородные потоки группы потенциальных потребителей?

3. Смогут ли эти потоки «в месте А» и/или «во время В» купить (оценить, увидеть, услышать) определенный продукт?

4. Имеют ли эти люди возможность тесного общения друг с другом или с другими потребителями?

Рассмотрим возможности применения предложенного критерия сегментации на туристском рынке. Пусть необходимо вывести на рынок новый тур, включающий образовательные услуги. Купить данный тур могут любые группы – мамы, папы, студенты, преподаватели, директора, сотрудники фирм и т.п. Покажем алгоритм работы с целевой группой «студенты вузов». Для нее контрольные вопросы по критерию 1 будут следующие:

1. Где (в каком месте) студентов сразу много?
2. Когда (в какой период времени) студенты организованы (однородны)?
3. Смогут ли студенты «в данном месте» и/или «в данное время» купить предлагаемый новый тур?
4. Совпадают ли 1 и 2 и общаются ли при этом студенты друг с другом или другими возможными потребителями тура, например, с преподавателями?

Возможные ответы:

1. Студентов много в вузах, а также «на дискотеках», «в молодежных клубах», «в студенческих лагерях» и т.п.
2. Студенты более организованы («однородны») в следующие временные промежутки: «во время лекции», «во время обеда», «в перерыве между парами», «во время сеанса» и т.д.
3. Купить предлагаемый тур, например, «в вузе в перерыве между парами» или «в студенческом лагере во время обеда» студенты, скорее всего, не смогут. Однако при определенных обстоятельствах они смогут проявить интерес к этому туру, если, например, представителям турфирмы до данной целевой группы удастся донести информацию о преимуществах данного продукта.

4. В случае информирования студентов можно получить достаточно большое число разговоров о данном туре.

Таким образом, формируется целостная маркетинговая программа по выделению данного сегмента и строится механизм взаимосвязи с указанной целевой группой.

Критерий 2. Установление каналов взаимодействия с однородными потоками («мы не ждем целевую группу, а идем к ней сами»).

Важным является то, чтобы выбранный выше поток был максимально согласован (в пространстве и во времени) с уже существующей ресурсной сетью продаж. Например, когда агенты ходят по коттеджному поселку и предлагают купить тур, их могут просто не пустить на порог. В этом случае выбранный поток (жители поселка) и существующая сеть продаж (турфирмы) не совпадают. Высока вероятность того, что потребители будут недовольны тем, что их отвлекают от дел, они будут опасаться, что агент, увидев их имущество, может стать наводчиком для воров. Совершенно иная ситуация может возникнуть при покупке путевки в заранее оговоренном месте (офисе, торговом центре и т.п.) – покупатель охотно получает от продавца консультацию и оплачивает тур.

Критерий 3. Согласование потока с частотой потребления.

Многие потребительские товары и услуги подразумевают ежедневные покупки, которые совершаются на ходу (по пути). Туристские услуги выбирают продуманно. В этом случае наиболее интересны другие места пребывания и движения потоков – дом, работа и учеба, некоторые виды транспорта и т.п. В идеале, частота прохождения потока должна либо совпадать, либо быть выше частоты потребления, но никак не ниже, иначе продажи будут падать или прекращаться совсем. Так, если студенческая дискотека работает только в выходные дни, то очевидно, что продажи необходимо подстроить под цикл этого потока. Аналогичным образом следует формировать продажи под потоки потребителей, участвующих в распродажах, болельщиков на стадионе и т.п.

С целью апробации предложенного подхода к сегментации туристского рынка нами был проведен простейший анализ однородного во времени и пространстве потока с основным названием «вокзал». В качестве объ-

екта исследования выступали пассажиры поездов дальнего следования, прибывающие на железнодорожный вокзал г. Казань (ул. Саид-Галеева, д. 6). Было опрошено 500 чел. Опрос показал, что примерно в равных пропорциях распределены прибытия по целям поездок: поездки к родственникам (137 чел. или 27,4%), туристские поездки (122 чел. или 24,4%), деловые поездки (161 чел. или 32,2%). 80 чел. оказались в Казани проездом или с иными целями, что составляет 16% от общего числа респондентов.

Для установления возможности приобретения данным потоком определенного туристского продукта (контрольный вопрос 3 по критерию 1) каждому респонденту были заданы два вопроса:

1. «Где Вы планируете остановиться?» с вариантами ответов «у родственников», «забронирована гостиница или квартира» и «еще не знаю».

2. «Хотите ли купить экскурсию по Казани?» с вариантами ответов «точно да», «подумываю об этом», «не планировал», «точно нет».

Результаты обработки ответов по первому вопросу показали, что подавляющее число респондентов (425 чел. или 85%) уже определились с местом своего проживания в Казани: 139 чел. (27,8%) остановятся у родственников, а 286 чел. (57,2%) забронировали номер в гостинице. Лишь только 75 чел. (15%) не определились с местом временного проживания.

Несколько иная картина наблюдается с ответами по второму вопросу. Число респондентов, категорически отказывающихся от экскурсии по Казани, крайне мало – 91 чел. (18,2%). Более половины потока готовы к покупке экскурсии – 120 чел. (24%) однозначно ее купят, а 177 чел. (35,4%) подумывают об этом. Люди, которые не планировали приобретение экскурсии (112 чел. или 22,4%), на наш взгляд, также относятся к потенциальным клиентам, поскольку категорического отказа они не высказали. При определенном подходе (предложение скидки, индивидуальных условий и т.п.) эта группа может перейти в группу «размышляющих» о покупке.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, мы получили, что преобладающая часть потока «вокзал», с одной стороны, определилась с местом временного размещения, а с другой стороны, готова приобрести туристский продукт (экскурсию по Казани). Из этого можно сделать вывод, что малоэффективно предлагать на вокзале услуги по размещению в квартире или в гостинице, тогда как информация об экскурсионных услугах была бы весьма кстати. Отметим также, что данный поток согласован с частотой потребления (критерий 3), поскольку частота приезда гостей в Казань железнодорожным транспортом гораздо выше потребления экскурсионных услуг. Поэтому важным является достижение критерия 2, т.е. грамотного и эффективного установления каналов взаимодействия организаторов экскурсий с потенциальными клиентами. Это может быть арендованное место в здании вокзала, удобный график работы офиса и самих экскурсий (например, в ранние утренние часы, когда много прибывающих поездов), необычная реклама (например, через проводника поезда или по радио в купе при подъезде к Казани) и т.п.

Предложенная упрощенная схема сегментации, на наш взгляд, является удобной и адекватной для туристского рынка. Тем не менее, не стоит забывать, что ее применение не должно исключать более глубокого параллельного исследования потребительского рынка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Медведев Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. №10. С. 5-29.
2. Дмитрий Медведев: Развитие России – неотъемлемая часть глобальных процессов. URL: <http://www.rg.ru/2015/09/23/statiya-site.html> (дата обращения: АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

25.10.2015).

3. The Travel & Tourism Competitiveness Report, 2013. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TT_Competitiveness_Report_2013.pdf (дата обращения: 25.10.2015).

4. Гирова Н.Н., Плотникова Д.Д. Модель сегментации регионального рынка спроса в познавательном туризме (на примере туристского комплекса Нижегородской области) // Приволжский научный журнал. 2012. № 4 (24). С. 178-182.

5. Ивановская К.А. Емкость и сегментация рынка сельского туризма в Костромской области // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 15. С. 70-76.

6. Устюгова Е.В., Попова Т.О. Сегментация рынка эксклюзивного туризма России // Транспортное дело России. 2009. № 10. С. 63-64.

7. Янкевич В.С., Безрукова Н.Л. Маркетинг в гостиничной индустрии и туризме: российский и международный опыт. М.: Финансы и статистика, 2005. 416 с.

8. Пелле А.В. Рыночная сегментация массовых культурно-зрелищных мероприятий // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 15. С. 63-65.

9. Золотарева Ю.В. Сегментация рынка ресторанных услуг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2008. № 3. С. 74-81.

10. Башкуева Е.Ю. Состояние и проблемы санаторно-курортного сегмента туристского рынка республики Бурятия // Карельский научный журнал. 2015. № 3 (12). С. 49-53.

11. Башкуева Е.Ю. Санаторно-курортный сегмент туристского рынка республики Бурятия: состояния и проблемы // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 1 (10). С. 57-60.

12. Курченков В.В., Фетисова О.В., Матина Е.С. Особенности формирования туристского кластера в регионе // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2015. № 2 (40). С. 81-87.

13. Кумратова А.М., Попова Е.В., Попова М.И. Влияние сезонной и событийной составляющих на процессы планирования и управления туристскими потоками // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. №99. С. 1154-1165.

14. Беднова М.А., Ратникова Т.А. Эконометрический анализ спроса на въездной туризм в России // Прикладная эконометрика. 2011. № 1(21). С. 97-113.

15. Simonyan G., Turitsyn I. Issues of development of tourist-recreation complex of Crimea in market conditions // European Journal of Economic Studies. 2014. Vol. 8. № 2. pp. 107-112.

16. Овчаров А.О. Моделирование управления рисками в туристско-рекреационных системах // Страховое дело. 2008. № 6. С. 33-44.

17. Овчаров А.О. Индустрия туристского питания в российской и международной статистике // Вопросы статистики. 2012. № 1. С. 44-48.

18. Марченко О.А. Региональные аспекты функционирования сельского туризма в Украине // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 183-185.

19. Едренова В.Н., Овчаров А.О. Проблемы развития регионального туризма в контексте влияния экономических рисков // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 21. С. 92-99.

20. Овчаров А.О. Управление рисками в сфере туристских услуг // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8: Менеджмент. 2008. № 2. С. 138-160.

21. Клименко Т.И. Потребительские предпочтения как фактор формирования рынка делового туризма // Научные труды Вольного экономического общества России. 2010. Т. 130. С. 465-471.

22. Марченко О.А. Социально-экономические

основы регионального развития сельского туризма в Украине // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 150-153.

23. Якунин В.Н. Виды туризма: историография вопроса // Карельский научный журнал. 2014. № 2. С. 78-83.

24. Клименко Т.И. Деловой туризм в Казани: реалии и перспективы // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 2. С. 65-69.

25. Подзигун С.Н. Особенности инвестирования предприятий гостиничного хозяйства Украины в современных условиях // Карельский научный журнал. 2015. № 4 (13). С. 64-67.

26. Овсянников В.П., Якунин В.Н. Традиционное культурное наследие в молодых индустриальных городах // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 1. С. 58-62.

27. Овчаров А.О. Статистические методы систематизации туристской информации // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 137-142.

28. Сегментации рынка. URL: http://www.statsoft.ru/solutions/ExamplesBase/branches/detail.php?ELEMENT_ID=665 (дата обращения: 25.10.2015).

29. Об упрощении процесса сегментирования и выборе целевых групп. URL: http://www.triz-ri.ru/market/?id=1522&name=pokazhite_mne_celevuyu_gruppu_i_ya_perevernu_rynok (дата обращения: 25.10.2015).

УДК 330.341.1

ИЗРАИЛЬ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ИГРОКОВ НА МИРОВЫХ РЫНКАХ
НАУКОЕМКОЙ ПРОДУКЦИИ

© 2016

Лебедев Андрей Евгеньевич, соискатель

*Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия)*

Аннотация. Ускоренное экономическое развитие Государства Израиль в последней трети XX – начале XXI века связано, в первую очередь, с успешным развитием комплекса высокотехнологичных отраслей производства. Среди факторов, предопределивших лидирующее положение Израиля на международных рынках высоких технологий, выделяются как внутренние (целенаправленные усилия государства в области поощрения инновационной и исследовательской деятельности; воспитание предпринимательской культуры), так и внешние (ориентация и востребованность на внешних рынках; приток венчурного капитала в экономику). В рамках данной статьи проводится попытка общей характеристики и краткого описания перечисленных факторов. В качестве действующих экономических субъектов рассматриваются последовательно государственные органы (в том числе Бюро Главного ученого при Министерстве промышленности и торговли Израиля), действующие предприниматели (стартапы) и совокупность высокотехнологических отраслей (кластер высокотехнологичного производства израильской экономики). Основные тезисы подкрепляются примерами и иллюстрациями на основе статистического материала. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение израильского сектора высоких технологий в контексте теории кластеров. Основные предположения, выдвинутые в этой связи в работах зарубежных экономистов, подкрепляются анализом актуальных статистических материалов за последнее десятилетие.

Ключевые слова: высокие технологии, экономика Израиля, венчурный капитал, инновационное производство, стартапы, теория кластеров, экономический рост, экономическое развитие, привлечение инвестиций, международное экономическое сотрудничество.

ISRAEL AS ONE OF THE KEY PLAYERS ON THE WORLD MARKETS
OF KNOWLEDGE-INTENSIVE TECHNOLOGIES

© 2016

Lebedev Andrey Evgenyevich, applicant

Moscow State University, Institute for Asian and African Studies, Moscow (Russia)

Abstract. Intensive economic development that the State of Israel has demonstrated at the last decades of XX – beginning of XXI century is tightly connected to an increase in hi-tech production. The leading position of Israel on the international markets of high technology could be explained by a combination of factors including internal incentives (such as governmental support of innovation and research activities; bringing up a new generation of entrepreneurs with especial culture) and external stimulation (longing to external markets; foreign venture capital inflow). Within the article the abovementioned factors and incentives are being characterized and described. In the focus of the research are three main types of economic subjects – government bodies (including the Office of the Chief Scientist of Israel's Ministry of Economy of Israel), the entrepreneurs (startups) and the group of hi-tech industries of Israel (the high-tech cluster of Israeli economy). The main ideas expressed are illustrated on the ground of statistic materials. Special attention is drawn to reviewing Israeli high-tech from the position of the theory of clusters. The main views expressed by foreign researchers in this regard are being analyzed and reviewed in relations to statistic data from the last decade.

Keywords. High technology, the economy of Israel, venture capital, innovative production, startups, cluster theory, economic developments, economic growth, attracting investments, international economic cooperation.

В научных исследованиях взлёт национальной экономики, который вывел Израиль в число развитых стран, нередко характеризуется как «израильское экономическое чудо» или «чудо ускоренного развития» по аналогии с ситуацией, имевшей место в некоторых странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) (Д.А. Марьясис [1], Р.Е. Лоонеу [2]). При этом локомотивом роста израильской экономики в последние десятилетия называют комплекс высокотехнологичных отраслей производства (Е.Л. Гаршенина [3], А.Е. Лебедев [4]). Таким образом, израильский опыт развития высокотехнологичных отраслей экономики вызывает научный интерес как среди отечественных, так и среди зарубежных специалистов.

Отдельного внимания заслуживают внутренние и внешние источники высокой конкурентоспособности израильской экономики именно как экономики инноваций, демонстрировавшей на определенном этапе ускоренный рост. В рамках данной статьи попытаемся рассмотреть и дать характеристику совокупности данных факторов, а также описать динамику их изменений на основе статистических данных за период с 1996 по 2015 годы.

Как и в случае с классическими примерами стран ЮВА, «экономическое чудо» в Израиле стало возможным благодаря комбинации факторов. Не последнюю роль сыграла целенаправленная политика государства в области экономики и внешнеэкономических связей.

В случае с Израилем эта политика многократно уточнялась и видоизменялась в ходе активных экспериментов, результатом которых стала общая направленность на развитие инновационной сферы [1, С. 173].

Главное действующее лицо в израильской модели экономики инноваций – предприниматель. Оптимальный микроклимат для развития ориентированного на инновации предпринимательства (включая толерантное отношение к предпринимательским неудачам) на системном уровне поддерживается и развивается израильскими властями [5]. Поддержка предпринимательства не только осуществляется на законодательном уровне внутри Государства Израиль, но и «экспортируется» за рубеж через международные организации, членом которых является Израиль. Так, в 2012 году Израиль вынес на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию о предпринимательстве как важнейшем инструменте борьбы с бедностью путем развития предпринимательства в развивающихся странах. В общей сложности за резолюцию проголосовали 129 стран, 31 – против, 9 воздержались [6].

Говоря об участии Израиля в формировании благоприятной среды для развития инновационного производства в глобальном масштабе, следует отметить ряд ключевых международных документов, подписантом которых является Израиль. Так, он является членом Парижской конвенции по защите промышленной соб-

ственности, Договора по патентному сотрудничеству и ряда других международных договоров, связанных с защитой интеллектуальной собственности [7].

Работа на международном направлении также является одним из приоритетов Бюро главного ученого. Существует две основные структуры, задействованные в программах сотрудничества по ряду направлений: Центр израильских промышленных НИОКР (МАТИМОП - Аббревиатура от (ивр.) Merkaz HaTaasia HaIsraelit leMechkar VePituach - Центр израильских промышленных НИОКР) и Управление по сотрудничеству с Европой в сфере НИОКР – ISERD (The Israel-Europe R&D Directorate - Управление по сотрудничеству с Европой).

Основной формой поддержки НИОКР служат двусторонние программы взаимодействия по созданию совместно финансируемых фондов, а также соглашения о параллельном финансировании.

На данный момент созданы совместно финансируемые фонды Израиля с США (BIRD), Канадой (CIIRDF), Сингапуром (SIIRD) и Южной Кореей (KORIL-RDF). Израиль и страна-партнер учреждают фонд с заранее оговоренным взносом с обеих сторон, после чего фонд возглавляется совместным советом директоров, который состоит из представителей правительств обеих стран. Создается некоммерческая организация для управления фондом. При этом фонд не становится совладельцем (не приобретает ценные бумаги) поддерживаемых компаний и не претендует на права интеллектуальной собственности на вновь создаваемые при поддержке фонда разработки. Помогая финансово обратившимся за грантом структурам из обеих стран, фонд также ищет для них бизнес-партнеров. Общий размер гранта со стороны фонда не может составлять более 50% расходов на финансирование разработки [8].

Соглашения о параллельном (двустороннем и многостороннем) финансировании через посредство МАТИМОП подписаны Израилем с более чем 40 странами Европы, Юго-восточной Азии и Океании, Северной и Южной Америки. В рамках подобного соглашения для совместных предприятий компаний из двух стран каждая сторона обязуется финансировать НИОКР компании из соответствующей страны.

Помимо международных форм сотрудничества на двусторонней основе, существуют программы с большим количеством участников из разных стран. В основном подобные программы взаимодействия ориентированы на сотрудничество Израиля и Европы [1, С. 145].

Отдельного внимания заслуживает программа БГУ по налаживанию взаимодействия между небольшими израильскими стартапами и крупными транснациональными корпорациями. Как указано на сайте программы, «большинство технологических прорывов, имеющих отношение к Израилю, связаны со сравнительно небольшими компаниями. И хотя стартапы обычно отличаются креативностью и высокой производительностью в сфере НИОКР, коммерциализация вновь разработанной продукции для них является вызовом ввиду ограниченности ресурсов.

В свою очередь, большие компании – и в особенности ведущие транснациональные корпорации – обладают преимуществом в коммерциализации производстве и маркетинге новых продуктов.

Исходя из предположения о том, что сотрудничество между крупными ТНК и небольшими стартапами будет выгодным для всех сторон, включая государство, МАТИМОП разработал программу и условия участия как для стартапов (придерживается ориентации на НИОКР, ежегодная прибыль не превышает 70 миллионов долларов, не сотрудничает с ТНК), так и для ТНК (вкладывается в НИОКР, ежегодная прибыль не меньше 2 миллиардов долларов, глобальное присутствие). БГУ предлагает половину суммы на совместные исследования при условии, что остальные 50% выделяются ТНК.

Система межгосударственных соглашений, в которых участвует Израиль, эффективно дополняется деятельностью государства внутри страны.

Лидирующее положение Израиля на международных рынках высоких технологий характеризуется готовностью государства вкладывать средства в исследования в области НИОКР. Данные о них в сопоставлении с другими экономиками приведены в таблице 1.

Таблица 1 - Государственные расходы Израиля на НИОКР, сравнительные данные, 2014 г.

Страна	Государственные расходы на НИОКР, в долларах по ППС	Государственные расходы на НИОКР (в перерасчете на душу населения), в долларах по ППС	В процентах от ВВП государства
Финляндия	6 495,5	1 181,0	3,2
Швеция	13 119,1	1 366,6	3,2
Дания	7 231,2	1 291,3	3,1
Израиль	10 357,5	1 278,7	4,1
Австрия	10 910,8	1 283,6	3
США	432 583,2	1 366,8	2,7
Германия	97 712,8	1 207,8	2,8
Япония	159 219,7	1 250,7	3,6
Исландия	253,5	845,0	1,9
Южная Корея	72 833,9	1 445,1	4,3
Норвегия	5 376,8	1 054,3	1,7
Австралия	21 592,4	918,8	2,1
Голландия	14 838,2	883,2	2
Бельгия	10 894,8	972,8	2,5
ОЭСР	1 102 036,6	876,6	2,4
Ирландия	3 284,3	714,0	1,5

Составлено по материалам официального сайта ОЭСР (OECD Data, Gross domestic spending on R&D - <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>; OECD Data, Population - <https://data.oecd.org/pop/population.htm>)

В таблице 1 представлены 15 государств-лидеров по некоторым показателям затрат на НИОКР. Один из приведенных показателей – расходы на НИОКР в перерасчете на душу населения. Как видно, по этому показателю Израиль входит в шестёрку лидеров по итогам 2014 года, незначительно отставая от идущей на второй позиции Финляндии.

По такому показателю, как затраты на НИОКР в процентах от ВВП, Израиль является одним из лидеров, уступив пальму первенства лишь Южной Корее. Пожалуй, именно этот показатель следует считать наиболее значимым при определении той роли, которую занимает НИОКР и отрасль высоких технологий в экономике государства в целом. Такой высокий показатель для Израиля лишний раз подтверждает, что развитие в сфере инновационных технологий и НИОКР является для Израиля приоритетом при формировании общей экономической стратегии на ближайшие десятилетия.

Оценивая роль высоких технологий в экономике государства, важно отметить и такой показатель, как доля работающих в сфере высоких технологий в общей структуре занятости. В Израиле в 2011 году она составила 9,4%. По данному показателю Израиль является абсолютным лидером среди всех экономик мира. В экономике ближайших по данному показателю Ирландии и Финляндии (схожесть пути развития экономик этих стран с путями развития израильской экономики уже отмечалась в рамках данной работы) в 2011 году демонстрировали, насчитывалось 7,2% и 5,6% занятых в инновационном производстве [9, С. 1044].

Лидирующее положение Израиля на мировых рынках инновационной продукции характеризуется также активностью и достижениями в деловом секторе внутри Израиля. Среди израильских компаний относительно мало крупных транснациональных корпораций, таких, как «Teva», «Check Point» или «Amdocs». При этом «Teva» - единственная израильская компания, входящая в список 500 крупнейших мировых предприятий с крупнейшей рыночной капитализацией (232 место по итогам 2013 года согласно данным Financial Times) [10]. И хотя крупные израильские игроки занимаются покупкой местных стартапов (с их последующей интеграцией в собственную структуру) и участвуют в фондах венчурного капитала, основную активность в этом направлении

демонстрируют иностранные ТНК [11, С.140]. Для них покупка израильских стартапов и – часто – последующее их превращение в собственный исследовательский центр – это способ реализации собственных НИОКР. В этом контексте, как отмечают многие специалисты, Израиль обладает уникальным конкурентным преимуществом: в стране создан подходящий микроклимат для проведения эффективной исследовательской работы, чем и пользуются ТНК.

Однако большая часть рынка высоких технологий в Израиле представлена небольшими компаниями-стартапами, которые были созданы в последние 15-20 лет. Общий успех высоких технологий Израиля как сектора экономики, включающего в себя сразу несколько отраслей, напрямую зависит от сложившейся здесь культуры предпринимательства и в частности – от способности создателей стартапов «растить» свои компании, выводить их на рынок и развивать их.

Согласно исследованию, проведенному совместно профессором Бизнес-школы Гарварда Джеффом Бассгангом и ее выпускником израильянином Омри Штерном, стоит выделить несколько трендов, обобщающих опыт 112 наиболее успешных израильских стартапов, основанных с 1996 по 2013 год и преодолевших рубеж в 20 миллионов долларов дохода:

- Израильское руководство, но при этом ориентация на международный рынок (82% рассматриваемых компаний имеют офисы в других странах, но 91% – по-прежнему возглавляются израильскими генеральными директорами);

- Важнейшая роль американского венчурного капитала (91% этих компаний получали на том или ином этапе поддержку иностранных инвесторов – в основном из США);

- Опыт создателей (63% основателей успешных стартапов уже имели опыт создания собственных компаний в прошлом) [12].

Узость потенциального спроса внутри Израиля заставляет предпринимателей с самого начала ориентироваться на зарубежные рынки, чтобы стартапы имели перспективы роста. В роли первичного рынка, на который ориентируются руководители стартапов, обычно выступает рынок США.

Как правило, небольшая команда израильских разработчиков создает технологический образец продукта, который затем выводит его на израильский рынок, чтобы оценить первичный уровень спроса. Впоследствии маркетинг и сеть продаж развивается в США. До недавнего времени многие стартапы для этих целей нанимали на работу вице-президентов компании, которые занимались продажами на американском рынке. С некоторых пор основатели компании стали применять на практике иную модель. Они сами переезжают в США, где создают филиал своей компании и лично занимаются маркетингом и продажами [12].

Именно из Северной Америки приходит и большая часть внешнего венчурного капитала. Привлечение средств из США на раннем этапе – залог более успешного и быстрого развития стартапа впоследствии. В рамках своего исследования Д. Бассганг и О. Штерн приводят данные по среднему числу работников и общей сумме продаж для предприятий, которые финансировались только израильским, только иностранным и смешанным по происхождению капиталом (рисунок 1).

Из приведённых данных видно, что зарубежные инвестиции значительным образом влияют на рост и развитие израильских компаний, о чем можно судить по двум приведённым показателям. Компании, созданные при участии иностранного капитала, по уровню продаж и количеству работников в целом крупнее компаний, созданных лишь при участии местных инвесторов.

Таким образом, ориентация на зарубежные источники инвестирования и иностранные рынки сбыта с самого первого шага – основа преуспевания израильских высоко-

котехнологических предприятий, созданных в последние десятилетия и находящихся в авангарде инновационного сектора Израиля.

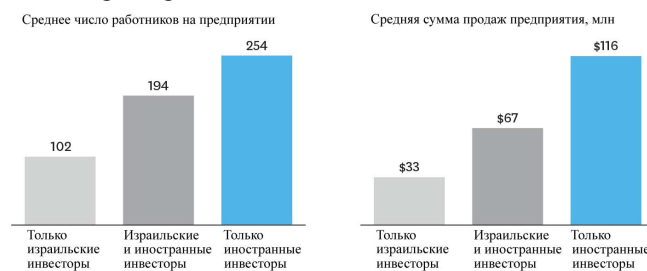

Рисунок 1 - Среднее число работников и средняя сумма продаж стартапов по источникам инвестирования, 1996-2013 гг.

Источник: J.Bussgang, O. Stern. How Israeli Startups Can Scale. Harvard Business Review. 10.09.2015 // <https://hbr.org/2015/09/how-israeli-startups-can-scale>

Отдельный интерес представляет рассмотрение совокупности инновационных отраслей экономики с точки зрения теорий кластеров. С точки зрения этой теории высокотехнологичное производство образует отдельный кластер в рамках экономики, и вновь возникающий кластер хай-тек проходит несколько этапов в своём развитии [11, 13].

Когда кластер демонстрирует устойчивость по отношению к экзогенным шокам, таким, как изменения предпочтений потребителя или экономические циклы, а также способность к самообновлению, он может считаться зрелым. Сложившийся кластер демонстрирует менее бурный рост, чем вновь возникший, но при этом он стабильно удерживает позицию ведущей отрасли экономики и успешно самообновляется, выходя на новые рынки и изменяя соответствующим образом свою структуру и поддерживая институты [11, С.140].

Таблица 2 - Количество занятых и уровень выпуска израильской промышленности (по типам технологий), 1995 - 2005 гг.

	Низкие технологии		Технологии ниже среднего		Средние высокие технологии		Высокие технологии		Общие показатели	
	Кол-во занятых	Выпуск продукции	Кол-во занятых	Выпуск продукции	Кол-во занятых	Выпуск продукции	Кол-во занятых	Выпуск продукции	Кол-во занятых	Выпуск продукции
Индекс, базовый год - 2004 (100%)										
1995	124,9	107,9	108,2	93,1	117,2	94,5	83,2	55,0	109,2	81,8
1996	123,5	107,9	113,5	99,4	118,3	96,8	86,0	61,6	111,0	86,2
1997	119,2	107,9	113,1	99,2	115,6	94,7	89,9	66,1	109,8	87,7
1998	116,0	107,6	110,7	97,3	114,4	100,2	94,0	72,0	108,8	90,2
1999	114,0	107,9	106,4	95,2	112,6	99,4	96,1	76,7	107,2	91,5
2000	113,0	107,8	106,4	98,2	113,5	105,3	103,2	96,3	108,7	100,6
2001	107,5	103,5	103,5	95,9	110,3	100,1	103,3	89,2	105,6	95,7
2002	102,7	101,2	101,1	96,9	106,6	101,5	97,5	85,1	101,4	93,9
2003	99,3	97,9	100,0	96,8	102,1	99,8	95,7	86,9	98,9	93,6
2004	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
2005	100,5	101,3	101,8	104,9	100,2	102,1	104,1	105,4	101,6	103,7
Процент изменения по сравнению с предыдущим годом										
1996	-1,1	0,0	4,9	6,8	0,9	2,4	3,4	12,0	1,6	5,4
1997	-3,5	0,0	-0,4	-0,2	-2,3	-2,2	4,5	7,3	-1,1	1,7
1998	-2,7	-0,3	-2,1	-1,9	-1,0	5,8	4,6	8,9	-0,9	2,9
1999	-1,7	0,3	-3,9	-2,2	-1,6	-0,8	2,2	6,5	-1,5	1,4
2000	-0,9	-0,1	0,0	3,2	0,8	5,9	7,4	25,6	1,4	9,9
2001	-4,9	-4,0	-2,7	-2,3	-2,8	-4,9	0,1	-7,4	-2,9	-4,9
2002	-4,5	-2,2	-2,3	1,0	-3,4	1,4	-5,6	-4,6	-4,0	-1,9
2003	-3,3	-3,3	-1,1	-0,1	-4,2	-1,7	-1,8	2,1	-2,5	-0,3
2004	0,7	2,2	0,0	3,4	-2,1	0,3	4,5	15,1	1,1	6,8
2005	0,5	1,2	1,8	4,8	0,2	2,0	4,1	5,4	1,6	3,7
2005 год в сравнении с 1995	-19,5	-6,1	-5,9	12,7	-14,5	8,0	25,1	91,6	-7,0	26,8

Источник: Statistical Abstract of Israel 2006, P. 754.

Согласно выводам, которые делает в своём исследовании Ч. Карлссон, израильский хай-тек кластер закончил своё становление к 2004 году, пройдя процесс реструктуризации и пережив так называемый кризис дот-комов 2001-2003 годов. Об этом свидетельствует целый ряд показателей: от уровня продаж, занятости и количества патентов в сфере информационно-коммуникационных технологий до количества созданных и успешно вышедших на рынок (например, через сделки

по слиянию или выход на IPO) и уровня привлеченного венчурного капитала в 2003-2005 годах [11, С.140].

Некоторые показатели для периода 1995-2005 представлены в таблице 2. Из данных таблицы видно, что темп роста выпуска продукции и количества занятых в хай-теке превышает средние показатели по промышленности в каждый год из рассматриваемого периода за исключением 2001-2002 годов, на которые пришёлся пик кризиса дот-комов.

В 2003-2004 году просматривались первые признаки восстановления кластера хай-тека после кризиса. Аналогичная картина просматривалась и с точки зрения привлечения венчурного капитала. В 2004 году в высокотехнологичные отрасли было привлечено 727 млн. долларов, а в 2005 – 1,2 млрд. долларов, что больше чем в любой из годов вплоть до 1999 [14].

Попробуем развить эту мысль и рассмотрим динамику данных показателей в период с 2005 по 2014 год.

Рисунок 2 - Динамика изменения уровня производства в израильском кластере хай-тека и промышленности в целом, 2005-2014 гг., % (2005 – 100%)

Составлено по: Statistical Abstract of Israel 2015 (http://cbs.gov.il/reader/shnatonenew_site.htm)

Из рисунка 2 видно, что после 2005 года израильский кластер хай-тека демонстрировал ускоренный рост уровня производства по сравнению с промышленностью в целом, являясь локомотивом роста в периоды устойчивости и амортизирующим фактором в кризисные годы.

Объем привлеченного венчурного капитала в период с 2006 по 2015 год также демонстрировал уверенный рост. Спад наблюдался лишь в период кризиса (2008-2009 год) и в 2012 году. За указанный период годовой объем привлеченного капитала лишь однажды (в 2008 году) упал ниже отметки в 1,2 млрд долларов, а в 2015 году дошел до показателя 4,4 млрд долларов. Причем 85% средств привлечено из-за рубежа [15]. Таким образом, вывод Ч. Карлссона о зрелости, которой кластер хай-тека достиг к 2004 году, подтверждается статистическими данными за последующее десятилетие.

Таким образом, следует говорить о совокупности факторов, обусловивших лидерские позиции Израиля на международных рынках инновационной продукции. Во-первых, государство в Израиле целенаправленно работает в области развития инновационного производства как внутри страны (стимулируя НИОКР), так и в сфере международных контактов (через многочисленные программы сотрудничества). Подробно механизм этой работы описан в том числе и в работах отечественных исследователей. [1, 16]

Во-вторых, в последние 20-25 лет в Израиле сложилась культура создания и развития стартапов: израильские предприниматели не без помощи государства научились проводить вновь созданные компании через все стадии, попутно привлекая инвестиции (в том числе и из-за рубежа) и выводя свой продукт на международные рынки. Ориентиром при этом служат американские рынки венчурного капитала и сбыта.

В-третьих, израильский кластер хай-тека, начиная со второй половины 80-х, прошёл все этапы, пока не достиг консолидированного состояния, пройдя испытания кри-

зисом «дот-комов» начала 2000-х.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Марьясис Д.А.. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. Институт востоковедения РАН. 2015
2. Robert E. Looney. Handbook of Emerging Economies. Routledge, 2014
3. Гаршенина Е.Л.. Экономическая история развития высоких технологий в Израиле / Под ред. профессора И.О. Фаризова. М., ТЕИС. 2005.
4. Лебедев А.Е.. Израиль на международном рынке высоких технологий: Современные и перспективные тенденции развития / Под ред. Фаризова И.О. М.: МАКС Пресс, 2011
5. Senor D., Singer S., Start-up Nation: The Story of Israel's Economic Miracle. Twelve, New-Yorke, 2009.
6. ООН принимает резолюцию, предложенную Израилем, 11.12.2012 // <http://israelreport.ru/news/6023/oon-prinimaet-rezolyutsiyu-predlozhennuyu-izrailem>
7. Якимова Е. Защита интеллектуальной собственности в Израиле, 06.12.2012 // <http://rus-israel.ru/analytics/news662>
8. Сайт Центра израильских промышленных НИОКР // <http://matimop.org.il>
9. Statistical Abstract of Israel 2013. Central Bureau of Statistics. 2013
10. Financial Times 500, 2013 // <http://www.ft.com/indepth/ft500>
11. C. Karlsson. Handbook of Research on Innovation and Clusters: Cases and Policies. Edward Elgar Publishing, 2008.
12. J.Bussgang, O. Stern. How Israeli Startups Can Scale. Harvard Business Review. 10.09.2015 // <https://hbr.org/2015/09/how-israeli-startups-can-scale>
13. A. Saxenian. Régional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128. Harvard University Press, 1994
14. Globes. IVC: VC Funds Raised \$1.2b in 2005. 22/03/2006 // <http://www.globes.co.il/en/article-1000074087>
15. Summary of Israeli High-Tech Capital Raising - Q4/2015. IVC Research Center // <http://www.ivc-online.com/Research-Center/IVC-Publications/IVC-Surveys/High-Tech-Capital-Raising>
16. Федорченко А.В., Марьясис Д.А.. Научно-технический комплекс России и Израиля: возможности взаимодействия. М.: МГИМО – Университет, 2006

УДК 657.6

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АУДИТА СДЕЛОК С ФИНАНСОВЫМИ
ИНСТРУМЕНТАМИ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ**

© 2016

Лихтарова Ольга Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Бухгалтерский учет, анализ и аудит»*Самарский институт (филиал) Российского экономического университета им.Г.В. Плеханова,
Самара (Россия)*

Аннотация. Все многообразие сделок, совершаемых организацией с финансовыми инструментами рынка ценных бумаг, подлежит отражению в финансовой (бухгалтерской) и налоговой отчетности, данные которых представляют интерес как для внешних, так и для внутренних пользователей. Внешние пользователи по результатам анализа финансовой (бухгалтерской) отчетности принимают решения о целесообразности установления деловых связей. Налоговые органы посредством проверки налоговой отчетности экономического субъекта определяют правильность исчисления и уплаты налогов, которыми облагаются сделки с ценными бумагами. В свою очередь, менеджмент организации по данным бухгалтерского учета и отчетности определяет, стоит ли фирме наращивать объемы сделок с финансовыми инструментами, и прогнозирует экономический эффект от этих сделок. Достоверность данных о ценных бумагах и сделках с ними, отраженных в финансовой (бухгалтерской) и налоговой отчетности, достигается грамотным ведением бухгалтерского учета и систематическим проведением аудиторских проверок. Бухгалтерский учет обеспечивает сбор и обобщение информации о финансовых инструментах и сделках, в которых они участвуют, а аудит – проверку правильности ведения бухгалтерского учета этого участка и достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности. В статье сформулированы цель и задачи аудита сделок с финансовыми инструментами рынка ценных бумаг, а также информационная база для аудита сделок с финансовыми инструментами.

Ключевые слова: аудит, финансовые инструменты рынка ценных бумаг, информационное обеспечение, бухгалтерская финансовая отчетность, система бухгалтерского учета, система внутреннего контроля, интегрированная информационная система.

**INFORMATION ASSURANCE AUDIT OF TRANSACTIONS WITH FINANCIAL
INSTRUMENTS SECURITIES MARKET**

© 2016

Likhtarova Olga Viktorovna, candidate of economical science, associate professor of the chair
«Accounting, analysis and audit»*Samara Institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics, Samara, (Russia)*

Abstract. All variety of transactions made by the company with the financial instruments of the securities market, should be recognized in the financial (accounting) and tax reporting, data which are of interest for both external and internal users. External users according to the analysis of the financial (accounting) decide on the feasibility of establishing business relations. The tax authorities, by checking tax statements of the economic entity determine the correctness of calculation and payment of taxes levied on transactions in securities. In turn, the management of organization according to the accounting and reporting determines whether a company is to increase the volume of transactions in financial instruments, and predicts the economic impact of these transactions. The reliability of data on securities and transactions with them in the financial (accounting) and tax reporting is achieved by a competent accounting and systematic audits. Accounting provides a compilation and synthesis of information on financial instruments and transactions in which they engage, and the audit - checking the correctness of the accounting of the site and the reliability of the financial (accounting) statements. The article defines the purpose and objectives of the audit of transactions with financial instruments of the securities market, as well as the information base for the audit of transactions in financial instruments.

Keywords: audit, financial market instruments, securities, information technology, accounting financial statements, the accounting system, internal control system, integrated information system.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Развитие рынка ценных бумаг явилось одной из важнейших предпосылок становления аудита. Инвесторы, выходя на фондовый рынок, стремятся вкладывать денежные средства в ценные бумаги тех эмитентов, чья отчетность прозрачна и достоверна. Ориентация на финансовую отчетность обусловлена тем, что она содержит основные финансово-экономические показатели деятельности эмитентов и позволяет оценить вероятность возврата вложенного капитала.

Потенциальные покупатели могут быть уверены в достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности эмитентов финансовых инструментов лишь при условии, что она проверена независимыми аудиторами. В связи с этим российское законодательство дает право выхода на фондовый рынок с целью размещения эмитированных ценных бумаг только тем компаниям, в состав отчетности которых входит аудиторское заключение.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Проблемам развития бухгалтерского учета на современном этапе развития экономики как информационной

базы проведения аудита посвящены исследования таких ученых, как, П.С. Безруких [1], М.В. Мельник [2], Суйц В.П. [3], С.М. Бычкова [4] и др.

На современном этапе развития рыночной экономики сделки с ценными бумагами обеспечивают поддержание непрерывности процессов финансово-хозяйственной деятельности организаций и широко используются ими [5-9]. Вместе с тем практика показывает, что, к сожалению, данному разделу учета не всегда уделяется должное внимание и как результат - допущение ошибок в бухгалтерском и налоговом учете, нарушение действующего законодательства и искажение финансовой отчетности экономического субъекта.

Предотвращению подобных негативных последствий способствует аудиторская проверка сделок с финансовыми инструментами рынка ценных бумаг. Она может проводиться как в рамках общего аудита финансово-хозяйственной деятельности организации в качестве одного из направлений проверки, так и самостоятельно на основании заключенного договора оказания аудиторских услуг по проверке операций с финансовыми инструментами. Чаще всего в заключении таких договоров заинтересованы организации, операции с ценными бумагами которых существенны в стоимостном выражении, хотя могут быть и немногочисленными.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью исследования является теоретическое обоснование и разработка информационного обеспечения в области аудита сделок с финансовыми инструментами рынка ценных бумаг и в разработке направлений их совершенствования. Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач: анализ существующей законодательной базы сделок с финансовыми инструментами, выявление ее недостатков современным условиям проведения аудита; рассмотрение условий признания и способов оценки финансовых инструментов для определения направлений проверки; обоснование важности аудита сделок с финансовыми инструментами и определение его цели, задач и информационной базы.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Цель аудита сделок с финансовыми инструментами рынка ценных бумаг, вытекающая из общей цели аудита, сформулированной в п. 3 ст. 1 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ, сводится к выражению обоснованного мнения о достоверности и полноте информации о сделках с финансовыми инструментами, отраженной в финансовой отчетности проверяемого экономического субъекта, и соответствии применяемой методики учета и налогообложения этих инструментов действующим в Российской Федерации нормативным документам.

Для подтверждения достоверности информации при проверке сделок с финансовыми инструментами аудиторы исходят из предпосылок подготовки бухгалтерской финансовой отчетности, предусмотренных п.4 Федерального стандарта аудиторской деятельности №7 «Аудиторские доказательства» (ФСАД 7/2011). Данные предпосылки включают в себя следующие элементы, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Предпосылки подготовки финансовой (бухгалтерской) отчетности, обеспечивающие достоверность информации о сделках с финансовыми инструментами рынка ценных бумаг

Предпосылка	Содержание предпосылки
Существование	Устанавливается факт наличия ценных бумаг и их сертификатов на дату составления отчетности, подтвержденный необходимыми первичными документами и результатами инвентаризации, изучается существенность сделок с финансовыми инструментами для организации и способность ценных бумаг приносить доход в будущем
Права и обязанности	Проверяется наличие документов, подтверждающих права фирмы на ценные бумаги, и переход к ней рисков, связанных с данными правами
Возникновение	Выявляются данные, подтверждающие отнесение сделок с финансовыми инструментами рынка ценных бумаг, приводящих к их погашению или выбытию, к соответствующим учетным периодам
Полнота	Определяется, все ли сделки с финансовыми инструментами учтены в бухгалтерском учете и финансовой (бухгалтерской) отчетности и не существует ли неучтенных ценных бумаг
Стоимостная оценка	Изучается соответствие оценки финансовых инструментов, отраженной в бухгалтерском учете и финансовой (бухгалтерской) отчетности, требованиям нормативных документов
Точное измерение	Анализируется точность отражения сумм по операциям с финансовыми инструментами в бухгалтерском учете и финансовой (бухгалтерской) отчетности с отнесением доходов или расходов к соответствующим периодам времени, а также соответствие данных финансовой (бухгалтерской) отчетности записям в регистрах синтетического учета
Представление и раскрытие	Устанавливается правильность классификации и описания ценных бумаг в соответствии с требованиями их отражения в финансовой (бухгалтерской) отчетности

Достижению конечной цели аудиторской проверки сделок с финансовыми инструментами способствует последовательное решение определенных задач, соответствующих основным направлениям аудита.

К первостепенной задаче аудита сделок с финансовыми инструментами следует отнести проверку соблюдения аудируемым лицом требований гражданского, бухгалтерского и налогового законодательства в части, касающейся ценных бумаг. Важность этой задачи обусловлена тем, что она является ключевой по отношению к другим задачам проверки. Так, например, соблюдение требований бухгалтерского законодательства минимизирует риск ошибок в учете ценных бумаг, в документальном оформлении операций с ними, в проведении инвентаризации финансовых инструментов и отражении ее результатов в учете.

В свою очередь, на этапе планирования большую роль играет вторая задача аудита сделок с финансовыми инструментами, заключающаяся в оценке эффективности системы бухгалтерского учета (СБУ) и внутреннего контроля (СВК) организации [10-17]. Ведь чем эффективнее функционируют эти системы, тем достовернее информация, отраженная в учете и отчетности, тем больше будет времени у аудитора на проверку наиболее проблемных участков учета ценных бумаг.

В настоящее время в практику делового оборота входит понятие «интегрированная информационная система». Она объединяет в себе базовые элементы систем бухгалтерского учета и внутреннего контроля, отражая их информационную направленность. Переход к интегрированной информационной системе призван сблизить российские правила (стандарты) аудиторской деятельности (ПСАДы) с международными стандартами аудита (МСА) [18].

Значимой также является третья задача, касающаяся проверки правомерности отнесения ценных бумаг на счета учета финансовых вложений и правильности формирования их стоимости при постановке на учет. При решении данной задачи устанавливается факт соблюдения (несоблюдения) аудируемым лицом критериев отнесения ценных бумаг к финансовым вложениям. Соблюдение данных критериев позволяет признать анализируемые ценные бумаги финансовыми инструментами.

Одним из критериев отнесения ценных бумаг к финансовым вложениям является их способность приносить экономические выгоды в будущем, которые могут выступать в форме дивидендов, процентов, дисконта. Проверка правильности и своевременности учета и налогообложения этих доходов по финансовым инструментам представляет собой самостоятельную задачу аудита сделок с финансовыми инструментами. Ее решение также способствует достижению основной цели аудита.

Помимо перечисленных выше к задачам аудиторской проверки сделок с финансовыми инструментами рынка ценных бумаг относятся также:

- изучение состава финансовых инструментов по данным первичных документов и учетных регистров, подтверждение права собственности на них;
- оценка состояния синтетического и аналитического учета финансовых инструментов;
- проверка своевременности проведения инвентаризации финансовых инструментов, выявление ее результатов и отражение на счетах бухгалтерского учета;
- оценка достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности в части, приходящейся на сделки с финансовыми инструментами;
- проверка правильности оценки финансовых инструментов.

При проведении аудиторской проверки сделок с финансовыми инструментами аудитору следует руководствоваться различными нормативными документами, регулирующими вопросы бухгалтерского учета, налогообложения и аудита таких сделок.

Базовая информация о финансовых инструментах, их видах, сделках, в которых они могут участвовать, о порядке заключения таких сделок и их документальном оформлении содержится в первой и второй частях Гражданского кодекса РФ. В свою очередь, вопросам совершения и документального оформления сделок с эмиссионными ценными бумагами на биржевом рынке посвящен Федеральный закон «О рынке ценных бумаг».

Необходимые сведения о специфике бухгалтерского учета сделок с финансовыми инструментами, об альтернативности вариантов его ведения и порядке отражения информации о таких сделках в бухгалтерской отчетности аудитор может получить из ПБУ 19/02 «Учет финансовых вложений». Ряд вопросов по бухгалтерскому учету ценных бумаг затронут и в других положениях по бухгалтерскому учету таких, как ПБУ 4/99 «Бухгалтерская отчетность организации», ПБУ 9/99 «Доходы организации», ПБУ 10/99 «Расходы организации», ПБУ 15/08 «Учет расходов по займам и кредитам», ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль».

При изучении же вопросов налогообложения сделок с ценными бумагами аудитор должен руководствоваться нормами первой и второй частей Налогового кодекса РФ. При этом наиболее детально следует изучить требования главы 25 «Налог на прибыль организаций», поскольку финансовые результаты сделок с финансовыми инструментами выступают налоговой базой по налогу на прибыль.

В отличие от бухгалтерского учета специальные законодательные акты, регулирующие порядок проведения аудиторской проверки сделок с финансовыми инструментами, отсутствуют. В связи с этим нормативная база аудита данного участка представлена теми документами, которые регламентируют общий порядок проведения аудита. Это Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ и правила (стандарты) аудиторской деятельности, утвержденные постановлением Правительства РФ от 23.09.2002 г. № 696, а также федеральные стандарты аудиторской деятельности, утвержденные приказами Минфина РФ от 16.08.2011 г. № 99н и 20.05.2010 г. № 46н. Федеральный закон определяет правовые основы регулирования аудиторской деятельности в Российской Федерации, а ПСАДы - последовательность проведения аудиторской проверки и ее методику [19].

Демонстрацию практического применения разработанной методики аудита сделок с финансовыми инструментами рынка ценных бумаг будем осуществлять на примере Общества с ограниченной ответственностью «Техносервис».

В соответствии с Уставом основными видами деятельности ООО «Техносервис» являются: предоставление услуг по сбору, обработке и анализу информации; консультационная деятельность; организация и проведение расчетов и взаимозачетов; разработка схем и методов проведения и оптимизации расчетов; создание бизнес-планов и проведение мероприятий по оздоровлению финансово-экономического положения предприятий; осуществление торговой деятельности.

Информационная база аудита сделок с финансовыми инструментами, помимо нормативных документов, сформирована также Приказом об учетной политике, первичными учетными документами по ценным бумагам, в том числе учетной документацией по инвентаризации ценных бумаг, регистрами синтетического и аналитического учета, бухгалтерской отчетностью.

В Приказе об учетной политике содержится следующая информация: перечень счетов, закрепленных в рабочем плане счетов и используемых для отражения ценных бумаг; формы первичных документов и учетных регистров, разработанные и утвержденные организацией для учета ценных бумаг; порядок учета дополнительных затрат, связанных с приобретением финансовых инструментов; документооборот (график документооб-

ворота) первичных документов по учету ценных бумаг; перечень лиц, которым предоставлено право подписи документов, оформляющих операции с финансовыми инструментами; способы оценки ценных бумаг, по которым не определяется текущая рыночная стоимость, при их выбытии.

В Приказе об учетной политике ООО «Техносервис» на 2014 г. по ценным бумагам закреплены лишь способы их оценки при выбытии для целей бухгалтерского и налогового учета и дана ссылка на ст. 280 НК РФ, которой регламентирован порядок осуществления и налогообложения сделок РЕПО с финансовыми инструментами.

К первичным учетным документам, на основании которых сведения по сделкам с финансовыми инструментами отражаются в бухгалтерском учете, в первую очередь, относятся договоры, форма которых зависит от характера совершаемой сделки – договор купли-продажи ценных бумаг, договор займа, договор мены, договор дарения. В состав первичных учетных документов также входят акты приема-передачи ценных бумаг, выписки банка и платежные поручения, расходные кассовые ордера и квитанции к приходным кассовым ордерам, накладные на передачу имущества в оплату ценных бумаг, инвентаризационные описи ценных бумаг и бланки документов строгой отчетности, выписки реестродержателей и депозитариев, отчеты брокеров и депозитариев, сами ценные бумаги, имеющие документальную форму [20].

В ООО «Техносервис» первичные учетные документы по финансовым инструментам рынка ценных бумаг за 2014 г. представлены договорами купли-продажи ценных бумаг, объектом купли-продажи по которым выступают обыкновенные и привилегированные акции, процентные облигации, договорами купли-продажи векселей, договорами учета векселей, актами приема-передачи ценных бумаг, отчетами по операциям на внебиржевом рынке, сформированными ЗАО «ИК «Тройка Диалог», брокерскими отчетами по сделкам с ценными бумагами, сформированными ЗАО «ИК «Газинвест», а также депозитарным договором с ЗАО «ИК «Тройка Диалог» и договором на брокерское обслуживание с ЗАО «ИК «Газинвест».

Данные, полученные из первичных учетных документов, подлежат отражению на счетах бухгалтерского учета и впоследствии обобщаются в регистрах синтетического и аналитического учета. До вступления в силу ПБУ 19/02 организации обязаны были применять единую форму аналитического регистра по ценным бумагам – Книгу учета ценных бумаг. В настоящее время организациям предоставлено право самостоятельно разрабатывать регистры аналитического учета. Однако по содержанию они близки к Книге учета ценных бумаг. К регистрам синтетического учета относятся карточки, анализы и оборотно-сальдовые ведомости по счетам 50 «Касса», 51 «Расчетные счета», 52 «Валютные счета», 58 «Финансовые вложения», 59 «Резервы под обеспечение вложений в ценные бумаги», 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками», 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», 66 «Расчеты по краткосрочным кредитам и займам», 67 «Расчеты по долгосрочным кредитам и займам», 75 «Расчеты с учредителями», 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами», 90 «Продажи», 91 «Прочие доходы и расходы», 98 «Доходы будущих периодов».

В ООО «Техносервис» учетные регистры по ценным бумагам представлены карточками, анализами и оборотно-сальдовыми ведомостями по счетам 58-1-2 «Акции», 58-2 «Долговые ценные бумаги», 58-10-1 «Организованный рынок», 58-10-3 «Тело облигации», 58-10-4 «Купонный доход по облигациям». В свою очередь, информация о финансовых результатах сделок с финансовыми инструментами содержится в регистрах синтетического учета по счетам 91-1 «Прочие доходы» и 91-2 «Прочие расходы».

Важным источником информации для проведения аудиторской проверки сделок с финансовыми инструментами является также бухгалтерская финансовая отчетность, в которой отражаются агрегированные данные по ценным бумагам за отчетный период. Информация о ценных бумагах и их движении содержится в бухгалтерском балансе, отчете о движении денежных средств, приложении к бухгалтерскому балансу, а финансовые результаты сделок с ними – в отчете о финансовых результатах. При наличии признаков обесценения по финансовым инструментам, не обращающимся на ОРЦБ, создается резерв под обесценение вложений в ценные бумаги и на сумму созданного резерва делается запись в отчете об изменении капитала.

Информация по финансовым инструментам ООО «Техносервис» и сделкам с ними за 2014 г. содержится в четырех формах отчетности – бухгалтерском балансе, отчете о финансовых результатах, отчете о движении денежных средств, пояснениях к бухгалтерскому балансу и отчету о финансовых результатах. Сведения о финансовых инструментах в форме №3 не представлены, т.к. резерв под обесценение вложений в ценные бумаги обществом не создавался.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

Таким образом, четкая формулировка цели и задач аудита сделок с финансовыми инструментами и однозначное определение состава информационной базы создают благоприятные предпосылки для проведения эффективной аудиторской проверки. Решение всех поставленных задач позволяет аудитору выразить в аудиторском заключении мнение о степени достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности и соответствии порядка ведения бухгалтерского и налогового учета операций с ценными бумагами требованиям российского законодательства. Кроме того, правдивость аудиторского заключения достигается путем соблюдения аудитором всех норм, закрепленных в различных нормативных документах по бухгалтерскому учету, налогообложению и аудиту. В свою очередь, знакомство аудитора с документами, составляющими информационную базу аудита, способствует формированию представления аудитора о состоянии учета операций с финансовыми инструментами, о возможных ошибках и проблемных областях, а также о том, чему необходимо уделить особое внимание в процессе проверки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бухгалтерский учет: Учебник / А.С. Бакаев, П.С. Безруких, Н.Д. Врублевский и др. / Под ред. П.С. Безруких. - 4-е изд., перераб. и доп. - М: Бухгалтерский учет, 2006.
2. Мельник М.В. Ревизия и контроль: учебное пособие / М.В. Мельник, А.С. Пантелеев, А.Л. Звездин / под ред. проф. М.В. Мельник. - 2-е изд., стер. - М.: КНОРУС, 2012. - 520 с.
3. Суйц В.П. Аудит / В.П. Суйц. - М.: Высш. образование, 2012. - 398 с.
4. Бычкова С.М. Аудит бухгалтерской отчетности / С.М. Бычкова, Т.Ю. Фомина // Аудиторские ведомости. - 2013. - № 2. - С. 56-59.
5. Багдасарян А.М. Развитие интеграционных процессов рынка ценных бумаг на постсоветском пространстве // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2014. № 1 (33). С. 11-16.
6. Ильина А.В. Операции банка на рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4 (36). С. 236-244.
7. Нехайчук Д.В. Об использовании методики исследований деятельности субъектов инвестиционно-финансовой инфраструктуры // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 153-156.
8. Павлова Е.В. Паевые инвестиционные фон-

ды: анализ доходности и преимущества деятельности // Вестник НГИЭИ. 2015. № 3 (46). С. 74-82.

9. Мингалёв Н.В., Карева Е.И. Государственный долг России и его социально-экономические последствия // Карельский научный журнал. 2014. № 2. С. 68-70.

10. Зубенко Е.Н. Система бухгалтерского учета и отчетности в условиях вступления в ВТО // Вестник НГИЭИ. 2014. № 7 (38). С. 82-89.

11. Киченина Т.Н. Интеграция принципов бухгалтерского учета для негосударственного и государственного секторов управления // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 78-83.

12. Понедельчук Т.В., Козьяков А.Ю. Развитие методики анализа несостоятельности бухгалтерского баланса // Карельский научный журнал. 2015. № 4 (13). С. 29-33.

13. Игошина Ю.А. Система внутреннего контроля как элемент управленческого учета // Вестник НГИЭИ. 2014. № 1 (32). С. 59-69.

14. Тямусев Д.И. Методические подходы формирования системы управленческого учета и контроля в организациях розничной торговли // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 2. С. 80-82.

15. Шнайдер В.В. Закономерности учёта инвестиционных средств и императивы конкурентоспособности экономического субъекта // Карельский научный журнал. 2015. № 3 (12). С. 84-87.

16. Лысов И.А., Колачева Н.В. Информационная база анализа финансовых результатов предприятия // Вестник НГИЭИ. 2015. № 1 (44). С. 50-53.

17. Великая Е.Г., Чурко В.В. Индикаторы оценки эффективности организации // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 2. С. 57-61.

18. Бронникова Т.Н. МСФО - аудит финансовой отчетности / Т. Бронникова [Электронный ресурс] // Ваш партнер-консультант. - 2015. - № 7.

19. Лихтарова О.В. Проблемы признания и отражения финансовых инструментов в корпоративной отчетности российских компаний // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 5 (32). С. 5.

20. Хашкулов Х. Привлечение заемных средств путем выпуска облигаций / Хашкулов Х. [Электронный ресурс] // Финансовая газета. - 2007. - № 8.

УДК 338.23

ИНДИКАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2016

Невская Наталья Александровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Международная политэкономия» кафедры «Политическая экономия»
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва (Россия)

Аннотация. В статье обоснована необходимость индикативного планирования в российской экономической системе. Рассмотрен опыт формирования индикативных планов в западных странах, представлен опыт директивного планирования. Рассмотрены основные факторы, используемые в прогнозных моделях на примерах французского и немецкого государственного планирования, а также изложен опыт индикативного планирования в США и Японии. Отдельно представлен опыт государственного планирования в нашей стране. В основе подхода к формированию системы индикативного планирования лежит разделение целей и условий индикаторов по критерию границы прогнозного периода. Раскрыты основные факторы прогнозных моделей в среднесрочном и долгосрочном периодах. В статье рассмотрены базовые условия среднесрочной модели для определения целевых показателей прироста реального ВВП. В заключение представлен общий обзор нормативно-правовых документов, формирующих систему стратегического планирования в российской практике. Выявлены недостатки формирующейся системы государственного экономического планирования, в частности, воспроизведение отрицательных сторон плановой системы предыдущей экономической системы в нашей стране, отсутствие проработанного механизма реиндустриализации экономики, без которого невозможно реструктурировать экономику и как следствие строить обоснованные долгосрочные стратегии развития экономики страны.

Ключевые слова: Макроэкономическое прогнозирование, экономическая модель, индикативное планирование, стратегическое планирование, государственное экономическое планирование, экономический рост, реиндустриализация.

THE INDICATIVE PLANNING: EXPERIENCE AND PROSPECTS
IN THE RUSSIAN ECONOMY

© 2016

Nevskaya Natalia Alexandrovna, candidate of economical science, associate professor, leading researcher of the laboratory «International political economy» of the department of «Political economy»
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow (Russia)

Abstract. The article considers a necessity of indicative planning in the Russian economic system. It is the experience of formation of indicative plans in Western countries, describes the experience of policy planning. The main factors used in forecasting models in the examples of the French and German indicative planning, as well as describes the experience of indicative planning in the United States and Japan. The article presented the experience of the public economy planning of in our country. The formation of indicative planning system have based on the separation of objectives and conditions by the criterion of the forecast period indicators. It is the main factors of predictive models in the medium and long term. The article deals with the basic conditions of the medium model to determine the targets of growth in real GDP. There is a review of based documents and forms of the system of strategic planning in the Russian practice finally at article. The article considers the disadvantages of the emerging public economic planning. For example, it are the reproduction of the negative aspects of the planning system of the previous economic system in our country, the lack of highly detailed mechanism of re-industrialization of the economy re-industrialization of the economy without one it is impossible to restructure the economy and reasonable to build long-term development strategy of the country's economy.

Keywords: Macroeconomic forecasting, economic model, indicative planning, strategic planning, public economy planning, the economic growth, reindustrialization.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Изменившиеся экономические условия привели к необходимости разработки и проведения взвешенной экономической политики, новой промышленной политики, а также заставили пересмотреть систему принятия экономических решений на государственном уровне. Одним из острых вопросов на повестке дня стоит необходимость реиндустриализации экономической системы. Объективные экономические условия в нашей стране не позволяют в рамках закона спроса и предложения в открытой рыночной системе достичь заявленной цели. Появление данной проблемы привело к необходимости формирования системы государственного регулирования экономики более комплексными методами, чем применялись ранее. На протяжении 25 рыночных лет предполагалась саморегуляция рынка на фоне его высокой монополизации. Решение социально-экономических задач, а также распределение части бюджетных ресурсов реализовывалось с использованием программно-целевого подхода, который был призван решать отдельные экономические проблемы в стране. Результатом такой политики явилась разбалансировка производственного потенциала экономической системы и, как следствие, невозможность ответить на внешнеэкономические вызовы.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В разные годы и на разных этапах развития экономической мысли, посвященной экономическому планированию преобладали разные методы регулирования экономической деятельности. При доминировании неоклассического подхода в экономике, в условиях обобществления производства в начале прошлого века регулирование осуществлялось при помощи денежно-кредитной и финансовой политики.[1] После опыта Великой депрессии, а также успехов СССР в проведении индустриализации особую популярность получили методы прямого регулирования, связанные с формированием и стимулированием совокупного спроса через государственные расходы.[2] Перечисленные методы регулирования, прежде всего, были направлены на антициклическое регулирование экономики. После второй мировой войны с развитием производства и научно-техническим прогрессом получили распространения методы, предполагающие финансирование науки и образования, проведение политики ускоренной амортизации, регулирование ставок краткосрочных и долгосрочных кредитов с целью стимулирования прямых инвестиций и прочие.[3] Опыт использования этих методов в регулировании экономик развитых стран для достижения определенных экономических целей лег в основу формирования системы индикативного

планирования.

Теория индикативного планирования зародилась в условиях обобществления производства и выделения крупных монопольных игроков на мировых рынках в 60-е годы XX века, была тесно связана с посткейнсианской научной школой и переплеталась с теорией институционализма. Также влияние на становление системы индикативного планирования оказали идея социализма, демонстрирующие в народном хозяйстве СССР немалые успехи, в том числе и, что особенно важно, в наукоемких отраслях производства. [4]

Теоретическую основу индикативного планирования составляют работы таких экономистов как Л. Вальрас, В. Парето, Дж. Хикс, Я. Тинберген, К. Эрроу, Г. Дебре. Концепция индикативного планирования была сформулирована руководителем французского планового коммиссариата П. Массе, аналитическое оформление концепции принадлежит одному из разработчиков неоклассической теории экономического роста Д. Миду. [5]

Формирование целей статьи (постановка задания). Формирование системы индикативного планирования явилось объективной необходимостью, позволяющей системно воздействовать на экономику и в первую очередь реализовать промышленную политику на основе научного системного подхода. Опыт индикативного планирования западных стран и планирования в нашей стране позволят очертить возможные границы вмешательства государства в экономику, анализ существующих целей развития даст выбор соответствующих инструментов планирования с оценкой воздействующих на экономику факторов, анализ нормативной базы позволит выявить слабые места формирующейся системы индикативного планирования.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Отличительной особенностью индикативного планирования является попытка соединить децентрализованные решения участников рыночных отношений и достижение желаемой динамики результатов макроэкономических показателей. Реализация индикативного планирования осуществлялась в форме прогнозов и государственных программ развития экономики.

Суть индикативного планирования в рамках рыночных отношений сводится к формированию условий ведения экономической деятельности (уровня цен, процентных ставок, темпу экономического роста, институциональных условий, политических и правовых рамок), согласованию интересов, координации усилий рыночных участников. Особое внимание уделяется контрольным документам, которые позволяют оценить эффективность регулирующего воздействия.

В Западной Европе существовало два основных направления индикативного планирования: французское и немецкое. Французское направление представляет собой трехуровневое планирование. На первом уровне рассчитывается альтернативный прогноз макроэкономических величин, на основе которых формируются цели среднесрочного прогноза и осуществляется проработка величин, формирующих макроэкономические показатели (величины потребления и сбережения, структура конечного потребления и т.д.). На втором уровне составляется план государственных расходов и капиталовложений. Он является обязательным для исполнения. На третьем уровне осуществляется программирование развития отраслей. Столь глубокая детализация плановых документов в рыночной экономической системе ставила под удар критики французскую концепцию планирования, в связи с возможностью скатывания через систему контрольных показателей от индикативного плана к директивному в связи с концентрацией экономических функций и принятия экономических решений в рамках государственных органов. [6]

В рамках немецкого подхода к индикативному планированию принято затрагивать лишь макроэкономиче-

ские показатели в индикативном планировании, чтобы не нарушать основных принципов рыночной конкуренции. Для этого формируется так называемый «контурный план», в рамках которого формируются такие укрупненные макроэкономические показатели как ВВП, Национальный доход, величины экспорта и импорта, доля накопления и потребления. [7] Возможность секторального или отраслевого планирования не рассматривается. Одним из основных инструментов реализации контурного плана выступает государственный бюджет, отражающий план доходов и расходов на среднесрочную перспективу, также используются методы денежно-кредитной политики.

Опыт индикативного планирования Японии демонстрирует активное вмешательство государства в экономику страны на макро- и микроуровнях. На макроуровне используются неоклассические рычаги рыночного регулирования – денежно-кредитная политика. Отличительной особенностью японского индикативного планирования является прямое вмешательство государства в работу корпораций, а также регулирование отдельных рынков, в частности, рынков ресурсов. Целью данного вмешательства является повышение эффективности отдельных отраслей и производств, выход на внешний рынок предприятий отрасли и представление на мировом рынке конкурентоспособных товаров. Методами заявленной цели являются как стимулирование производств, так и протекционизм. Обратной стороной такой целенаправленной политики работы с корпорациями является систематическая поддержка малых и средних предприятий, политика способствующая модернизации их производств в соответствии с изменяющимися внешнеэкономическими условиями. [8]

Индикативное планирование в США не имеет столь выраженного концептуального характера, так как США являются оплотом рыночной экономики, но фактически эта страна занимает первое место в методологических вопросах планирования. Великая депрессия изменила отношение американского истеблишмента к функциям государства в сфере регулирования экономики. Начало данной работе положили программы президента Рузвельта. Особенностью плановой работы в США является отсутствие ответственных за плановую работу государственных органов. Планирование осуществляется через совокупность программ, разработанных ответственными министерствами, на основе прогнозных расчетов специализированных бюро (например, бюро экономического анализа). Часть прогнозно-плановой работы выполняют частные фирмы, а также научные коллективы частных университетов. Одним из ярких примеров является работа американского ученого российского происхождения В. Леонтьева, посвященная моделированию межотраслевых связей в экономике, в дальнейшем развитая до мирового уровня, применяемая для оценки международных потоков отраслевой продукции. Также интересна работа корпорации «Конференц борд», рассчитывающая помимо прочего показатели рыночной конъюнктуры, используемые при оценке периода экономического цикла, так называемые гарвардские барометры. [9] Регулированию подвергается большой перечень объектов социально-экономической политики, таких как уровень производства и динамика цен, антиинфляционная политика, уровень занятости (в региональном и структурном аспектах), макроэкономическое регулирование инвестиционной деятельности, структурная политика (включая формирование материальных товарных запасов с целью стабилизации цен и изменения рыночных диспропорций, согласование интересов участников на рынке труда, стимулирование экспортоориентированных предприятий для выхода на мировой рынок). [10] Помимо прогнозно-плановой работы, где объектом выступает национальная экономика, научные коллективы США принимают участие в работе международных организаций, моделируя межотраслевые и региональ-

ные связи разных стран. [11] В рамках таких моделей можно оценить не только товаропоток, но и движение ресурсов между странами и регионами (например, проект ЛИНК).[12] Таким образом, США являясь адептом рыночной экономики демонстрирует успехи в планировании экономических процессов как внутри страны, так и в рамках работы международных организаций.

Рассматривая индикативное планирование необходимо учесть опыт развитых стран, а также взять лучшие наработки государственного экономического планирования в СССР, особенно в вопросах построения экономических моделей.

Рассмотренный опыт западных стран показывает разную степень вмешательства в экономику через экономическое регулирование. Французская концепция планирования характеризуется концентрацией экономических функций и принятия экономических решений в рамках государственных органов. В рамках немецкого подхода к индикативному планированию принято затрагивать лишь макроэкономические показатели в индикативном планировании, чтобы не нарушать основных принципов рыночной конкуренции. Отличительной особенностью японского индикативного планирования является прямое вмешательство государства в работу корпораций, а также регулирование отдельных рынков, в частности, рынков ресурсов с целью повышения эффективности отдельных отраслей и производств, выход на внешний рынок предприятий отрасли и представление на мировом рынке конкурентоспособных товаров. Интересен опыт планирования в США позиции реализации планов. США отличаются высоким уровнем развития методических и методологических подходов к государственному планированию. В условиях конкуренции поддержка основных отраслей и важных производителей, осуществляется через системы грантов. При этом расчет основных показателей ведется как на макроуровне, так и в отраслевом разрезе, а также рассчитываются товаропотоки мировой экономики, что объясняется активным участием США в международном разделении труда.

В РФ плановая работа в основном сведена к формированию моделей и расчету прогнозов. Построением прогнозных моделей занимаются научно-исследовательские коллективы, в частности ИНП РАН, ЦЭМИ РАН, ИЭ РАН. Разработаны и апробированы модели RIM [13], CGE [14], описывающих экономику России.

С точки зрения формирования системы индикативного планирования на среднесрочную перспективу следует обратить внимание на текущие факторы экономического роста. Одной из основных экономических проблем в нашей стране является затяжной кризис, имеющий как внешние конъюнктурные, так и внутренние системные причины.

Экономика России встраивается в мировые производственные цепочки на стадии поставки сырья, то есть на мировом рынке российские производители представлены в подавляющем большинстве добывающими предприятиями. Это даёт в конечном итоге очень низкую составляющую величины добавленной стоимости в итоговой цене товара, и в результате низкий процент в мировом ВВП. [15] Развитые страны встраиваются в производственные цепочки на высокотехнологических стадиях, снимая «сливки» в формировании доходов. Таким образом, место в мировой производственной цепочке отражает конкурентоспособность страны на мировом рынке и является целевым ориентиром экономического развития при осуществлении экономического индикативного планирования.

При оценке и прогнозе экономического роста в расчетах принято выделять сезонную, конъюнктурную и трендовую составляющие. Упрощая ситуацию можно сказать, что экономический рост базируется: на конъюнктурных факторах (например, таких как цены на нефть, а в лаговой зависимости от них, и цены на газ); на базовых факторах (непосредственно влияющих на реальную

экономику, например, таких как инвестиции в реальный сектор).

В связи с тем, что экономика Российской Федерации не относится к лидирующим, и производит около 2,5% мирового ВВП (для сравнения - США около 18%), то оказывать даже косвенное воздействие на мировую экономику, в частности, на динамику конъюнктурных факторов не представляется возможным.

С точки зрения долгосрочного планирования развития российской экономики следует обратить внимание на теорию больших циклов и технологических укладов. Технологические уклады представляют собой исторически сформировавшиеся совокупности взаимосвязанных технологических цепочек, в каждой из которых выделяется технологический кластер (производственное ядро), определяющий перспективы развития на данном этапе.

Для встраивания в мировую цепочку производства продукции на стадии с высокой долей наукоемкости, а следовательно высокой добавленной стоимостью в цене товара, необходимо вовремя спрогнозировать начало технологического уклада и спланировать инвестиции в соответствующие производства. Это позволит опередить конкурентов на еще не существующих, но формирующихся рынках и даст конкурентные преимущества. [16] Развитые страны, как правило стоят во главе укладов, и именно это является основным определяющим фактором их степени развития. V уклад проходит во главе США, что отражает соответствующий прирост ВВП в данный период, который больше на 0,5% чем средне-статистический прирост ВВП в этой стране. Следует отметить, что СССР «захватил» III и IV технологические уклады в рамках планирования и индустриализации народного хозяйства.

В рамках экономического планирования, связанного с технологическим укладом важно отметить большую роль человеческого капитала в этом процессе. Необходимо к началу технологического уклада иметь подготовленных специалистов в лидирующих отраслях и кластерах, так как фактор наукоемкости связан с качеством подготовки специалиста.[17] То есть каждая технологическая волна связана с латентным периодом, в котором формируется высококвалифицированный специалист. По некоторым оценкам, наиболее продуктивный возраст ученого 30-35 лет, но для того, чтобы он пришел в науку, необходимо создать условия, формирующие первый научный интерес еще в 12-летнем возрасте. Таким образом, процесс планирования образования должен охватывать 20-и летний период.

Следует отметить, что такое долгосрочное стратегическое подражает ориентир на интенсивный тип планируемого экономического роста, смену технологий, а соответственно вливание большого объема инвестиций (в том числе и в человеческий капитал) не будет давать большого прироста ВВП на начальном периоде, периоде освоения, а принесет свой эффект на стадии развития производства, так как инвестиции в этот период требуются минимум для поддержания производственного процесса, а выпуск существенно вырастет из-за внедрения новой технологии, что необходимо отметить при формировании экономических индикаторов. [18]

Начиная с 2014 года в России был принят ряд документов, направленных на формирование системы государственного регулирования экономики на системном уровне. Прежде всего принят закон ФЗ «О стратегическом планировании», а также закон ФЗ «О промышленной политике», что позволяет говорить о наличии нормативного обеспечения нового этапа экономической политики. Но принятие законов было лишь первым шагом в формировании системы экономических мер по выходу из структурного кризиса экономики. [19] В нормативных документах не указаны конкретные цели экономического развития, не проработаны пути достижения данных целей, слабо связаны ресурсы и полномочия органов власти, на которые возлагается реализация этих

задач. [20] В конце 2015 года принят ряд постановлений, раскрывающих механизм функционирования системы стратегического планирования в стране. Но на данный момент это группа документов формирует систему, обслуживающую саму себя, а не общественные интересы. При анализе документов можно заметить, что итоговая оценка эффективности деятельности органов государственной власти сводится к определению показателей выполняемости поставленных планов, а не оценке реального экономического эффекта от реализуемых программ. Особо следует отметить, что при всех благих намерениях в законах и подзаконных актах не просматривается реальных механизмов выхода экономики страны на новый уровень промышленного развития. [21] Нет механизмов позволяющих структурно изменить экономику России. Сложные перспективы просматриваются при планировании долгосрочного экономического развития в свете перехода мировых лидеров промышленного производства на новую технологическую волну. Но первый шаг в решении обозначенных проблем сделан. Разработка индикативных показателей развития промышленного производства позволит использовать обоснованные показатели в реализации промышленной политики и преодолеть системный экономический кризис в долгосрочной перспективе при условии наличия в системе разработанной «обратной» связи с обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Козырь Н.С., Толстов Н.С. Взаимосвязь денежно-кредитной политики РФ и темпов экономического роста // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12-1 (65-1). С. 84-90.
2. Евсеев В.О. Конкурентоспособность производственных сил : монография / В. О. Евсеев. Москва, 2007.
3. Козырь Н.С. Подходы к определению глобальной конкурентоспособности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 26 (311). С. 39-52.
4. Ворожейкина Т.М. Актуальные задачи обеспечения продовольственной безопасности // Экономика и предпринимательство. 2014. № 1-2 (42-2). С. 46-48.
5. Невская Н.А. Индикативное планирование в странах с развитой рыночной экономикой // Фундаментальная и прикладная наука: основные итоги 2015. Материалы I ежегодной научной конференции 16-17 декабря 2015 г. Санкт-Петербург, Россия – Северный Чарльстон, Южная Каролина, США. – North Charleston 2015: GreatSpace, 2015. - С. 135-139
6. Швырков Ю.М. Государственное индикативное планирование: история, теория, современная практика (российский и зарубежный опыт) – М.: изд-во «Прспект», 2007. – 347 с.
7. Макаров В., Якунин В., Бахтизин А., Сулакшин С. Прогнозирование последствий проектируемых государственных политик // Власть. 2006. № 6. С. 39-49.
8. Агафонов В.А. Стратегическое планирование регионального развития. Системный подход : Монография. – М.: Финансовый университет. 2014. - 228 с.
9. Невская Н.А. Основные индикаторы цикличности экономики: мировые и российские индексы // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2014. №. 6. С. 81-99
10. Осипов В.С. Экономико-теоретические подходы к определению цепочки ценности и стоимости // Экономические науки. 2012. №. 97. С. 55-58.
11. Невская Н.А. Макроэкономическая модель прогнозирования в проекте LINK ООН // Экономика и предпринимательство. 2014. №. 11. С. 10-14
12. Невская Н.А. Краткосрочное прогнозирование мировой экономики на примере проекта LINK (ООН) // Экономика и предпринимательство. 2014. №. 11-2. С.26-30
13. Узяков М.Н., Широков А.А. Макроэкономическая динамика российской экономики в долгосрочной перспективе // Проблемы прогнозирования. 2012. №. 6. С. 14-34
14. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Бахтизина Н.В. CGE модель социально-экономической системы России со встроенными нейронными сетями. - М.: ЦЭМИ РАН, 2005.
15. Козырь Н.С., Злыденко Н.И. Развитие национального производства в условиях экономической блокады // Научные меридианы 2015 : Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. 2015. С. 140-143
16. Осипов В.С. Анализ институциональных условий развития российской промышленности // Вестник экономической безопасности. 2014. № 1. С. 11-15.
17. Евсеев В.О. Развитие потенциала человеческих ресурсов в России // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2007. Т. 21. № 3. С. 155-167.
18. Скрыль Т.В. Взаимосвязь модернизации и проблемы темпов экономического роста в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6 (122). С. 12-16.
19. Скрыль Т.В. Необходимость проведения промышленной политики в современных условиях (The need for an industrial policy in the modern conditions) // Stredoevropsky Vestnik pro Vedu a Vyzkum. 2015. Т. 80. С. 50.
20. Старкова Н.О., Рзун И.Г., Саватеева А.С. Основные направления и проблемы привлечения иностранных инвестиций в РФ // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 30. С. 209-214.
21. Невская Н.А. Промышленная политика и условия инвестиционной деятельности в России // Экономика и предпринимательство. 2014. №. 12 -2 С. 124-129

УДК 368.1:336.7

**СТРАХОВАНИЕ ДЕЛИКТНЫХ РИСКОВ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ**

© 2016

Останин Владимир Анатольевич, доктор экономических наук, профессор
кафедры экономической теории*Владивостокский филиал Российской таможенной академии, Владивосток (Россия)***Рожков Юрий Владимирович**, доктор экономических наук, профессор кафедры банковского дела
Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск (Россия)

Аннотация. Страхование занимает важное место в экономике любой страны. В России страхование пока не заняло подобающих ему позиций и отстаёт от потребностей экономики. Страховые компании имеют низкие финансовые возможности, не позволяющие работать с крупными страховыми рисками. Налицо недостаток квалификации страховщиков по управлению рисками, оценке подлежащего возмещению ущерба. Можно отметить также недостаточную развитость страховой инфраструктуры, отсутствие методик расчёта рисков по нестандартным страховым рискам. Отметим, что страховые компании не обладают существенным опытом страхования профессиональной ответственности. Особенно это относится к страхованию деликтной профессиональной ответственности в банковской сфере. В статье показана специфика страховой защиты в форме страхования гражданской ответственности банковских служащих, на которых возложена материальная ответственность – кассиры, операционные работники и т.д. Даны рекомендации по снижению рисков девиантного поведения лиц, несущих в кредитных организациях ответственность за сохранность имущества. В частности, предложена более углублённая проверка не только профессиональных компетенций таких лиц, но и их этических составляющих как потенциальных работников.

Ключевые слова: коммерческие банки, страховые организации, девиантное поведение, деликтные риски, делинквенты, страхование профессиональной ответственности.

**INSURANCE OF RISKS OF DEVIANT BEHAVIOR IN THE RUSSIAN
BANKING SYSTEM**

© 2016

Ostanin Vladimir Anatolevich, doctor of economical science, professor of the chair «Economic theory»
*Vladivostok Branch of Russian Customs Academy, Vladivostok (Russia)***Rozhkov Yuri Vladimirovich**, doctor of economical science, professor of the chair «Banking»
Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk (Russia)

Abstract. Insurance plays an important role in the economy of any country. In Russia, the insurance has not reached its position and lags behind the needs of the economy. Insurance companies have low financial capacity, which does not allow working with large insurance risks. There is a lack of qualifications of insurers on risk management, assessment of compensable damage. The lack of the insurance infrastructure development, the absence of methods to calculate non-standard risks is observed. We underline that insurance companies do not have significant experience in delictual professional liability insurance. This especially applies to insurance of professional responsibility in the banking sector. The article shows the specificity of the insurance protection in the form of civil liability insurance of bank employees, whose duty are liability – cashiers, operating staff, etc. Recommendations to reduce the risk of deviant behaviour of individuals, bearing in credit institutions responsibility for the preservation of property are given. In particular, we proposed a deep check not only professional competence of such persons, but also their ethical components as potential employees.

Keywords: commercial banks, insurance companies, deviant behavior, tort risks delinquents, professional liability insurance.

Сегодня рынок страховых услуг развивается более динамично, чем регулирующее его законодательство. Появляются новые инструменты и виды страхования, которые ранее не были охвачены государственным регулированием. Это относится и к страхованию профессиональной ответственности (СПО) в банковской сфере. Анализ п. 2 ст. 929 ГК РФ указывает на то, что страхование указанной ответственности – разновидность страхования гражданской ответственности, как и страхование ответственности по обязательствам, которые могут возникнуть в силу причинения вреда жизни, здоровью или имуществу третьих лиц [1].

Определение объекта СПО и в экономике, и в юриспруденции пока не получило однозначного разрешения. Так, страхование считается правоотношениями в части регулирования государством отношений по защите интересов страхователей или застрахованных, если наступил страховой случай. Полагаем, сущность страхования раскрывается в системе распределительных денежных отношений, отражающих процессы финансирования убытка и (или) иного ущерба из предварительно мобилизованного страхового фонда за счёт страховых взносов (премий). Отметим, что финансирование убытка и (или) иного ущерба происходит только при условии наступления страхового случая. В связи с новыми новациями мегарегулятора организация процесса финансирования убытка должна рассматриваться ещё и с позиций прибыли страховой организации от ин-

вестиционной деятельности, ибо в чистом виде средств страхового фонда будет недостаточно для осуществления страховых выплат по всему страховому портфелю. Продолжаются дискуссии и в части природы объекта страхования. Теория страхового права часто усматривает объект в том, на что направлены субъективные права и юридические обязанности, или то, ради чего и возникает само страховое правоотношение [2].

Большая группа правоведов объект страхования ответственности усматривает в вещах, услугах, предметах внешней природы, продуктах духовного творчества, в деньгах, личных благах [3; 4; 5; 6; 7].

Принципиальное методологическое заблуждение правоведов – игнорирование того факта, что страховая норма должна отражать сущность страховых экономических отношений. Без раскрытия экономической природы СПО суждения юристов лишены необходимого научного основания. Не меньший спектр воззрений имеется и в подходах экономистов. Действовавший ранее закон «О страховании», нынешний закон «Об организации страхового дела в РФ» предполагают монистический подход, где объект страхования всех видов – имущественный интерес. Мы же утверждаем: объектом СПО может стать сам страхуемый риск. Это разные методологические подходы, мы отграничиваем сущность от явления, а последнее от видимости («кажимости»), что однозначно вытекает из самой экономической природы страхования вообще как родового понятия. Страхование

профессиональной ответственности есть не более чем видовое отличие страхования.

СПО в банках может реализовываться в двух принципиальных разновидностях: страхование профессиональной ответственности по договору и деликтное страхование. В первом случае суть этого вида сводится к оказанию страховщиком страховой услуги, раскрывающейся в обеспечении неизменности материального положения страхователя (застрахованного) на момент заключения договора страхования.

Деликтная профессиональная ответственность возникает, когда перед менеджером, как причинителем материального ущерба, стоит клиент банка, с которым у последнего нет никаких договорных обязательств. Да, есть контракт между работником и самим банком, но эти основания вступают в силу уже на последующих этапах, когда возникает страховой случай.

Если для возникновения страхового случая по СПО в соответствии с договором необходимо наличие действительного и непротиворечащего законодательству договорного обязательства и наличия факта его нарушения, что составляет содержание страхового случая, то основанием для деликтной профессиональной ответственности всегда будет достаточно императивной нормы [8].

При возникновении деликтной ответственности работник банка, например, кассир, принимая деньги от клиента, не может знать его заранее. Деликтная ответственность возникает путём действия императивной нормы – ущерб, нанесённый личности, должен быть компенсирован, что составляет одно из положений абсолютного права. О.С. Иоффе утверждал: «... внедоговорная ответственность осуществляется путём установления между сторонами особого обязательства – по возмещению причинённого вреда... Напротив, договорная ответственность особого обязательства не порождает и осуществляется путём присоединения к существующему между сторонами обязательству новой обязанности по возмещению убытков» [9, с. 231].

Работник банка, который нанёс кому-либо ущерб, становится делинквентом. Эти отношения приобретают характер ответственности за исполнение профессиональной деятельности по договору, если речь идёт о нарушениях договора вклада, начислениях процентов, выплате премий и др. В этом отношении важно понимать, что деликтные обязательства рождаются как результат нарушения прав, имеющих абсолютный характер, будь то имущественные права или личные нематериальные блага. Так как нарушено абсолютное право, то обязательства, возникающие из причинения вреда, носят внедоговорной характер, хотя бы это право и было нарушено лицом, с которым потерпевший находится (находился) в договорных отношениях [10].

Природа деликтной ответственности в том, что работник становится делинквентом лишь после установления его вины. Это важно в связи с внедрением в банковскую практику компьютерных технологий. Глобализация финансового бизнеса также многократно умножила риски утраты денежных активов, слома финансово-кредитных инструментов как в результате непрогнозируемых и неуправляемых системных кризисов, так и операционных рисков. К последним относятся риски, возникшие из-за непреднамеренных ошибок в выборе и реализации стратегии кредитных организаций, невыверенной денежно-кредитной политики Банка России, а также ненамеренными и умышленными действиями ответственных работников самого коммерческого банка.

В последних публикациях, включая наши, глубоко исследована природа риска акторов рынка [11; 12; 13; 14; 15]. Показана возможность расширения классического страхования рисков за счёт его диверсификации и финансирования ущерба из мобилизованного для этого страхового фонда профессиональными участниками страхового рынка. Принимая во внимание специфику российской страховой защиты, предложены такие мо-

дели страхования, когда этот аккумулируемый страховой фонд оставался у страхователя, а вместе с ним последний оставлял у себя и свои риски [16; 17]. При этом, если таким рискам, как кредитные, депозитные, валютные, процентные, риски доходности и т.д. коммерческие банки уделяли большое внимание, то рискам, которые возникают в результате операционной деятельности, внимание в теоретических исследованиях уделялось меньше.

Операционные риски в банках могут быть обусловлены как случайными ошибками, так и нарушениями. Поэтому надо характеризовать их через деликтные риски, управляя ими через деликт-менеджмент [18]. Исследования доказали, что наибольшие риски исходят именно от деятельности людей. Они, а не природа, генерируют риски в финансовой сфере. При заключении служащим банка трудового договора регламентируются его права и обязанности; такой контракт регулируется обязательственным правом. Индивидуумы пытаются получить максимум возможного, реализуя контракт, действуя «рациональным» образом. Однако сегодня не существует модели оценок, удовлетворяющих требованию рациональности. Ведь «... каждый участник руководствуется своим собственным принципом, и ни один из них не устанавливает значений всех переменных, влияющих на его интересы» [19, с. 37]. В банке не действует принцип псевдомаксимизации – «наиболее возможные блага для наиболее возможного числа людей». Нельзя, говорят Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн, требовать одновременной максимизации двух или более функций.

Существующие в качестве анахронизмов модели экономического поведения, по которым действия работника банка однозначно определяются банковским регламентом, надо заменить моделями поведения на основе теории игр. Даже если эти взаимоотношения участников будут принимать характер комбинаторных усложнений. Следует предложить модели поведения для банковского менеджмента, которые смогли бы снизить потери от оппортунистического поведения отдельных акторов рынка – доминирования их частных интересов. Используются нарушение контракта, обман, недостоверная информация, мошенничество. То есть такое поведение надо квалифицировать как деликт (*lat. delictum – правонарушение*).

Существует проблема выбора экономических мер, инструментов и механизмов, с помощью которых банк может снизить ущерб, причинённый ему делинквентами. Первый возможный путь – страхование ответственности делинквента перед неограниченным числом клиентов банка. В данном случае конкретное потерпевшее лицо заранее определить невозможно. Когда банк утратил лицензию и ему Банк России запретил осуществлять банковские операции и сделки, то вкладчики, могут подавать иски к страховщику напрямую, либо погашение обязательств наступает автоматически через определённый период времени.

Если же работник банка неправомерными действиями нанёс имущественный ущерб другому лицу, то погашение причинённого вреда наступает по иску к самому банку. При этом отношения регулируются статьями ГК РФ. После удовлетворения требований клиента банка подаётся регрессный иск о компенсации ущерба с виновного. Здесь не возникает требования страхового возмещения, но возникает требование возмещения вреда. Если же была застрахована деликтная ответственность, то проблема может возникнуть в том случае, если ущерб существенно превышает страховую сумму. Специфика этих экономических коллизий в том, что если потерпевший удовлетворил только часть требований по договору страхования, то он перестаёт быть выгодоприобретателем, оставаясь субъектом деликтных отношений до полной компенсации причинённого ему ущерба.

Этот вид страхования ответственности банка рассматривается применительно к действию п. 1 ст. 1096

ГК РФ. Банк здесь выступает как продавец услуги по депонированию денежных средств и страхованию его ответственности может осуществляться добровольно в страховой компании. Этот вид страхования ответственности – страхование деликтной ответственности, ибо может быть причинён ущерб, вред абсолютным правам человека.

Когда банк играет роль интермедиатора на рынке вменённого страхования банковских вкладов физических лиц в пределах, не превышающих лимиты (1 400 тыс. руб.), то по своей экономической сути страхователями здесь уже являются вкладчики, они же одновременно являются и застрахованными. Банк в этом случае есть посредник, выполняющий вменённые ему законом функции. Страховой фонд формируется Агентством по страхованию вкладов (АСВ), банк же есть не более как интермедиатор этого процесса. Поэтому вполне логично, что страхователь, то есть вкладчик банка, использует своё право обращения к АСВ через банк, который принимал на себя ответственность сохранения вклада. Таким образом, эти отношения также приобретают деликтный характер, ибо АСВ заранее не могло знать, предвидеть с каким конкретно вкладчиком у него наступает деликтная ответственность. Отношения вкладчиков и банка не предполагают в случае страхования деликтной ответственности подачу прямого риска вкладчика к страховщику – АСВ.

Сам банк дополнительно может, как юридическое лицо, застраховать свою ответственность за нарушение договоров вкладов как физических, так и юридических лиц у классического страховщика по действующему законодательству в пределах, который определяется страховой стратегией банковского менеджмента, наличием избыточных резервов, которые будут направлены в страховые фонды страховой компании.

Существует проблема страховой защиты лиц, которые непосредственно имеют дело либо с денежными средствами, либо обладают распорядительными и управленческими функциями. Операционный работник, банковский менеджер могут принимать ответственные решения, которые из-за отсутствия достаточной информации или её асимметричности могут нанести ущерб банку. Страховая практика предусматривает возможность предоставления страховой защиты в форме страхования гражданской ответственности на случай вреда в процессе хозяйственной и профессиональной деятельности. Распоряжение денежными ресурсами вкладчиков и иных клиентов банка постоянно сопряжено с возможностью причинения вреда третьим лицам. При обнаружении ущерба клиент банка предъявляет претензии по его возмещению. В зависимости от размера претензий у кредитной организации возникают финансовые проблемы, что может создать серьёзную финансовую угрозу резервам банка, его активам и имиджу. Если же говорить о крупных системообразующих банковских структурах, то это может навредить всей банковской системе России.

Проблема частично разрешается защитой в форме страхования ответственности по обязательству возмещения ущерба, который был нанесён менеджментом банка, а также операционными и хозяйственными работниками третьим лицам. Застрахованными по данному типу страхования становятся руководители и материально ответственные операционные работники банка. Субъектом, носителем ответственности в этом случае становится конкретное лицо, которое тем самым приобретает статус страхователя и застрахованного. Хотя не исключается, что страхователем может стать сам банк, который страхует гражданскую ответственность своего материально ответственного работника. Последний становится носителем гражданской ответственности, исходя из положений его трудового договора.

Как видим, страховщик гражданской ответственности менеджеров, операционистов принимает на себя АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

функцию обеспечения деятельности застрахованных работников, если бы они прежде это выполняли сами. Здесь существенными действиями становятся: изучение, проверка вопроса об ответственности. Устанавливается факт ответственности конкретного лица; погашение претензий, которые признаны справедливыми; отклонение необоснованных и несправедливых решений; участие в судебных разбирательствах, работа с претензиями, предоставление правовой защиты личных и имущественных интересов.

Практика уже выработала процедуры, запустив проекты страхования должностных лиц финансово-кредитных организаций. Так, в 2013 г. «Страховой Брокер Виллис СНГ» и «ИСК Евро-Полис» сообщили о запуске нового продукта по страхованию должностных лиц (D&O) – полиса «DARCStar». Условия по страховому полису были запатентованы и вышли в тираж на лондонский рынок в 2011 г. брокером «WILLIS». Эта технология страхования оказалась не только инновационной, но и востребованной. Эти услуги уже предоставляют более 60 страховых компаний с годовым оборотом свыше 450 млрд долларов. По сути, D&O удовлетворительно решает отмеченную нами проблему разделения убытков на возмещаемые и невозмещаемые, что порождало длительные судебные тяжбы и связанные с ними дополнительные издержки на участие в судебных процессах. По полису «DARCStar» страховщик возмещал должностным лицам любые убытки, которые могли возникнуть в результате принятия случайных неправильных решений, не предусматривая при этом никакой франшизы.

«ИСК Евро-Полис» будет выступать провайдером этого продукта на российском страховом рынке. Первая «ласточка» этого продукта – сделка по приобретению полиса страхования ответственности должностных лиц Росбанка с лимитом ответственности свыше 400 млн рублей. При этом страховая премия по данным банка составила 1,173 млн рублей [20].

Специфика страховой защиты в форме страхования гражданской ответственности служащих банка, на которых возложена материальная ответственность, состоит дополнительно в том, что эта защита не может предоставляться, при преднамеренности действий застрахованного. То есть когда они были направлены на причинение вреда клиентам банка, который не носил случайного характера, если претензии вытекали из договорных обязательств. По страхованию ответственности, выплаты будут осуществляться, так как по общему правилу гражданская ответственность наступает при наличии следующих условий: а) вина лица, причинившего вред; б) противоправность; в) причинная связь между причинённым вредом и действиями лица, причинившего вред.

Современная статистика не располагает данными о страховании гражданской ответственности должностных лиц, банковских менеджеров и операционных работников по фактически выплаченным страховым возмещениям. Однако это не свидетельствует о неактуальности этой проблемы для теории и практики банковского и страхового регламентов. СПО есть форма общей гражданско-правовой ответственности лиц, которые заняты уже только профессиональной деятельностью, например, оказанием банковских услуг. Работники банка могут, не желая того, допускать небрежность, халатность, делать ошибки и упущения, которые лежат в поле компетенции банка как страхователя. Эти действия составляют содержание деликта. Если же будут выявлены факты обмана клиентов, обсчёта, их дезинформации, а также противоправных действий самого страхователя – банка или банковских менеджеров и операционистов, – то такие размеры ущерба исключаются из страхового возмещения. Речь может идти только о защите от небрежности, ошибок при добросовестном отношении к клиенту банка.

Если рассматривать проблему девиантного поведения работников, порождающих деликты в контексте

неинституционализма, учитывающего роль явных и неявных контрактов, то она частично разрешается тем, что могут быть повышены риски нарушения контракта добросовестного его исполнения менеджерами банка и должностными лицами. При этом контракт работника с банком может предусмотреть резкое увеличение ответственности за нарушение явного контракта.

Снизить девиантные риски лиц, несущих ответственность за сохранность имущества, можно более глубокой проверкой не только их профессиональных компетенций, но и их этических элементов как потенциальных работников. Известное из психиатрии и социологии девиантное поведение может проявляться не только в традиционных сферах, например, наркомания, алкоголизм, склонность к суициду, булимии. Сюда мы относим и склонность потенциального кандидата к чрезмерному обогащению, воровству, накопительству, расхищению, обману и т.д. Несоразмерная со своим вкладом в приращение богатства за счёт своего труда, творчества, таланта эта тяга может принимать формы отклонения – неумённой тяги к богатству, деньгам, которое нами было охарактеризовано как плутомия [21]. Приём на работу таких граждан, особенно категории ответственных работников объективно способствует генерированию катастрофических для кредитной организации рисков.

Проблемой теории и практики страхования остаётся разработка моделей поведения менеджеров по защите банка как целого от преднамеренного причинения ему ущерба при оказании услуг клиентам, либо выполнении финансово-хозяйственных функций. Сегодня в соответствии с российским законодательством подобная профессиональная ответственность не страхуется. Однако банковский менеджмент должен вырабатывать свои формы защиты материальных интересов от сознательно реализуемых противоправных действий отдельных работников. Размеры банковского мошенничества, которые обнаруживаются внутри самого банка, широко известны. Так, в 2013 году АСВ в каждом ликвидируемом банке проводило анализ операций по вкладам для выявления признаков формирования фиктивных обязательств. В 15 банках выявлено 20,1 тысяч случаев (!) искусственного формирования вкладов на общую сумму 11,6 млрд руб., что составляет около 9,2% совокупной страховой ответственности АСВ перед вкладчиками этих банков [22].

Следует признать, что банки составляют весьма криминализованную сферу финансового теневого бизнеса. Причём в качестве субъектов преступных посягательств на привлечённые банками денежные средства становятся часто сами учредители, вышестоящий банковский менеджмент. Данные международной статистики показывают, что около 70 процентов преступлений против коммерческих банков совершаются либо исключительно сотрудниками банка, либо при их активном участии [23].

Самый распространённый вид преступлений в банковской сфере – преднамеренное банкротство с непосредственным участием банкиров, легализация преступных доходов и вывоз валюты за рубеж. Сама по себе схема преднамеренного банкротства сводится к принятию заведомо преступных решений по заключению невыгодных сделок для банка. Например, приобретается на все ликвидные ресурсы заведомо сомнительные ценные бумаги: векселя, обязательства фирм-однодневок. Рыночная же стоимость этих сомнительных финансовых активов со временем оказывается равной нулю. Другой путь действий делинквента – выдача ссуд под несуществующие в действительности сделки подставным фирмам. Прямой запрет законодателя страховать события, в основе которых сознательные противоправные действия, предельно актуализирует проблему разработки модели страховой защиты банковского бизнес-сообщества от преступных посягательств – деликтов. При этом в качестве исходных мы полагаем следующие методологические подходы:

- все участники действуют рационально и осознают возможные последствия от противоправных или защитных действий в той мере, в которой они обладают доступной им информацией. Последнее предполагает наличие асимметрии информации;

- в действиях, поступках, экономическом поведении обнаруживается модель конфликтно-компромиссной парадигмы, допускающей как возникновение противоречий в намерениях участников, так и попытки найти формы разрешения противоречий путём разумного компромисса;

- страхование реализуется как в форме классических моделей, в которых основными акторами на страховом рынке выступают страхователь и страховщик, так и в форме самострахования, когда банк свои мобилизованные предварительно страховые резервы инвестирует в предупредительные мероприятия, обеспечивающие его страховую защиту;

- страхование, будучи органической составной частью финансовой системы, реализует родовые функции финансов вообще: распределительную и контрольную. Специфическими же функциями собственно страхования являются: рискованная (защитная); накопительная; предупредительная; восстановительная;

- предупреждение возможного ущерба за счёт профилактики, превенции экономически более выгодно, чем ликвидация последствий деликта (репрессия) в коммерческих банках;

- самозащита (самострахование) банка реализует предупредительную функцию страхования за счёт собственных избыточных резервов, направленных на финансирование инвестиций в превенцию.

Основными направлениями инвестиционной деятельности в мероприятия, предупреждающие появление деликтов в коммерческих банках, могут стать:

- разработка современных методов управления персоналом;

- внедрение системы контроля и повышения ответственности менеджеров банка;

- формирование базы данных о характере допускаемых деликтов, порождённых небрежностью, неосторожностью, невнимательностью, которые, однако, не наносят ущерб самому банку;

- совершенствовать систему многоступенчатого контроля за принимаемыми решениями;

- проведение мероприятий по подготовке и обучению операционных работников.

Предупредительная функция самозащиты от девиантного поведения менеджеров банка сводится к тому, что высшее руководство коммерческого банка, которое осознаёт катастрофические последствия от сознательной деятельности по извлечению дохода за счёт мошеннических схем, принимает и реализует дополнительные меры по предупреждению деликтов наряду с традиционным классическим страхованием рисков.

Если же в основании деликта лежат сознательные противоправные действия, которые могут привести к катастрофическим убыткам, то по их результатам должны приниматься меры административного и уголовного преследования с соответствующими обращениями в суды, прокуратуру. Внедрение же в российскую практику новых страховых продуктов с полисом D&O не может полностью разрешить проблему девиантного поведения должностных лиц. Этот страховой продукт надо дополнять моделями самострахования, осуществлением инвестиций в превенцию появления таких событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский кодекс РФ. М.: Проспект, 2015. 640 с.
2. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 776 с.
3. Гримм Д.Д. К учению об объектах прав // АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

- Вестник гражданского права. 2007. № 1. Т. 7. С. 197–239.
4. Яичков К.К. К учению о гражданском правоотношении // Вестник МГУ. Серия экономики, философии и права. Вып. 1. 1956. С. 130–135.
5. Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. 1 / Вильнянский С.И.; Отв. ред. Рогожин А.И. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. 339 с.
6. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юр. лит., 1974. 340 с.
7. Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений. Саратов: Изд-во СГУ, 2007. С. 24–25.
8. Антимонов Б.С. Основания договорной ответственности социалистических организаций. М.: Юрид. лит., 1962. 176 с.
9. Иоффе О.С. Новый Гражданский кодекс РСФСР / О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. 447 с.
10. Гражданское право: Учебник. В 3 т. Т. 3 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Юрайт. 456 с.
11. Плесовских Ю.Г. Триада «Страх-Опасность-Риск» и экономическая безопасность предпринимательства / Ю.Г. Плесовских, В.А. Останин, Ю.В. Рожков // Экономика и предпринимательство. 2012. № 2. С. 181–185.
12. Останин В.А. О различиях в оценке неопределённости и риска в хозяйственной деятельности и предпринимательстве / В.А. Останин, Ю.В. Рожков // Экономика и предпринимательство. 2013. № 12. Ч. 3. С. 638–641.
13. Останин В.А. Страховой риск в модели страхования ответственности // Вестник ХГАЭП. 2013. № 6. С. 19–25.
14. Останин В.А. Неопределённость и риски страхования при кредитовании инновационных проектов / В.А. Останин, Ю.В. Рожков // Финансовый бизнес. 2014. № 2. С. 52–55.
15. Рожков Ю.В. Финансовые аспекты управления деликтным риском в страховании / Ю.В. Рожков, М.Ю. Дендиберя, О.И. Тишутина // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12. Ч. 2. С. 723–730.
16. Васюкова Л.В. Страхование: методология раскрытия сущности / Л.В. Васюкова, В.А. Останин // Вестник ХГАЭП. 2011. № 6. С. 35–36.
17. Васюкова Л.К. Инвестиции как форма реализации предупредительной функции страхования: монография / Л.К. Васюкова, В.А. Останин. Новосибирск: СИБПРИНТ, 2012. 137 с.
18. Рожков Ю.В. О формировании деликт-менеджмента как отрасли научного знания / Ю.В. Рожков, Г.П. Старинов // Менеджмент в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 16–21.
19. Нейман Дж. Теория игр и экономическое поведение / Дж. Нейман, О. Моргенштерн. М. Наука, 1970. С. 707.
20. . Страхование сегодня: [сайт]. URL: <http://www.insur-info.ru/news/2900> (дата обращения: 24.01.2016).
21. Останин В.А. Девиантное поведение должностных лиц: неинституциональные риски / В.А. Останин, Ю.В. Рожков // Сибирская финансовая школа. 2013. № 2. С. 22–26.
22. Агентство по страхованию вкладов: [сайт]. URL: <http://www.asv.org.ru> (дата обращения: 24.01.2016).
23. Фрумкин К. Банковская преступность в России уже приобрела историю и традиции. URL: <http://www.banki.ru/news/bankpress/?id=2079559> (дата обращения: 03.02.2016).

УДК 331.21:004.021

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ В СТУДЕНЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УЧЕБНОЙ И ВНЕУЧЕБНОЙ АКТИВНОСТИ

© 2016

Рочев Константин Васильевич, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией информационных систем в экономике, старший преподаватель кафедры организации и планирования производства

Коршунов Георгий Владимирович, проректор по внешним связям – руководитель аппарата ректора (советник при ректорате)

Ухтинский государственный технический университет, Ухта (Россия)

Аннотация. В статье обозначена важность создания систем, обеспечивающих возможность отбора и поддержки талантливой молодежи, а также отмечена возможность повышения интенсивности и качества образования за счет формирования в студенческом коллективе соревновательной (или конкурентной) среды. Представлены результаты разработки Индексно-рейтинговой системы оценки учебной и внеучебной деятельности и стимулирования студентов вуза, обеспечивающей реализацию подобных возможностей. Приведен обзор работы данной системы и вычисляемых ею индексов: индексы по показателям и разделам, индекс лидерства, индекс гармонии, итоговый индекс. По итогам функционирования Индексно-рейтинговой системы в Ухтинском университете в 2013-15 годах проведено изучение ее воздействия на студенческий коллектив и измерено изменение уровня конкуренции в нем. Расчет уровня конкуренции произведен с помощью авторской методики количественной оценки интенсивности конкуренции, позволяющей численно измерить ее в среде, где выделен топ-лист, в который стремится попасть каждый участник конкурентной борьбы. В статье приведена динамика уровня конкуренции при наличии материального стимулирования студентов по итогам индексной оценки и при его отсутствии. Отмечены дальнейшие пути развития проекта «Индексно-рейтинговая система».

Ключевые слова: Индексно-рейтинговая система, ИРС, Индексная система, рейтинг студентов, качество образования, интеграция производства и образования, трудоустройство, материальное стимулирование, моральное поощрение.

THE FORMATION OF A COMPETITIVE ENVIRONMENT AMONG THE STUDENTS TO ENHANCE ACADEMIC AND EXTRA-CURRICULAR ACTIVITY

© 2016

Rochev Konstantin Vasilievich, candidate of economical sciences, head of laboratory of information systems in economics, senior lecturer of the department of organization and industrial planning

Korshunov George Vladimirovich, Vice-Rector on External Affairs – Chief of Staff in the Rectors Office
Ukhta State Technical University, Ukhta (Russia)

Abstract. The article outlines the importance of creating systems for selection and support of talented youth, it shows an opportunity to increase the intensity and the quality of education by forming the student team competition environment. Presents the results of development of Index-rating system of assessment of educational and extracurricular activities and encourage students of the University, providing such opportunities. Provides an overview of the system and computed its indexes: section indices, leadership index, harmony index, final index. The results of the Index-rating system in Ukhta University in 2013-15, the study of its impact on students and measured changes in the level of competition there. The calculation of the competition level made with the author methodology of quantitative assessment of competition intensity that allows numerical measure it in the environment where the top list selected, which aims to get each participant. The article describes the dynamics of the competition level in the presence of material incentives for students, and in its absence. Marked further development of the Index-rating system project.

Keywords: Index-rating system, IRS, index system, students rating, quality of education, production and education integration, employment, financial incentives, moral encouragement.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. «Талантливые дети – это достояние нации, и мы должны предусмотреть дополнительные возможности поддержки для тех, кто уже в школе проявил склонность к техническому и гуманитарному творчеству, изобретательству, добился успеха в национальных и международных интеллектуальных и профессиональных состязаниях, имеет патенты и публикации в научных журналах» подчеркнул Президент России В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию в 2014 году [1].

При этом, по данным опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения [2], отмечается снижение уровня подготовки специалистов и шансов их трудоустройства, что вызвано, в основном, отсутствием достаточного уровня мотивации у многих современных студентов. Один из путей решения этой проблемы является создание прозрачной системы стимулирования и формирование конкурентной среды среди обучающихся, ведь, как известно, «Конкуренция – это решающий фактор повышения качества услуг социальной сферы. Кроме того, необходимо запустить механизм независимой оценки качества услуг, обеспечить открытость информации о работе учреждений социальной сферы» [1]. Кроме того, подобная система, реали-

зуемая в виде информационного комплекса, позволит обеспечить удобный механизм для отбора талантливых студентов.

Формирование целей статьи (постановка задания). Авторы считают, что для отбора талантливой молодежи на производство и для создания реальной конкурентной среды, повышающей интенсивность и качество образовательной деятельности целесообразным является разработка открытой информационной системы оценки деятельности и стимулирования студентов, которая позволит им четко определять необходимый путь профессионального и личного развития, опираясь на свои возможности и, что самое главное, требования и критерии трудоустройства от кадровых подразделений ведущих транснациональных компаний нашей страны.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В Ухтинском государственном техническом университете на основе опыта разработки Индексной системы материального стимулирования ППС [3], в 2013 году была разработана информационная система, призванная отслеживать результаты учебной и внеучебной активности студентов – Индексно-рейтинговая система (ИРС) [4]. Для количественной оценки деятельности студентов сформирован перечень, включающий ряд показателей,

сгруппированных по крупным разделам и опирающихся на Постановление Правительства РФ «О порядке совершенствования стипендиального обеспечения...», декомпозицию глобальной цели вуза и предложения экспертного совета кадровых служб предприятий Республики Коми. В ходе работ над системой перечень показателей и разделов претерпел существенные изменения и на данный момент охватывает следующие ключевые направления [5]:

1. Учебная деятельность;
2. Профессиональная деятельность;
3. Научно-исследовательская деятельность;
4. Культурно-творческая деятельность;
5. Спортивная деятельность;
6. Общественная деятельность.

Кроме того, в системе предусмотрен дополнительный раздел «7. Прочая деятельность», позволяющий студентам указывать любые достижения, которые не вошли в основной набор показателей, но при этом могут быть интересны работодателю.

Каждый семестр по всем студентам вуза собираются и вносятся данные. Возможно заполнение системы в ответственных отделах или непосредственно студентами, в последнем случае, внесённые данные подтверждаются отсканированными документами и проверяются ответственными отделами вуза, заведующими кафедрами и специальным лицом – Супервайзером [6]. По собранным данным в системе выстраиваются рейтинговые списки за каждый семестр и за всё время обучения по каждому разделу и в целом. В феврале и августе по результатам расчётов в ИРС за семестр студентам устанавливаются поощрительные выплаты.

Особенность подхода к оценке студенческой деятельности в ИРС заключается в открытой сравнительной оценке результатов деятельности студентов за семестр (дифференциальный подход) и построении единого общевузовского рейтинга студентов и выпускников (интегральный подход, применим, поскольку имеется строго определённый период оценки – срок обучения, за который, в конечном итоге, строится формализованное портфолио студента [7]). Расчет индексов производится по методике аналогичной Индексной системе для ППС, обеспечивающей автобалансировку значимости результатов [8].

Для каждого студента по каждому показателю вычисляется, так называемый, частный индекс – объем показателя с учетом градаций и их весов (например, для статей учитывается уровень публикации и количество страниц) деленный на результат среднего участника системы. Индекс по каждому разделу вычисляется как сумма частных индексов по всем показателям этого раздела с учетом их весов. Итоговый индекс – как взвешенная сумма результатов по разделам [9].

Итоговый индекс показывает совокупный результат выбранного студента (или выпускника) относительно среднего студента вуза. Кроме того, в ИРС представлены: индекс лидерства, показывающий насколько далеко студент продвинулся по наиболее успешному для него направлению по сравнению с его коллегами и индекс гармонии, показывающий насколько гармоничной и сбалансированной была деятельность рассматриваемого студента [10]. В таблице 1 приведен пример индекс-листа для топ-10 студентов весенний семестр 2015 года.

Алгоритм ИРС предусматривает возможность любой корректировки и модификации набора разделов, показателей и их весов, которые могут потребоваться, также возможен расчет индексов по отдельным показателям и настраиваемому набору показателей.

По итогам функционирования ИРС в Ухтинском университете в 2013-15 годах проведено измерение воздействия системы на студенческий коллектив и повышение уровня конкуренции в нем. Оценка уровня стимулирующего воздействия ИРС на студенческий коллектив произведена с помощью методики количественной АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

оценки уровня интенсивности конкуренции в среде, где выделен топ-лист, в который стремятся попасть каждый участник конкурентной борьбы, в полной мере раскрытой в статьях [11].

Таблица 1 – Индекс-лист студентов УГТУ за весенний семестр 2015 года

№	Группа	Итоговый индекс	1 Учебная	2 Профессиональная	3 Научная	4 Культурная	5 Спортивная	6 Общественная	7 Другое	Л – индекс лидерства	Н – индекс гармонии
1	УФ-НГД-12	1000	1000	140	537	333	23	1000	1000	1000	1000
2	ТПР-2-12	960	1000	1000	423	0	116	455	667	1000	960
3	ЭиК-126	721	611	545	274	1000	0	545	0	1000	721
4	Э-1-12	690	1000	0	1000	0	0	0	0	1000	690
5	НГД-6-1-12Р	680	1000	761	358	333	0	0	0	1000	680
6	НГД-2-116П	662	1000	0	932	0	0	0	0	1000	662
7	ТПР-2-11	649	889	964	0	0	0	0	1000	1000	649
8	СМ-126	639	1000	192	483	467	0	0	333	1000	639
9	ПГ-2-12	573	1000	0	496	333	0	0	333	1000	573
10	АРХ-10	569	600	0	530	1000	0	0	333	1000	569
2656	ТПП-136	1	4	0	0	0	0	0	0	4	276

Расчет производится на основании сравнения ранжированных списков «конкурентов», выстроенных по мере убывания их результатов. Для расчета используются ранжированные списки за 2 периода. Интенсивность перемешивания элементов оценивается на основании расстояния Манхеттена (1), в расчете принимают участие элементы, присутствующие в обоих списках (за текущий и предыдущий периоды).

Расстояние Манхеттена между двумя списками – исходным и модифицированным равно:

$$d = \sum_{i=1}^N |x_i - y_i|, x_i, y_i - \text{натуральные} \quad (1)$$

где: N – длина списка (количество элементов в нем), x, y – элементы исходного и модифицированного списков соответственно.

Сначала устанавливается наличие статистически значимого уровня конкуренции с помощью сравнения с результатами случайного перемешивания. При достаточном уровне рассчитываются компоненты конкуренции [12]:

- 1) степень перемешивания элементов в пределах «головы» и «хвоста» списка;
- 2) интенсивность вертикальной конкуренции (ИВК);
- 3) интенсивность горизонтальной конкуренции (ИГК);
- 4) интенсивность конкурентной борьбы (ИКБ);

$$\text{ИКБ} = 100 \cdot \frac{d + d_{\text{th}}^{(m,s)} + d_{\text{ht}}^{(m,w)}}{M + m} \% \quad (2)$$

где: d – расстояние Манхеттена между рейтинговыми списками в отчетном и предыдущем периодах;

$d_{\text{th}}^{(m,s)}$ – степень подъема элементов списка из «хвоста» в «голову»;

$d_{\text{ht}}^{(m,w)}$ – степень спуска элементов из «головы» в «хвост» списка;

M – максимальное расстояние Манхеттена для всего списка;

m – максимальное расстояние Манхеттена для головы списка.

Таким образом, многогранный процесс конкуренции «раскладывается по полочкам», что позволяет анализировать разные аспекты соревнования и сравнивать его в различных коллективах и в разные периоды. Вследствие чего решается задача количественной оценки уровня конкуренции в любом коллективе, группе, обществе, в котором есть общепринятая система оценки результатов.

По результатам индексной оценки студенческого коллектива были собраны и проанализированы данные об уровне активности студентов (по итоговому индексу,

см. табл. 1).

Во время первого экспериментального внедрения на кафедре ИСТ было осуществлено материальное и моральное стимулирование студентов в соответствии с занятыми ими местами в ИРС [13]. Как видно в таблицах 2-3, после внедрения ИРС произошло существенное увеличение интенсивности конкуренции на экспериментальной кафедре (как при топ-листе $n = 10$, так и при $n = 30$).

Таблица 2 – Расчет уровня конкуренции по данным ИРС по кафедре ИСТ – топ-лист – 10 человек (около 10% всех студентов)

Период	N	n	k	ИКБ	ИВК(н)	ИГК(н)	ДВК	ДГК
2012-2-2013-1	84	10	2	31,86%	5,74%	40,21%	7,60%	92,40%
2013-1-2013-2	79	10	9	66,15%	54,86%	61,39%	39,57%	60,43%

Таблица 3 – Расчет уровня конкуренции по данным ИРС по кафедре ИСТ – топ-лист – 30 человек

Период	N	n	k	ИКБ	ИВК(н)	ИГК(н)	ДВК	ДГК
2012-2-2013-1	84	30	10	27,37%	16,27%	46,54%	47,87%	52,13%
2013-1-2013-2	79	30	21	59,20%	54,63%	55,72%	77,14%	22,86%

Однако при внедрении ИРС во всем вузе повышения уровня конкуренции между студентами за высокие результаты в итоговом индексе-листе не наблюдается (см. Таблица 4). Это вызвано тем, что при экспериментальном внедрении в рамках вуза не было обеспечено соответствующее материальное обеспечение системы – привязка стипендий к результатам студенческой деятельности по ряду обстоятельств отложена до 2016 года, также, как и привлечение наблюдателей от производства.

Таблица 4 – Расчет уровня конкуренции по данным ИРС по вузу в целом – топ-лист – 30 человек (около 10% всех студентов)

Период	N	n	k	ИКБ	ИВК(н)	ИГК(н)	ДВК	ДГК
2013-2-2014-1	2350	200	103	36,34%	13,06%	43,00%	11,38%	88,62%
2014-1-2014-2	1929	200	98	34,13%	11,65%	42,47%	12,90%	87,10%
2014-2-2015-1	2298	200	112	34,58%	12,79%	42,61%	12,02%	87,98%

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Как уже отмечали в статье авторы, важнейшими элементами реализации проекта должны стать создание конкурентной среды обучающихся в университете (и профильных вузах страны в целом, например, в рамках медиа-содружества нефтегазовых вузов [14]) через взаимосвязь функционирования ИРС и трудоустройства выпускников вузов ТЭК страны. Студенты в своей повседневной учебной, научной, производственной и иной деятельности в соревновательной среде могут четко оценивать влияние своих достижений за период обучения в вузе по всем направлениям на формирование их компетенций как будущих работников ведущих компаний России, а также на формирование рейтинга выпускников профильных вузов по критериям, обозначенным ключевыми работодателями страны. Все это в комплексе позволяет говорить об эффективности использования создаваемой конкурентной среды среди студентов в интересах подготовки квалифицированных кадров, обладающих требуемыми для работодателей компетенциям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>
2. База социологических данных ВЦИОМ [эл. ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [сайт]. URL: <http://wciom.ru/database/>.
3. Данилов Г.В., Рочев К.В., Цхада Н.Д., Маракасов Ф.В., Эмексузян А.Р. Система материального стимулирования профессорско-преподавательского состава в Ухтинском государственном техническом университете. Publishing House Science and Innovation Center, Saint-Louis, Missouri, USA, 2014. 356 с. ISBN 978-0-615-67128-4.

4. Рочев К.В., Моданов А.В. Индексно-рейтинговая система сравнительной оценки деятельности и стимулирования студентов вуза Эл. ресурс Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 01. URL: <http://uecs.ru/ru/economika-truda/item/1931-2013-01-14-05-49-21>.

5. Рочев К.В. Обзор основных результатов формирования эффективной системы материального стимулирования коллектива вуза // Ресурсы Европейского Севера. Технологии и экономика освоения. 2015. № 1. С. 68-83. Режим доступа: <http://resteo.ru/rochev-1/>.

6. Рочев К.В. Моделирование процесса сбора и оценки результатов деятельности студента для построения информационной системы материального стимулирования // Научно-технический вестник Поволжья. 2013. № 3. С. 246–252.

7. Рочев К.В. Подсистема автоматизированного формирования «портфолио в цифрах» на базе индексно-рейтинговой системы оценки деятельности студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2013. № 3. С. 94–100.

8. Рочев К.В. Оценка качества труда и материальное стимулирование в вузе на базе системного подхода с помощью информационной Индексной системы // Вопросы управления. 2014. № 12. С. 60–70.

9. Рочев К.В. Информационная система индексно-рейтинговой оценки деятельности студентов вуза и результаты её внедрения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2013. № 2. С. 126-134.

10. Danilov G.V. Application of Generalized Characteristics of University Staff Activity When Forming an Incentive System // Open journal of education. N 8. 2013. P. 213–216.

11. Данилов Г.В., Рочев К.В. Методика динамической оценки интенсивности конкурентной борьбы // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 03. URL: <http://uecs.ru/instrumentalnii-metody-ekonomiki/item/2004-2013-03-01-05-36-48>.

12. Данилов Г.В., Рочев К.В. Количественная оценка динамики конкурентной борьбы // Concept. 2013. №1. С. 119–138.

13. Рочев К. В. Индексно-рейтинговая система (монография). Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2013. 120 с.

14. Коршунов Г.В., Юрьев Д.О. Новые медиа в ТЭКе как один из путей развития образовательного и научно-инновационного сотрудничества // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2013. № 6. С. 43-45.

УДК. 336.761

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ БИРЖЕВЫХ ФОНДОВ

© 2016

Сергязиева Райса Рауфовна, аспирант 3-го года обучения кафедры «Финансы и кредит»
Абрамов Геннадий Федорович, кандидат экономических наук, доцент кафедры
 «Финансы и кредит»

Российский университет дружбы народов, Москва (Россия)

Аннотация. Цель научной статьи – рассмотреть тенденции развития биржевых фондов в мире. В данной статье мы приводим динамику развития биржевых фондов в мире, а также процентное соотношение активов биржевых фондов по регионам. Нами представлены топ 5 крупнейших провайдеров биржевых фондов и топ 10 самых популярных биржевых фондов для инвестирования. В статье выявлены биржи-лидеры по количеству и по капитализации биржевых фондов согласно данным Всемирной федерации бирж. Полученные результаты позволяют увидеть основные тенденции развития биржевых фондов.

Ключевые слова: биржевой фонд, биржа, активы, капитализация.

CURRENT STATE AND MAIN TRENDS OF THE ETFs

© 2016

Sergaziyeva Raysa Raufovna, postgraduate student of 3rd course of the chair «Finance and Credit»
Abramov Gennadiy Fedorovich, candidate of economical sciences, associate professor of the chair
 «Finance and credit»

Russian University of Peoples' Friendship, Moscow (Russia)

Abstract. The purpose of the scientific article to see the trend of development of exchange-traded funds in the world. In this article we present the dynamics of the exchange-traded funds in the world, as well as the percentage of the regions ETFs assets. We present the top 5 of the largest providers of ETFs and top 10 most popular exchange-traded funds for investment. In the article the Exchange-leaders in the number and capitalization of exchange-traded funds according to the World Federation of Exchanges. These results allow us to see the main trends of development of exchange-traded funds.

Keywords: exchange-traded fund, exchange, assets, capitalization.

Сектор биржевых фондов развивается чрезвычайно быстро, в том числе это относится и к количеству предлагаемых ими финансовых инструментов. Первый биржевой фонд появился более 20 лет назад для того чтобы дать возможность нескольким институциональным инвесторам временно размещать свои средства в портфелях акций. Это был Toronto Index Participation Fund, появившийся в 1989 году в Канаде на бирже Торонто, его активы состояли из крупнейших эмитентов биржи Торонто. Однако данный биржевой фонд не существует в своем прежнем виде.

В 1993 году появился первый американский биржевой фонд Standard and Poor's 500 Depository Receipt (SPDR) на основе индекса S&P 500, который по-прежнему торгуется под тикером SPY, занимая лидирующие позиции как на американском рынке, так и за его пределами.

Потенциал этого вида инвестиций превзошел все ожидания: в США в ETF вложено 1,5 трлн долл., активы SPDR S&P 500 составляют 130 млрд долл., ежедневный объем торгов акциями самого фонда – 20 млрд долл.

Согласно Всемирной федерации бирж сегодня существует более 6000 биржевых фондов с капитализацией более 1,200 млрд долл. В 2014 году количество биржевых фондов увеличилось на 313 фондов, в то время как в 2013 году количество увеличилось на 343 фонда. И только к июлю 2015 года количество биржевых фондов выросло на 73 фонда (рисунок 1).

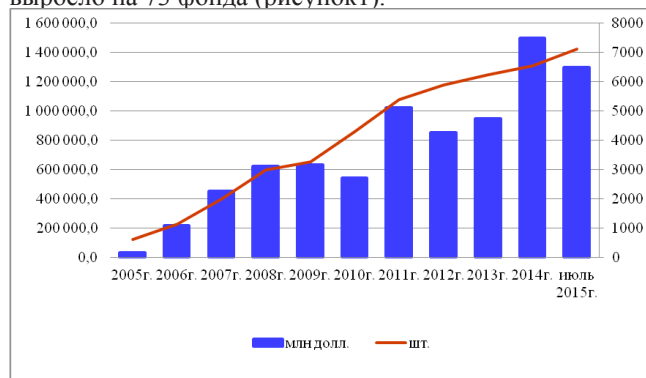

Рисунок 1 – Динамика биржевых фондов по количеству и капитализации [1]

В среднем в год число биржевых фондов растет на 30%, что говорит о существовании доверия к данному инструменту, который доказал свою жизнеспособность. В июле 2015 года насчитывалось 7115 биржевых фондов с капитализацией 1,300 млрд долл. (рисунок 1 и 2) [1].

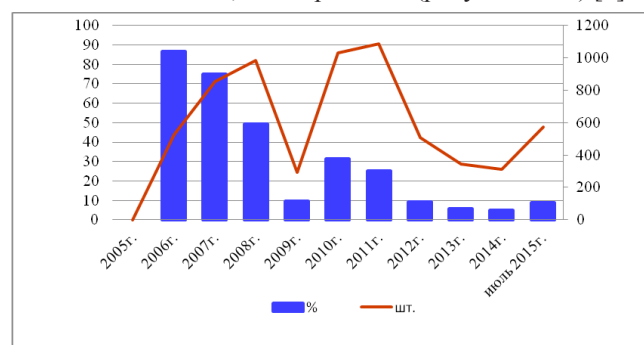

Рисунок 2 – Относительные и абсолютные показатели изменения количества биржевых фондов [1]

Рынок биржевых фондов США насчитывающий на июль 2015 года 1713 биржевых фондов с общей капитализацией 1,031 млрд долл. является самым крупным в мире, что составляет 79% от всех активов биржевых фондов (рисунок 3)

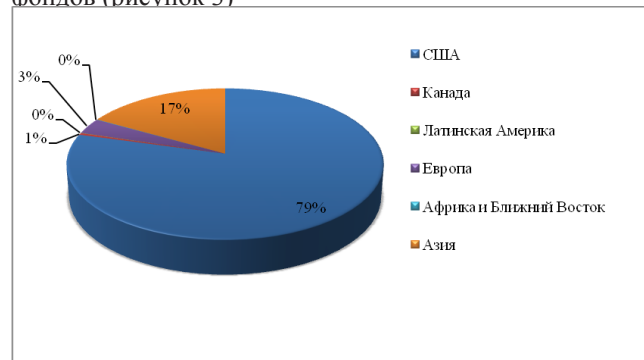

Рисунок 3 – Процентное распределение активов биржевых фондов [1]

Крупнейшими провайдерами на рынке биржевых фондов являются американские iShares, Vanguard, SPDR, PowerShares и немецкий DB/x-traders. (таблица 1).

Таблица 1 – Провайдеры биржевых фондов по активам на июль 2015 года [2]

№	Провайдеры	Количество ETF/ETP	Активы, млн. долл.	Доля на рынке
1	iShares	756	1,101,099	36,7
2	Vanguard	116	503,096	16,8
3	SPDR	238	448,631	14,9
4	PowerShares	179	103,086	3,4
5	DB/x-traders	351	82,445	2,7

Рассмотрим в динамике некоторые крупнейшие биржи по объему и количеству биржевых фондов. Так, на июль 2015 года NYSE занимает первое место по количеству фондов – 1532, или 21,5% всех торгуемых биржевых фондов в мире (рисунок 4) и второе место по капитализации фондов (386 млрд. долл. – 29,7% в мире).

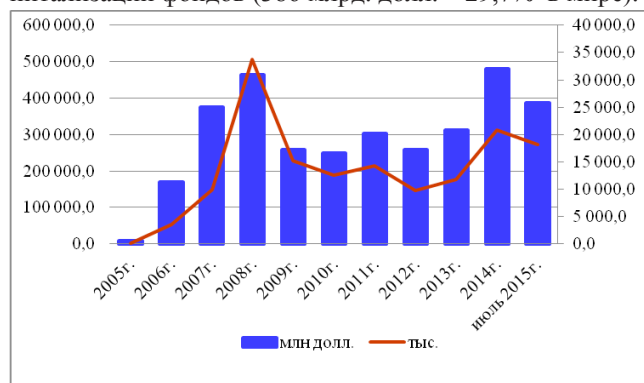

Рисунок 4 – Показатели по торговле биржевыми фондами на бирже NYSE [1]

По объему сделок на январь 2005 года насчитывалось 33,8 тыс. сделок, на июль 2015 года – 18 млн сделок с биржевыми фондами. На рисунке можно заметить что до 2008 года был рост по капитализации и объему сделок, по сравнению с 2005 годом активы фондов на бирже выросли с 9 779,3 млн долл. до 465 357 млн долл. (4 658%), а по объему сделок – с 179,7 тыс. до 33 млн. сделок. Далее заметен спад под влиянием общих финансовых проблем в мире.

Рассмотрим немецкую биржу Deutsche Börse, занимающую седьмое место по капитализации (18 млрд долл. – 1,4%) и второе место по количеству фондов (1075 биржевых фондов – 15,1%) (рисунок 5). Данные по объему торгов также известны с января 2005 года, на тот момент на бирже насчитывалось 57 биржевых фондов с общей капитализацией 3 444 млн долл. и объемом торгов 19,9 тыс. сделок. В июле 2015 года было совершено 319,2 тыс. сделок по купле и продаже биржевых фондов, капитализация биржевых фондов выросла до 18 762,7 млн долл. и количество фондов превысило 1000 штук.

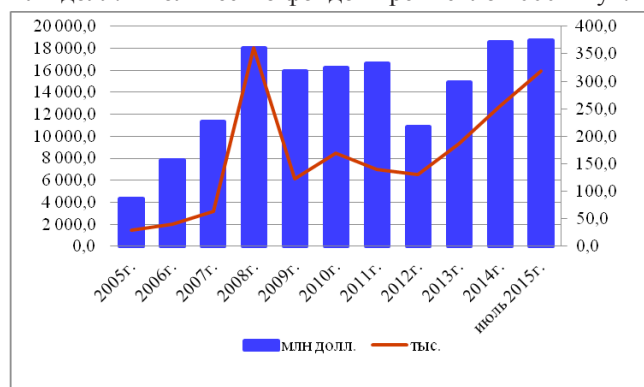

Рисунок 5 – Показатели по торговле биржевыми фондами на бирже Deutsche Börse [1]

На рисунке 5 мы можем наблюдать, что капитализация фондов постоянно менялась, скачкообразно, выделим несколько этапов: в декабре 2008 года перед разгаром кризиса объем средств биржевых фондов достиг локального максимума 18 070,9 млн долл., затем последовал спад капитализации и новый пик был достигнут в декабре 2014 года – 18 575,1 млн долл., превысив максимум 2008 года.

На третьем месте по количеству биржевых фондов на июль 2015 года находится биржа SIX Swiss Exchange с 923 биржевыми фондами с капитализацией 8 309,1 млн долл. и объемом торгов 88,1 тыс. сделок.

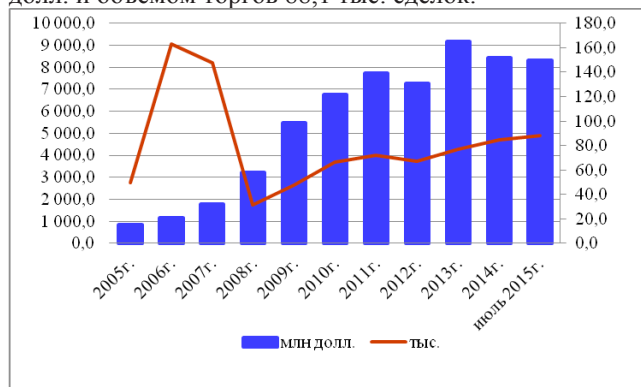

Рисунок 6 – Показатели по торговле биржевыми фондами на бирже SIX Swiss Exchange [1]

На рисунке 6 заметно, что капитализация фондов росла равномерно, то есть не было резких скачков до кризиса 2008 года. Локальный максимум был достигнут в декабре 2013 года 9 190,3 млн долл., рост по сравнению с 2005 годом составил 982% (с 849,3 млн долл.). Что касается объема торгов, в декабре 2008 года наблюдается резкий спад, так за год объем сделок сократился на 78% (с 147,4 тыс. до 31,1 тыс.).

Рассмотрим данные бирж на июль 2015 года. На данный момент на всех биржах мира насчитывается 7 115 биржевых фондов по данным Всемирной федерации бирж.

Таблица 2 – Биржи Европы, Африки и Ближнего Востока и их основные показатели по торговле биржевыми фондами, на июль 2015

Биржи	Количество биржевых фондов	Количество биржевых фондов (%)	Капитализация биржевых фондов, млн долл.	Капитализация биржевых фондов (%)	Общее количество сделок с биржевыми фондами, тыс.	Общее количество сделок с биржевыми фондами (%)
Deutsche Börse	1 075	34,9	18 762,7	41,75	319,2	38,67
SIX Swiss Exchange	923	29,9	8 309,1	18,49	88,1	10,67
Euronext	690	22,4	13 747,4	30,59	215,8	26,14
Luxembourg SE	154	5,0	0,0	0,00	0,0	0
BME Spanish Exchanges	71	2,3	1 938,2	4,31	0,0	0
Johannesburg SE	46	1,5	781,6	1,74	34,0	4,11
Oslo Bors	44	1,4	291,3	0,65	13,9	1,68
NASDAQ OMX Nordic Exchange	37	1,2	917,4	2,04	45,6	5,52
Wiener Börse	18	0,6	0,3	0,00	0,0	0,00
Borsa Istanbul	14	0,5	131,7	0,29	19,8	2,39
Nigerian Stock Exchange	4	0,1	0,0	0,00	89,0	10,78
Saudi Stock Exchange - Tadawul	44	1,4	291,3	0,65	13,9	1,68
Athens Exchange	3	0,1	0,0	0,00	0,0	0
Budapest SE	1	0,0	0,2	0,00	0,0	0,00
Irish SE	1	0,0	0,5	0,00	0,0	0,00
Регистр	3 084	100	44 945,1	100	825,6	100

Источник: составлено автором на основе материалов официального сайта Всемирной федерации бирж. Электронный ресурс Режим доступа: <http://www.world-exchanges.org>

Биржи Европы, Африки и Ближнего Востока включают следующие: Deutsche Börse, SIX Swiss Exchange,

АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

3. Данные финансового сайта Финвиз. Электронный ресурс Режим доступа: https://finviz.com/screener.ashx?v=111&f=ind_exchangetradedfund&o=-volume

УДК 657.633.5

ПЛАНИРОВАНИЕ ВНУТРЕННИХ АУДИТОРСКИХ ПРОВЕРОК ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

© 2016

Тарасова Татьяна Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Экономика и финансы»

Самарский государственный университет путей сообщения, Самара (Россия)

Аннотация. В современных условиях железнодорожный комплекс является связующим звеном единой экономической системы нашей страны, надежным деловым партнером и самым доступным транспортом для миллионов пассажиров. К настоящему времени реализованы важные для экономики страны и развития отрасли крупные инвестиционные проекты. На железной дороге увеличиваются объемы перевозок, обновляется подвижной состав, повышается качество услуг. Принимая во внимание масштабы строительства, вовлечение денежных средств в крупные инвестиционные проекты ОАО «РЖД» целесообразно проведение аудиторских проверок эффективности расходования денежных средств, выделенных на строительство, реконструкцию, модернизацию объектов железнодорожной инфраструктуры. Проведение аудиторской проверки инвестиционной деятельности имеет особое значение, так как в условиях рыночной экономики и договорных отношений существует риск неправомерного и необоснованного увеличения стоимости строительства и как следствие – недостоверное отражение в учете стоимости введенных в эксплуатацию основных средств. Аудиторская проверка затрат на строительство объектов позволяет не только сделать вывод относительно правильности формирования стоимости строительно-монтажных работ, минимизировать налоговые риски, но и выявить возможности повышения эффективности использования капитальных вложений. Нами рассмотрен порядок планирования аудиторской проверки капитальных вложений, одной из основных форм инвестиций, выделенных на строительство, реконструкцию, техническое перевооружение объектов основных средств, с составлением программы проверки с перечнем аудиторских процедур.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, железнодорожный транспорт, аудит, планирование, аудиторские процедуры, система внутреннего контроля, капитальные вложения, инвестиционный проект, внутрикорпоративные стандарты

PLANNING OF INTERNAL AUDITS INVESTING ACTIVITIES RAILWAY COMPANY

© 2016

Tarasova Tatiana Mihailovna, candidate of economic sciences, Associate Professor
of “Economics and Finance”

Samara State University of Railways, Samara (Russia)

Abstract. In modern conditions the railway complex is the link of a single economic system of our country, a reliable business partner and affordable transport for millions of passengers. There are currently implemented are important for the country's economy and industry development large-scale investment projects. On the railroad increased traffic volumes, updated rolling stock, improved quality of services. Taking into account the scale of construction, the involvement of funds in large investment projects of JSC “Russian Railways” it is advisable to conduct audits of the effectiveness of spending of funds allocated for the construction, reconstruction and modernization of railway infrastructure. Conduct an audit of investment activity is particularly important, since in a market economy and contractual relationships there is a risk of illegal and unjustified increase in the cost of construction and as a consequence - unreliable recording of the entered value of fixed assets. The audit costs for the construction of not only draw the conclusion about the correctness of the formation of the cost of construction and installation work, minimize tax risks, but also to identify opportunities to improve the efficiency of use of capital investments. We have discussed the procedure for planning the audit of capital investments, one of the main forms of investment allocated for the construction, reconstruction, technical re-equipment of fixed assets, with the drawing up of a list of audit procedures, audit program.

Keywords: investments, investment activities, rail transport, audit planning, audit procedures, internal controls, capital investments, investment project, intra-corporate standards

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Инвестиционная деятельность является одним из важных аспектов функционирования любой организации. Правильность учета стоимости имущества влияет на достоверность финансовой отчетности и финансовые результаты предприятия, в части формирования активов, рентабельности, налога на прибыль, имущество и др.

Инвестиции являются неотъемлемой частью современной экономики, и их необходимость связана с обновлением материально-технической базы, наращиванием объемов производства, освоением новых видов деятельности [1].

С момента образования железнодорожного транспорта появился мощный импульс к освоению новых территорий, росту промышленного производства. Железные дороги стали транспортной основой Российского государства. В современных условиях железнодорожный комплекс является связующим звеном единой экономической системы нашей страны, надежным деловым партнером и самым доступным транспортом для миллионов пассажиров.

Реализованы важные для экономики страны и раз-

вития отрасли такие крупные инвестиционные проекты как: электрифицирован участок Сызрань-Сенная со строительством вторых путей, построен железнодорожный подъездной путь к порту Оля на Северном Каспии, введен в эксплуатацию железнодорожный мостовой переход через реку Бузан, ведется строительство нового железнодорожного моста через реку Дон, вторых путей на участке Трубная-Верхний Баскунчак-Аксаарайская в Астраханской области. На железной дороге увеличиваются объемы перевозок, обновляется подвижной состав, повышается качество услуг.

Принимая во внимание масштабы строительства, вовлечение денежных средств в крупные инвестиционные проекты ОАО «РЖД» целесообразно проведение аудиторских проверок эффективности расходования денежных средств, выделенных на строительство, реконструкцию, модернизацию объектов железнодорожной инфраструктуры.

В инвестиционной деятельности существенное значение имеет фактор риска, так как инвестирование обычно осуществляется в условиях неопределенности, степень которой может значительно варьироваться.

Таким образом, при проведении аудиторской про-

верки финансово-хозяйственной деятельности предприятий железнодорожного транспорта особое значение уделяется проверке эффективности использования денежных средств, выделенных на строительство, реконструкцию, техническое перевооружение объектов основных средств.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В условиях рыночной экономики и договорных отношений существует риск неправомерного и необоснованного увеличения стоимости строительства и как следствие – недостаточное отражение в учете стоимости введенных в эксплуатацию основных средств.

Правильность учета стоимости основного средства влияет на достоверность финансовой отчетности и финансовый результат предприятия, в части формирования активов, рентабельности, налога на прибыль, имущество и др. В связи с этим проводится проверка на соответствие требованиям бухгалтерского и налогового законодательства.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью аудита инвестиционной деятельности является проверка правомерности и эффективности использования денежных средств, выделенных на строительство, а также обоснованность и правильность принятия к учету в качестве объектов основных средств, в соответствии с требованиями действующего законодательства с целью предупреждения и профилактики финансовых нарушений.

В статье рассмотрен порядок планирования аудиторской проверки капитальных вложений, одной из основных форм инвестиций, выделенных на строительство, реконструкцию, техническое перевооружение объектов основных средств, с составлением программы проверки с перечнем аудиторских процедур. Методика аудита разработана с учетом положений внутрикорпоративных стандартов аудиторской деятельности, утвержденных распоряжением ОАО «РЖД» 29 ноября 2011 года № 2570р [2], и других нормативных документов, регламентирующих проведение аудиторской проверки инвестиционной деятельности.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Качество системы внутреннего аудита, эффективность ее функционирования напрямую связаны с тем, насколько стандартизированы и соответствуют регламентам аудиторская и контрольная деятельность в компании. Обеспечить качество и однозначное понимание результатов проверки как менеджментом компании, так и руководителями объектов проверки призваны стандарты внутреннего аудита, разработанные на основе и учитывающие лучшие практики, законодательство Российской Федерации, международные профессиональные стандарты внутреннего аудита и нормативные документы компании.

В целях повышения эффективности функционирования системы внутреннего аудита и контроля в ОАО «Российские железные дороги» разработан комплекс внутрикорпоративных стандартов по внутреннему аудиту и контролю. В данных стандартах изложена система проведения проверок, рассматриваются проверочный процесс и порядок выполнения аудиторских процедур, методы выявления недостатков, аудиторские доказательства, а также порядок формирования отчета о проведенной проверке, формулирование выводов и ранжирование рисков.

Процесс проведения проверки подразделением внутреннего аудита и контроля включает следующие этапы:

- подготовительный этап (подбор материалов об объекте, изучение информационных ресурсов и нормативной базы по теме проверки, инструктаж работников группы проверки, проведение предварительных рабочих АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

совещаний);

- выполнение аудиторских процедур и сбор аудиторских доказательств;
- описание наблюдений и формулирование недостатков объекта внутреннего аудита;
- ранжирование недостатков, выявленных по результатам проверки;
- обсуждение предварительных результатов проверки с руководителями объекта внутреннего аудита.

На основе проведенных наблюдений и выявленных в рамках проведения проверки недостатков формулируются выводы об эффективности системы внутреннего контроля и управления рисками объекта внутреннего аудита либо выводы в соответствии с целями проверки, проведенной по поручениям президента компании или директора по внутреннему контролю и аудиту. Схема процесса проведения внутренней аудиторской проверки приведена на рисунке 1.

Рисунок 1 - Модель бизнес-процесса «Аудит инвестиционной деятельности»

В соответствии со «Стандартом ОАО «РЖД» Система внутрикорпоративных стандартов аудиторской деятельности ОАО «РЖД». Планирование внутренних аудиторских проверок подразделением внутреннего аудита и контроля», утвержденного распоряжением ОАО «РЖД» от 29 ноября 2011 г. № 2570р [2] при составлении Плана внутренних аудиторских проверок подразделение внутреннего аудита и контроля, наряду с другими факторами, использует информацию об имеющихся рисках, полученную от менеджмента ОАО «РЖД» и его дочерних и зависимых обществ.

Процесс выявления, оценки и анализа рисков для подготовки Плана внутренних аудиторских проверок подразделением внутреннего аудита и контроля включает следующие этапы:

- анализ возможности полагаться и использовать информацию о рисках, предоставленную менеджментом ОАО «РЖД» и его дочерних и зависимых обществ, для подготовки Плана внутренних аудиторских проверок;
- выявление и оценка рисков подразделением внутреннего аудита и контроля (по решению руководителя подразделения внутреннего аудита и контроля), соотнесение выявленных рисков с объектами аудита;
- документирование результатов оценки рисков по форме, указанной в «Реестр рисков для подготовки Плана внутренних аудиторских проверок» настоящего Стандарта.

Руководитель проверки определяет вопросы проверки (риски), порядок действий и набор внутренних аудиторских процедур, необходимых для достижения целей проверки.

Объектами проверки при проведении аудита затрат на строительство являются:

- планы капитальных вложений и их исполнение;

- договоры и наряд заказы с Исполнителями работ (услуг) и Поставщиками оборудования (материалов);
- проектно-сметная документация, утвержденная и согласованная в установленном в ОАО «РЖД»;
- первичные документы, подтверждающие формирование стоимости строительно-монтажных работ или стоимость введенных основных фондов;
- акты натуральных (комиссионных) осмотров выполненных работ;
- оборотно-сальдовые ведомости дебиторской и кредиторской задолженности и акты сверки по расчетам с исполнителями работ по конкретным объектам.

Для проведения качественного аудита, определения вопросов проверки, порядка действий, получения достаточного объема информации разрабатывается Программа аудита.

Основными вопросами при проведении внутреннего аудита строительства объектов ОАО «РЖД», которые включаются в программные вопросы в качестве аудиторских процедур, являются следующие:

1. Анализ выполнения плана капитальных вложений. Обоснованность распределения лимитов по объектам строительства.

2. Проверка наличия заключенных договоров и наряд – заказов на выполнение работ, соответствие стоимости выполнения работ утвержденным лимитам, анализ существенных условий договоров, выполнения графика производства работ.

3. Проверка проектно-сметной документации на предмет соответствия требованиям нормативных документов по сметному нормированию.

4. Проверка правильности формирования стоимости строительно-монтажных работ по объектам незавершенного строительства и обоснованности формирования стоимости введенных основных фондов, полноты передачи затрат балансодержателям по введенным в эксплуатацию объектам.

5. Проверка фактически выполненных объемов работ, принятых Заказчиком по актам выполненных работ с помощью проведения натурных осмотров и сопоставления результатов с актами выполненных работ.

6. Проверка расчетов между заказчиком и подрядчиком.

Пример рабочей программы по проведению аудита инвестиционной деятельности приведен на рисунке 2.

Пример рабочей программы по проведению аудита инвестиционной деятельности				
№	Вопрос проверки (риски)	Перечень аудиторских процедур	Нормативные и рабочие документы	Исполнитель
1.	Анализ выполнения плана капитальных вложений. Обоснованность распределения лимитов по объектам строительства.	Анализ освоения денежных средств в разрезе каждого объекта. Установить причины не своевременного выполнения плана. Проверить выполнение работ по объектам не предусмотренных титулами (без источника финансирования), провести анализ соответствия стоимости Проекта и стоимости, предусмотренной планом капитальных вложений. При завышении проектной стоимости необходимо установить нормативную продолжительность строительства объекта. Анализ выполнения плана ввода объектов в эксплуатацию.	План капитальных вложений и отчеты об освоении денежных средств. Титульные списки строек. Сводные сметные расчеты и проект организации строительства. План ввода объектов в эксплуатацию и отчеты об их исполнении.	Сергеев А.В.

Рисунок 2 - Примерная рабочая программа по проведению аудита инвестиционной деятельности

Перед началом аудиторской проверки выбираются направления и объекты проверки, способ проведения, объем аудита. В зависимости от поставленных задач способ проведения может быть сплошной или выборочный.

Начало аудита затрат на строительство заключается

в оформлении и предоставлении руководителю проверяемого подразделения предписания на проведение аудита и запроса на предоставление документов и информации.

Необходимо учесть, что строительство (реконструкция) объектов в основном производится подрядным способом, на примере которого рассмотрим учет выполненных работ.

Следует отметить, что при проверке объемов работ, выполненных подрядным способом, оформленные строительные и монтажные работы отражаются у заказчика на счете 08 «Вложения во внеоборотные активы» по текущей стоимости согласно условиям договора. Основанием для отражения в бухгалтерском учете являются следующие первичные документы: акты о приеме выполненных работ формы № КС-2, справки о стоимости выполненных работ и затрат формы № КС-3. Оплата производится в соответствии со справками формы № КС-3. На счетах бухгалтерского учета эти операции отражаются в следующем порядке [3], представленном в таблице 1.

Таблица 1 - Выполнение строительно-монтажных работ подрядным способом, оплата выполненных работ заказчиком, ввод объекта в эксплуатацию

№ п/п	Содержание хозяйственных операций	Корреспондирующие счета	
		Дебет	Кредит
1	Отражена сумма вложений во внеоборотные активы	08	60
2	Налог на добавленную стоимость по приобретенным ценностям	19	60
3	Оплата подрядчику за выполненные работы	60	51, 52, 55
4	Авансовые выплаты, предусмотренные договором подряда	60	51, 55
5	Передача подрядчику оборудования в монтаж по акту приема-передачи	08	07
6	Оборудование, приобретенное для монтажа у заказчика	07	60
7	Применка законченного строительством объекта приемочной комиссией	01	08

Таким образом, основная задача аудита заключается в проверке правильности, полноты и обоснованности формирования стоимости вновь построенных, реконструированных и модернизированных объектов основных средств, принятых в эксплуатацию приемочной комиссией и переданных балансодержателям для отражения в учете инвентарной (первоначальной) стоимости вновь построенных объектов и увеличения остаточной стоимости основных средств, по которым проведена реконструкция, модернизация.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Постоянное инвестирование в наивысшей степени способствует поддержанию стабильного развития экономики как каждого инвестируемого предприятия или организации в отдельности, так и всего государства в целом. Тем самым инвестиции гарантируют постоянное и стремительное развитие организаций в долгосрочной перспективе, повышение рентабельности и конкурентоспособности их продукции на рынке, что в свою очередь обеспечивает создание новых рабочих мест, снижение уровня безработицы, повышение благосостояния населения и улучшение его жизненного уровня.

Основными направлениями инвестиционной деятельности в ОАО «РЖД» являются строительство (реконструкция) объектов железнодорожной инфраструктуры.

Аудиторская проверка затрат на строительство объектов позволяет не только сделать вывод относительно правильности формирования стоимости строительно-монтажных работ, минимизировать налоговые риски, но и выявить возможности повышения эффективности использования капитальных вложений.

Методика основана на практических знаниях и выявленных нарушениях при проведении проверок финансово-хозяйственной деятельности предприятий ОАО «РЖД» и может быть использована как методическое пособие при проведении аудиторских проверок, связанных с эффективностью использования денежных средств, выделенных на строительство, реконструкцию и капитальный ремонт объектов железнодорожной инфраструктуры, а также объектов других отраслей народного хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (в редакции 28 декабря 2013 г.).
2. Внутрикorporативный стандарт аудиторской деятельности ОАО «РЖД» от 29 ноября 2011 г. № 2570р «Планирование внутренних аудиторских проверок подразделением внутреннего аудита и контроля», утвержденное распоряжением ОАО «РЖД».
3. Приказ Министерства Финансов Российской Федерации от 31 октября 2000 г. № 94н «Об утверждении плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и инструкции по применению» (в редакции 8 ноября 2010 г.).
4. Распоряжение ОАО «РЖД» от 1 июля 2015 г. № 1622р «Об утверждении документов, регламентирующих формирование и реализацию инвестиционной программы ОАО «РЖД».
5. Стратегия развития железнодорожного транспорта в России до 2030 года.
6. Распоряжение ОАО «РЖД» от 08 августа 2013 г. № 1720р «Об утверждении порядка определения стоимости строительства объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта и других объектов ОАО «РЖД» с применением отраслевой сметно-нормативной базы ОСНБЖ-2001».
7. Положение о порядке организации и проведения внутреннего аудита и контроля Центром контроля и внутреннего аудита «Желдорконтроль», утверждено распоряжением ОАО «РЖД» от 9 марта 2007 г. № 382р.
8. Положение о Центре внутреннего аудита «Желдораудит», утверждено Президентом ОАО «РЖД» от 20 февраля 2013 № 75.

УДК 574:001.895

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

© 2016

Терёшина Мария Валентиновна, доктор экономических наук, профессор кафедры
«Государственная политика и государственное управление»

Поддубный Андрей Петрович, магистрант кафедры «Государственная политика
и государственное управление»

Кубанский государственный университет, Краснодар (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается проблема повышения эффективности государственного управления в контексте достижения целей устойчивого развития. Рассмотрены основные функции государственного заказа как инструмента перехода к «зеленой» экономике. Обоснована необходимость совершенствования системы размещения государственного заказа на основе принципов устойчивого развития путем имплементации экологических критериев в систему государственных закупок, в том числе в условиях стратегии импортозамещения. Изучено и проанализировано содержание понятия «зеленых» государственных закупок, выявлены особенности развития отечественной экономики на современном этапе и сложившиеся практики оценки эффективности государственных закупок с точки зрения устойчивого развития. Выявлены основные проблемы внедрения системы «зеленых» закупок в РФ, связанные со слабостью организационно-экономического механизма экологизации российской экономики в целом, дефицитом экспертно-аналитических данных для принятия обоснованных решений из-за отсутствие четких критериев экологичности тех или иных товаров или услуг, несовершенством нормативно-правового обеспечения данного вида деятельности, недостаточной осведомленностью лиц, принимающих решения о выгодах, связанных с возможностями «зеленых» товаров и услуг. Предложены конкретные механизмы для решения задач в этой области.

Ключевые слова: устойчивое развитие, государственный заказ, «зеленые» госзакупки, «зеленая» экономика

QUESTIONS OF THE THEORY AND METHODOLOGY OF INCREASE OF EFFICIENCY OF GOVERNMENT PROCUREMENT IN THE CONTEXT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT

© 2016

Tereshina Maria Valentinovna, doctor of economical science,
professor of «Public policy and public administration»

Poddubnyi Andrey Petrovich, master of the Department Public policy
and public administration»

Kuban State University, Krasnodar (Russia)

Abstract. The paper is concerned with the problem of improving the public administration efficiency in the context of sustainable development. The main functions of the state order as an instrument of transition to a green economy" are discussed. It is specially noted the necessity of improving the system of public procurement, that including the sustainable development principles. Much attention is given to the implementation of environmental criteria in public procurement, particularly in the context of import substitution strategy. It is examined and analyzed the concept of "green" public procurement. The peculiarities of the modern development of the domestic economy and current practice of evaluating the public procurement effectiveness from the sustainable development point of view are described. Attention is drawn to the basic problems of introduction of "green" procurement in the Russian Federation, associated with weakness of the organizational-economic mechanism of greening the Russian economy in general, lack expertise and analytical data to make informed decisions due to the lack of clear sustainability criteria of certain goods or services, imperfection of normative-legal support of the activity, lack of awareness of decision makers about the benefits of "green" goods and services. The specific mechanisms for solving problems in this area are proposed.

Keywords: sustainable development, government contracts, green procurement, green economy

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами. Впервые появившись несколько десятилетий назад, концепция устойчивого развития прочно вошла в теорию и практику государственного управления, и, более того, стала одной из самых популярных и динамично развивающихся теоретических концепций. Все многообразие подходов к трактовке устойчивости в целом, можно свести к достаточно простому принципу: устойчивое развитие – это долговременное поступательное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы. Определив в качестве основной цели деятельности государства поддержание и рост благосостояния граждан, обеспечение их безопасности, повышение конкурентоспособности национальной экономики и снижение рисков глобальной экономической нестабильности, каждая страна должна вырабатывать собственные механизмы перехода к устойчивому развитию и активно внедрять их в практику управления.

Задачи, стоящие в настоящее время в этом плане перед Россией, исключительно сложны, что определяется как трудностями трансформации экономической и институциональной структуры, так и постепенным нарастанием кризисных явлений в экономике, для которых характерны значительный уровень неопределенности и

непредсказуемости последствий.

В этих условиях особую актуальность приобретают вопросы теоретического и методологического обоснования способов повышения эффективности государственного управления, важным инструментом которого является государственный заказ [1].

С точки зрения устойчивого развития экономики, государственный заказ выполняет ряд важнейших функций. Воспроизводственная функция заключается в том, что за счет механизма удовлетворяются государственные нужды в товарах, работах и услугах в заданных объемах и с требуемым уровнем качества, что позволяет обеспечить константные экономические взаимосвязи с участием государства как экономического агента. Чрезвычайно важной в стратегической перспективе представляется стимулирующая функция. Государственный заказ, являясь важнейшим инструментом создания инвестиционного климата, может способствовать реализации эффективной структурной политики. Наряду с этим, расширение государственных закупок на определенные виды товаров и услуг служит фактором роста совокупного спроса на них и, фактически задает вектор развития социально-экономической системы [2]. Кроме того, государственный заказ, воздействуя на уровень цен при госзакупках, оказывает косвенное

влияние на динамику цен в рыночной экономике в целом. С помощью государственного заказа возможно регулирование отраслевой и региональной структуры экономики, преодоление негативных эффектов отраслевого и структурного дисбаланса. Чрезвычайно актуальной представляется также инновационная функция, реализация которой должна обеспечиваться за счет формирования с помощью государственного заказа экономических предпосылок для создания инновационной «зеленой» продукции и модернизации экономики в целом.

Под экологически ответственными или «зелеными» государственными закупками понимается процесс, при котором органы государственной власти нацелены на приобретение таких товаров и услуг, которые оказывают меньшее негативное воздействие на окружающую среду в течение всего жизненного цикла по сравнению с другими сопоставимыми товарами и услугами. Таким образом, осуществление экологически ответственных или «зеленых» госзакупок подразумевает подход, согласно которому экологически значимые требования включены во все стадии процесса государственных закупок, способствуя тем самым развитию экологических инноваций и технологий, внедрению экологически безопасной продукции, модернизации экономики и в целом устойчивому развитию. Практически этот подход означает имплементацию экологических показателей в государственные контракты и процесс государственных закупок в целом, а также необходимость учитывать в процессе осуществления закупок не только традиционные критерии цены и качества, но и экологические показатели товаров и услуг и формирование системы, при которой предпочтение отдается государственным закупкам продукции с экологическими параметрами.

Проведение подобной политики в области закупок является важнейшим направлением деятельности государства, при этом необходимость его осуществления и совершенствования признана и широко используется в практике хозяйствования развитых зарубежных стран. Так, в Европейском Союзе вопросам «зеленых» государственных закупок в контексте устойчивого развития, которые, среди прочего, способствуют снижению энергоемкости экономики и минимизации негативных антропогенных выбросов в атмосферу, уделяется повышенное внимание на протяжении целого ряда лет [3]. В настоящее время госзакупки в европейских странах представляют собой мощный экономический рычаг для продвижения «зеленых» и экологически дружественных товаров и услуг, а также развития «зеленых» инноваций [4]. При этом в ряде стран (так называемая, «Зеленая семерка», включающая Австрию, Великобританию, Германию, Данию, Нидерланды, Финляндию и Швецию), экологические критерии не только включены в систему государственных закупок, но и разработаны комплексные национальные программы в этой области, созданы качественные информационные ресурсы, включающие примеры экологических критериев и спецификаций и используются инновационные технологии закупок, таких как экологический менеджмент, учет жизненного цикла продукции и т.д. [5].

Существующий институт государственных закупок в России является результатом сложных трансформаций в экономической и нормативно-правовой сфере. До 2005 года, когда был принят Федеральный закон № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [6], единой системы в этой области не существовало, а отдельные её элементы регулировались рядом федеральных законов и подзаконных актов.

Однако Федеральный закон № 94-ФЗ, а также действующие федеральные законы и подзаконные акты, составляющие нормативно-правовую базу для системы государственного заказа, были далеки от совершенства, и небезосновательно подвергались критике со стороны экспертов, государственных заказчиков, поставщиков

и всех стейк-холдеров процесса государственных и муниципальных закупок в части высокой коррупционной емкости, непрозрачности и недостаточной эффективности. Для создания более эффективной, экономичной и прозрачной системы государственных закупок был принят и с 1 января 2014 года вступил в действие новый Федеральный закон № 44-ФЗ [7], призванный стать основой для значительных позитивных изменений в этой области. Как экспертное сообщество, так и потенциальные участники возлагали значительные надежды на новую систему, поскольку она предусматривает необходимость проведения аудита закупок, их информационное обеспечение, общественный контроль, нормирование, обоснование, порядок планирования закупок, а также методологию определения цены контракта. Более того, статья 32 данного закона включает в качестве одного из критериев оценки заявок и окончательных предложений участников закупки, экологические характеристики объекта.

Однако, как показала практика, новая система, хотя и значительно выиграла в плане снижения коррупционной емкости, тем не менее, не стала тем механизмом, который позволяет осуществлять стратегическое управление госзакупками на принципах устойчивого развития. Кроме того, в настоящее время система госзакупок во многих случаях не может справиться с уже обозначенными «проблемными местами», что влечет за собой нарушение конкурентных основ развития экономики, потери бюджетных средств, недостаточное выполнение возложенных на государство функций по повышению устойчивости социально-экономического развития в средне- и долгосрочной перспективе.

Необходимость повышения эффективности госзакупок с позиций устойчивого развития особенно возрастает в условиях кризисных явлений в российской экономике, связанных с волатильностью мировых цен на энергоносители, ослаблением курса рубля и сокращением общей покупательской способности бюджетов государственных заказчиков всех уровней, поскольку потенциальный объем закупаемых за бюджетные средства товаров, работ и услуг при этом автоматически секвестрируется. В этих условиях государственные средства должны быть использованы с максимальной отдачей. Поиск направлений неуклонного и последовательного развития экономики нашей страны, структурных и качественных изменений её динамики приводит к необходимости поиска и рационального использования внутреннего потенциала государственного заказа [8].

Согласно части 1 статьи 12 44-ФЗ, под эффективностью госзакупок понимается степень достижения запланированного результата при проведении закупочной деятельности при обеспечении государственных и муниципальных нужд. Однако четких критериев эффективности, согласно которым можно было оценить результативность расходования средств бюджета, до настоящего времени не выработано ни в научном, ни в практическом плане.

В мировой практике существуют различные подходы к оценке эффективности системы закупок. Они зависят от задачи, стоящей перед уполномоченным в данной сфере органом и варьируют от сравнения стоимости полученной продукции с предполагаемой до комплексного анализа всех аспектов работы системы по десяткам критериев и количества прошедших повышение квалификации в области закупок сотрудников [9].

В российской практике при оценке эффективности размещения государственного и муниципального заказа в большинстве случаев в качестве основного показателя рассматривается исключительно размер экономии бюджетных средств, рассчитываемый как разница между начальной (максимальной) ценой контракта, предполагаемой заказчиком, и ценой, по которой была произведена закупка (например, ценой конкурсной заявки победителя конкурса). Представляется, что данный подход

вполне уместный в отдельных случаях, например при закупках стандартизированных товаров, должен быть существенно дополнен, и при проведении конкурсов необходимо учитывать целый ряд взаимосвязанных параметров, в том числе и экологических, которые являются предметом рассмотрения в данной статье [10].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Выделим два основных направления исследовательской проблемы и, соответственно, развития данной темы в научной литературе. Первое направление касается самого понятия «зеленых» закупок и механизма «зеленых» государственных закупок как инструмента государственной политики устойчивого развития и стимулирования политики «зеленого роста». Второе направление, гораздо менее разработанное, связано с проблемой внедрения в практику госзакупок критериев экологичности и совершенствованием на этой основе существующего механизма оценки эффективности государственных закупок.

Термин «зеленые» закупок появился в научной литературе сравнительно недавно и был связан с развитием теории устойчивого развития, а также концепций экологической модернизации и «зеленой» экономики. Зеленая экономика – это экономика, которая «повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднение» [11]. Концепция «зеленых» закупок предполагает оценку воздействия на окружающую среду на всех этапах жизненного цикла продукции, учитывая все экологические издержки, сырье и производство, транспортировку, хранение, использование и утилизацию продукта в закупочной деятельности [12]. При этом подобная «зеленая» закупочная политика применима ко всем организациям, независимо от их размера и формы собственности.

Популярность концепта «зеленой» экономики, основанного на положениях теории устойчивого развития, вызвало к жизни значительное число исследований, посвященных государственной политике стимулирования «зеленого» роста и её инструментам. Общепризнанным является тезис о том, что процесс перехода к «зеленой» экономике должен быть ускорен с помощью содействия инвестициям в производство экологических товаров и услуг, имеющих меньшее воздействие на окружающую среду по сравнению с конкурирующими аналогами на всех этапах жизненного цикла продукта. Формирование рынка подобных товаров и услуг направлено на сокращение выбросов парниковых газов, загрязняющих воздух, снижение отходов, обеспечение возможности повторного использования и переработки возобновляемых ресурсов, развитие возобновляемых источников энергии и т.д.

При этом целый ряд авторов подчеркивают, что для перехода к новой модели экономики, необходима регулирующая роль государства [13,14].

Одним из важных инструментов, содействующих переходу к «зеленой» экономике, является система государственного заказа, в которую включены экологические требования или система «зеленых» государственных закупок, при которой правительством устанавливаются экологические стандарты на приобретение товаров и услуг в рамках государственного заказа.

В настоящее время в литературе нет общепринятого понятия «зеленых» государственных закупок. Достаточно простое определение приводится Организацией Объединенных Наций «зеленые закупки» - это продукты или услуги, которые сводят к минимуму воздействие на окружающую среду.

В соответствии с определением, данным Европейской комиссией по госзакупкам, зеленые государственные закупки (Green Public Procurement) представляются, как процедура, согласно которой органы государственной

власти осуществляют закупки товаров, работ и услуг с наименьшим экологическим влиянием на протяжении всего их жизненного цикла, по сравнению с товарами, работами и услугами, имеющими те же начальные функции, но иное происхождение [15].

Близким по сути являются понятия «устойчивых» государственных закупок (Sustainable Public Procurement) и государственных закупок для «зеленых» инноваций (Public procurement for green innovation).

«Устойчивые» государственные закупки (Sustainable Public Procurement), представляют собой процесс удовлетворения организацией своих потребностей в товарах, услугах, работе и технических средствах таким образом, что соотношение цены и качества на протяжении всего периода использования благотворно отражается не только на самой организации, но и на обществе и экономике в целом, тем самым снижая негативное воздействие на окружающую среду [16,17].

Госзакупки для зеленых инноваций (Public procurement for green innovation) [18], могут быть определены как приобретение государством новых товаров или технологий результатом использования которых является сокращение экологических рисков, загрязнений и других негативных воздействий, уменьшение использования различных видов ресурсов по сравнению с соответствующими альтернативами. Таким образом, этот вид «зеленых» закупок касается товаров, ещё не имеющих значительного рынка и реализованного экономического потенциала и ориентирован на выгоды, которые будут материализоваться в будущем.

Несмотря на некоторые специфические особенности, рассмотренные нами выше, эти определения достаточно близки между собой и лежат в общем русле теории устойчивого развития. Так, например, в Руководстве по внедрению устойчивых государственных закупок [17] «зеленые» и «устойчивые» государственные закупки употребляются фактически как синонимы, и подчеркивается, что «Зеленые» государственные закупки – это инструмент, который позволяет правительству использовать государственные расходы (от 15% до 30% от ВВП) в зависимости от страны в целях содействия реализации социальной, экономической и экологической политики государства

Значение «зеленых» государственных закупок как инструмента политики устойчивого развития находит отражение в исследованиях международных организаций, таких как Организация экономического сотрудничества и развития и Программа ООН по окружающей среде. В докладах, издаваемых этими организациями, показано, что «зеленые» закупки позволяют достичь баланса между тремя основными факторами устойчивого развития: экономическим, социальным и экологическим. Экономические факторы охватывают расходы на производство продукции и услуг на всех этапах жизненного цикла, таких как производство, эксплуатация и утилизация товаров. Социальные факторы включают в себя условия труда и социальную справедливость. Экологические факторы касаются вопросов, связанных с выбросами в атмосферу, сбросами стоков в водные объекты, изменением климата, сохранением биоразнообразия экосистем, рациональным использованием природных ресурсов.

В настоящее время «зеленые» государственные закупки находятся на практической повестке дня многих международных организаций. Ещё в 2001 году Европейская комиссия прямо указала на возможность использования экологических критериев в госзакупках. В 2003 году был запущен Марракешский процесс, одна из инициатив Программы ООН по окружающей среде, целью которого является содействие развитию устойчивых закупок. В 2004 году были изданы две директивы, составляющие в настоящее время основу регулирования государственных закупок в Европейском союзе – Директива 2004/17/ЕС [19] и Директива 2004/18/ЕС

[20]. Обе эти директивы подчеркивают возможность использования экологических критериев в трех областях - технические спецификации, оплата и условия исполнения контракта.

В 2008 году Швейцария и Программа ООН начали реализацию проекта «Наращивание потенциала по устойчивым государственным закупкам в развивающихся странах».

В настоящее время государственные закупки, на долю которых приходится около 16% ВВП Европейского Союза, по оценкам многих экспертов [21], несомненно способствуют развитию и экологически дружественных технологий.

Положительный эффект «зеленых» госзакупок подтвержден многими странами мира, среди которых государства ЕС, скандинавские страны, Румыния, Мальта, США.

Значительный опыт государственного участия в создании системы «зеленых» госзакупок накоплен в странах Юго-Восточной Азии. Так, в Китае центральные власти играют ведущую роль в определении основных направлений развития системы, а также разработке политики для низших уровней по реализации программы. Например, благодаря тому, что в этой стране на законодательном уровне установлены обязательные требования к учебникам для младших и средних классов, которые должны иметь экомаркировку, уже более 4000 компаний этой страны аккредитованы по системе CEL (China Environmental Labelling) и каждый год добавляется порядка 300 новых лицензиатов. Росту доли экопродукции способствует и то, что в этой стране банки предоставляют выгодный «зеленый кредит» предприятиям, лицензированным CEL [22].

Таким образом, в настоящее время проведение политики «зеленых» закупок является одним из важнейших направлений деятельности государства, необходимость осуществления и совершенствования которого закреплена как на международном, так и на национальном и локальном уровнях.

Представляется, что углубленное теоретическое и методологическое обоснование «зеленых» государственных закупок с учетом российской специфики необходимо для более точной «настройки» этого инструмента политики устойчивого развития для нашей страны.

Формирование целей статьи (постановка задания). Объектом данного исследования является процесс формирования и развития системы государственных закупок как инструмента государственной политики устойчивого развития.

В качестве предмета исследования выступают «зеленые» или экологически ответственные закупки и социально-экономические отношения, складывающиеся в процессе формирования системы экологически ответственных закупок.

Цель настоящего исследования - теоретическое и методологическое обоснование совершенствования системы размещения государственного заказа на основе принципов устойчивого развития путем имплементации экологических критериев в систему государственных закупок, в том числе в условиях стратегии импортозамещения.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- раскрыть непосредственную связь системы государственного заказа с целями создания условий для достижения целей устойчивого развития;
- изучить и проанализировать содержание понятия «зеленых» государственных закупок;
- выявить особенности развития отечественной экономики на современном этапе и сложившиеся практики оценки эффективности государственных закупок с точки зрения устойчивого развития;
- уточнить теоретико-методологические подходы к

формированию общих условий, определяющих эффективность системы государственного заказа с точки зрения устойчивого развития и обосновать конкретные механизмы для решения задач в этой области.

В качестве основных методов исследования в работе выступают общепринятые теоретические методы исследования: анализ и синтез, а также методы определения показателей, сравнения, группировки и графического изображения.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В России, в отличие от других стран, «зеленые» закупки получили большее распространение в бизнес-секторе, чем в государственном. Зачастую это связано с требованиями, предъявляемыми западными поставщиками и партнерами, и влиянием мировой тенденции экологизации производства и потребления.

В тоже время представляется, что внедрение принципов экологически безопасных государственных закупок в России должно стать одним из важнейших инструментов государственной политики устойчивого развития и государственной политики поддержки инноваций, в том числе в рамках реализуемой стратегии импортозамещения.

Несмотря на то, что актуальность импортозамещения была обозначена высшим руководством страны ещё в 2009 году, наиболее острой она стала с 2014 года, после введения зарубежными странами и Россией обоюдных экономических санкций. Фактически импортозамещение подразумевает создание таких условий отечественным производителям, при которых они могут конкурировать с зарубежными компаниями на честных рыночных основаниях. При этом стратегия импортозамещения предполагает постепенное изменение структуры российской экономики вследствие перехода от производства простых товаров к наукоемкой и высокотехнологичной продукции путем повышения уровня развития производства и технологий, повышение качества производимого товара, технологий применяемых на предприятиях, развитие инноваций. Для страны, уровень производственных отраслей которой отстает от уровня государств, с которыми она взаимодействует, данный подход представляется просто необходимым.

В настоящее время основным стимулом развития импортозамещения являются госзаказы и федеральная поддержка, поэтому сложившуюся ситуацию можно рассматривать как «окно возможностей» для развития, в том числе, экологоориентированной экономики, способной в перспективе конкурировать с лучшими зарубежными образцами.

При этом изменения должны производиться поэтапно и последовательно.

Можно выделить несколько основных проблем внедрения системы экологических закупок в России, к которым относятся дефицит экспертно-аналитических данных для принятия обоснованных решений из-за отсутствия четких критериев экологичности тех или иных товаров или услуг, несовершенство правового поля, слабость организационно-экономического механизма экологизации российской экономики в целом, недостаточная осведомленность лиц, принимающих решения о выгодах, связанных с возможностями «зеленых» товаров и услуг и т.д.

Одним из наиболее проблематичных аспектов имплементации критериев экологичности в систему государственных закупок является понимание того, какими должны быть эти требования, поскольку система сертификации по экологическим требованиям в России развита явно недостаточно.

подавляющее большинство поставщиков не являются экспертами в области экологии, а персонал не достаточно опытен в проведении таких закупок.

В то же время на рынке существует постоянно растущее число эко-лейблов, помогающих выявить това-

ры, которые могли бы соответствовать определенному стандарту экологического качества. В мировой практике используется значительное количество различных программ по экологической маркировке, разработанный и реализуемый как на правительственном уровне, так и частными и неправительственными организациями.

Большинство эко-лейблов используют многомерные критерии, основанные на LCA (Life-cycle Assessment - анализе жизненного цикла), однако, целый блок товарных знаков основан лишь на одном экологическом критерии (например, «Energy Star» – схема эко-маркировки по энергосбережению).

В российской системе добровольной экологической сертификации «Листок жизни», получившей признание и за рубежом, план «зеленых» закупок является обязательным требованием для эко-офисов. «Зеленые» закупки предусматривают выбор товаров, имеющих эко-маркировку I типа или любые экологически предпочтительные характеристики. Данные лейблы основаны на экологическом воздействии в течение жизненного цикла, критерии устанавливаются независимым органом и контролируются через сертификацию или процесс аудита. Например, отсутствие вредных компонентов или сниженное по сравнению с аналогами их содержание, энергоэффективность и другие.

Так, эко-офисы при закупках ряда товарных групп продукции обязаны учитывать наравне с ценой ее экологические характеристики.

Обязательные базовые требования системы «Листок жизни», которые были учтены в корпоративном «зеленом» олимпийском стандарте ГК «ОЛИМПСТРОЙ» для закупок стройматериалов еще в 2010 г., охватывают весь жизненный цикл продукции: добычу сырья, производство, готовую продукцию и ее эксплуатацию, транспортировку, упаковку и утилизацию. Например, «зеленые стандарты» Олимпиады обязывали использовать для строительства только сертифицированную древесину и изделия из нее [23].

С учетом российской специфики рынка государственных закупок, прежде всего, представляется целесообразным провести аудит для определения того, какие закупки уже соответствуют необходимым критериям, а также того, какие отрасли имеют больший потенциал «зеленого» роста, наиболее развитые «зеленые» технологии, на основании чего составить план перехода на экологически ответственные закупки по другим товарным категориям. Проще всего начать с тех сфер, где значительное количество ответственных поставщиков, и цены на товары эквивалентны «обычным» (бумага, канцтовары, электроотопление и оборудование). Затем необходимо разработать меры по внедрению ответственных закупок в других областях.

Сам алгоритм выбора сегментов рынка для первоочередного внедрения экологических критериев в госзакупки может включать следующие составляющие: выделение приоритетных с точки зрения экологических критериев отраслей, оценка спроса в этих сегментах и возможности усиления спроса за счет государственных ресурсов с анализом того, насколько природа этого спроса соответствует объективным структурным сдвигам в мировой экономике, провести ревизию имеющихся экологических технологий, создать реестр государственных поставщиков товаров, работ, услуг с экологическими характеристиками,

Создание единого реестра государственных поставщиков товаров, работ, услуг с экологическими характеристиками, функционирующего на официальном электронном ресурсе, даст несколько важных преимуществ. Во-первых, наглядно будут отражены все поставщики экологических товаров, работ, услуг по отраслям, что позволит выявить и аккумулировать качественные характеристики поставщиков – участников госзаказа и реализовать принцип открытости и прозрачности закупок.

Во-вторых, подобный реестр, со временем, после не-

которой наработки, позволит с минимальной погрешностью вывести средние по отрасли цены на поставку товаров, работ, услуг, накапливая и регулярно обновляя статистические данные о ценах заключенных контрактов. В-третьих, для повышения уровня конкуренции и стимулирования поставщиков, необходимо разработать строго регламентированный перечень предпочтений, который позволит привлечь не только крупных, многомиллионных поставщиков, но и даст определенный толчок малому и среднему бизнесу и позволит стимулировать экологические инновации.

Критерии экологичности будут влиять на рейтинг поставщика и дадут возможность потребителю полностью контролировать выполнение необходимых требований к поставляемой продукции и минимизировать издержки, связанные с завышением начальной максимальной цены контракта.

Несмотря на то, что в нашей стране экологическая сертификация является добровольной, и это соответствует большей части зарубежного опыта, представляется необходимым, на законодательном уровне для отдельных групп товаров ввести обязательную экомаркировку и экологическую сертификацию. Актуальным является применение национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р ИСО 14040-2010 [24], описывающего общую структуру, принципы и требования к проведению исследования оценки жизненного цикла товара, разумеется, переработанного и внедренного на законодательном уровне для контрактов и регулятивных целей. Кроме того, для эффективного внедрения стандартизации оценки жизненного цикла товара необходима разработка технических деталей и индивидуальных стадий подобной оценки.

Вместе с тем политика «зеленых» государственных закупок будет иметь смысл только в том случае, если участники торгов будут добросовестно соблюдать требования, касающиеся всех экологических аспектов деятельности, а для компаний, использующих экологические разработки будет создана определенная система предпочтений.

Чрезвычайно важным остается вопрос начальной максимальной цены контракта при осуществлении экологических государственных закупок. Цена экологических товаров и услуг может быть выше, а иногда и существенно выше цены обычных закупок в том случае, если при этом не учитываются все затраты в течение жизненного цикла использования товара или услуги (закупочная цена, использование, обслуживание и утилизация).

Необходимо понимать, что, несмотря на более высокие закупочные цены «зеленых» товаров, для многих из них характерны гораздо меньшие затраты при эксплуатации и утилизации.

В случае энергосберегающих товаров, высокая цена покупки часто перекрывается более высокой долгосрочной экономией. «Зеленый» товар может стоить дороже, чем стандартная альтернатива, поскольку цена нередко включает премию за новые технологии и проектирование, при том, что для многих таких товаров не был достигнут необходимый масштаб производства. Чтобы решить, какой товар окажется дешевле, следует учитывать затраты в течение всего его жизненного цикла (покупка, использование, обслуживание и утилизация).

Данные экспертного опроса, проведенного в 2015 году среди специалистов в сфере государственных закупок различных учреждений Краснодарского края показывают, что большинство опрошенных считают целесообразным введение обязательного нормативного регулирования по экологическим критериям прежде всего в наукоемких и высокотехнологичных отраслях, сфере сельского и лесного хозяйства, строительства, транспорта и связи, машиностроения.

Несомненно, важное значение имеет также совершенствование правового поля для закрепления экологических критериев в разделах конкурсной документации.

АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

Так, например, необходимо внести изменения в статью 33 Федерального закона № 44-ФЗ, где в описании объекта закупки предусмотреть возможность определения точных экологических требований к товарам, либо услугам. При этом очень важно, чтобы описание объекта закупки не стало дискриминационным. Это возможно в том случае, если заказчик сможет заключить договор о поставке товара полученного в результате вторичной переработки (например, бумаги для офиса) или договор на проектирование и строительство с обязательным учетом параметров энергоэффективности, естественно без указания товарного знака производителя, либо без конкретизации требований к производителю товара или к участнику закупки. После определения объекта закупки, заключающие договор органы власти, должны отобразить измеримые функциональные, технические, качественные или эксплуатационные характеристики объекта закупки которым должны удовлетворять товар или услуга. К таким характеристикам можно отнести экологические стандарты и критерии эколейблов, методы производства товаров, а также определение затрат «жизненного цикла» закупаемых товаров или услуг.

Например, можно обозначить в требованиях, что бумага должна производиться без использования хлора, а электричество должно быть получено от альтернативных источников или быть выработанным из возобновляемых ресурсов.

Кроме того, необходимо внести изменения в статью 31 Федерального закона № 44-ФЗ, относительно дополнительных требований к участникам закупки, а именно отсутствие привлечения к административной или уголовной ответственности за совершение экологических правонарушений и преступлений.

Что касается критериев выбора победителя торгов, то необходимо внести изменения в статью 32 Федерального закона № 44-ФЗ в части касающейся применения критериев оценки заявок. А именно, предусмотреть реализацию оценки по всем четырем указанным критериям:

- 1) цена контракта;
- 2) расходы на эксплуатацию и ремонт товаров, использование результатов работ;
- 3) качественные, функциональные и экологические характеристики объекта закупки;
- 4) квалификация участников закупки, в том числе наличие у них финансовых ресурсов, на праве собственности или ином законном основании оборудования и других материальных ресурсов, опыта работы, связанного с предметом контракта, и деловой репутации, специалистов и иных работников определенного уровня квалификации, в том числе и для аукционов, создав весовые коэффициенты каждого из применяемых критериев для закупки того или иного рода товаров (услуг).

Таким образом, прорабатывая экономически выгодное предложение, не следует ограничиваться только таким параметром как цена, а следует рассматривать «затраты жизненного цикла» закупаемых товаров, работ или услуг. Это предусматривает не только закупочную цену, но и эксплуатационные расходы (такие, как потребление электричества или воды), затраты на обслуживание и утилизацию.

Наконец, государственные заказчики должны вводить экологические критерии в правила исполнения контракта. Это может касаться, например, упаковки поставляемого товара. Разумеется, подобные нюансы должны быть четко изложены в договоре на поставку товаров, выполнение работ или предоставление услуг.

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. Таким образом, мировая практика подтверждает перспективность «зеленых» государственных закупок как инструмента развития практик устойчивого развития. Практический опыт применения «зеленых» закупок в Российской Федерации наработан в основном с государственными мега-проектами, такими как олимпийское строительство, а так-
АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

же с негосударственными закупками в бизнес-секторе. Значение использования «зеленых» закупок в России состоит в возможности стимулирования инноваций и реализации стратегии импортозамещения для устойчивого развития нашей страны. Основные проблемы применения успешного зарубежного опыта в России связаны со слабостью организационно-экономического механизма экологизации российской экономики в целом, дефицитом экспертно-аналитических данных для принятия обоснованных решений из-за отсутствие четких критериев экологичности тех или иных товаров или услуг, несовершенством нормативно-правового обеспечения данного вида деятельности, недостаточной осведомленностью лиц, принимающих решения о выгодах, связанных с возможностями «зеленых» товаров и услуг. Несмотря на то, что большинство этих проблем заданы де-факто, они вполне могут быть изменены путем организационно-управленческих и нормативно-правовых мер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Постановление Правительства Москвы от 10.06.2014 г. № 394-ПП «Основные положения новой экологической политики города Москвы на период до 2030 года» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2014/07/16/moskva-post394-reg-dok.html> (дата обращения: 07.02.2016).
2. Заседание экспертной группы по вопросам «экологизации» госзакупок. «Построение системы экологически ответственных госзакупок» [Электронный ресурс] URL: <http://www.ecolife.ru/objavlenija/34833/> (дата обращения: 07.02.2016).
3. «Стоимость и выгода «зеленых» устойчивых закупок в Европе» Институт Еко и Международный совет по местным экологическим инициативам (Costs and Benefits of Green Public Procurement in Europe, Öko-Institut and ICLEI, 2007) [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/environment/gpp/pdf/eu_recommendations_1.pdf (дата обращения: 07.02.2016).
4. Хмелева Е. Зарубежный опыт и возможности развития экологически ответственных госзакупок в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://crowd.tender.mos.ru/Hmeleva.pdf> (дата обращения: 08.02.2016).
5. Bouwer M., Jong de K., Jonk M. et al. Green Public Procurement in Europe 2005 - State Overview // European Commission [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/environment/gpp/pdf/report_facts.pdf (дата обращения: 08.02.2016).
6. Федеральный закон РФ от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/?utm_campaign=doc_dynamic&utm_source=google.adwords&utm_medium=cpc&utm_content=1&gclid=Cler4ryGhssCFUezcgodZzwGHQ (дата обращения: 05.02.2016).
7. Федеральный закон РФ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Общественный портал госзакупок [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gov-zakupki.ru/zakon/44-fz-id126> (дата обращения: 05.02.2016).
8. Терёшина М.В., Поддубный А.П. Проблемы практического применения законодательства о контрактной системе России в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Актуальные проблемы экономики, социологии и права. – 2015. – № 2. – С. 210-212.
9. Поддубный А.П. Современные подходы к анализу эффективности государственных закупок в контексте задач инновационного развития. Инновационные подходы к решению социально-экономических, правовых и педагогических проблем в условиях развития современ-

менного общества: материалы I Международной научно-практической конференции – 2015. – С. 66-69.

10. Терёшина М.В., Поддубный А.П. Кубанская школа развития местных сообществ: методология, теория и практика: материалы научно-практической конференции с международным участием. Формирование системы индикаторов эффективности госзакупок как механизма управления общественными финансами – 2015. – С. 149-156.

11. Доклад Экологической программы ООН (ЮНЕП). «Навстречу зеленой экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности». Найроби, 2011. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.unep.org/greeneconomy/Portals/88/documents/ger/GER_synthesis_ru.pdf (дата обращения: 10.01.2016).

12. Giménez-Pujol A. Green Public Procurement in the Asia Pacific Region: Challenges and Opportunities for Green Growth and Trade. APEC Committee on Trade and Investment, 2013. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.amphos21.com/a21Admin/redesSociales/2013_cti_GPP-rpt.pdf (дата обращения: 25.01.2016).

13. Морозова Елена Васильевна, Терёшина Мария Валентиновна, Ермолов Николай Георгиевич Тенденции развития экологической политики в современном мире // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2014. №101. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-ekologicheskoy-politiki-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 06.02.2016).

14. Онищенко М.В. «Роль государства в развитии «зеленой экономики» // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2014. №102. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstva-v-razviti-zelenoy-ekonomiki> (дата обращения: 06.02.2016).

15. European Commission Buying Green! A Handbook on Green Public Procurement 2011 [Электронный ресурс] URL: <http://ec.europa.eu/environment/gpp/pdf/handbook.pdf> (дата обращения: 08.02.2016).

16. CSR Europe, Sustainable Public Procurement, 2009, p. 2. [Электронный ресурс] URL: http://csreurope.org/.../20091001_csr_europe_helpdesk_for_epson_sustainable_public_procurement_final.pdf (дата обращения: 15.02.2016).

17. Руководство по внедрению Устойчивых государственных закупок, 2012 [Электронный ресурс] http://ecounion.ru/wp-content/uploads/2014/04/UNEPImplementationGuidelines_RUS.pdf (дата обращения: 01.02.2016).

18. Final report MEI project about measuring eco-innovation, (2007). Note: this definition was specifically applied to the term «eco-innovation», however we feel the definition to be appropriate in these circumstances. [Электронный ресурс] URL: <http://www.oecd.org/env/consumption-innovation/43960830.pdf> (дата обращения: 01.02.2016).

19. Directive 2004/17/EC of the European Parliament and of the Council of 31 March 2004 coordinating the procurement procedures of entities operating in the water, energy, transport and postal services sectors [Электронный ресурс] <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2004:134:0001:0113:EN:PDF> (дата обращения: 01.02.2016).

20. Directive 2004/18/EC of the European Parliament and of the Council of 31 March 2004 on the coordination of procedures for the award of public works contracts, public supply contracts and public service contracts [Электронный ресурс] <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2004:134:0001:0113:EN:PDF> (дата обращения: 01.02.2016).

21. Развитие низкоуглеродной и энергоэффективной экономики. Возможности адаптации мирового опыта при реализации Федерального закона «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности. – М., WWF России, 2010 г. – 48 с.

22. Россия и Китай: будущее за экомаркировками. [Электронный ресурс]. – URL: <http://greenevolution.ru/blogs/rossiya-i-kitaj-budushhee-za-ekomarkirovkami/> (дата обращения: 01.02.2016).

blogs/rossiya-i-kitaj-budushhee-za-ekomarkirovkami/ (дата обращения: 01.02.2016).

23. Илларионова К.А. «Зеленые» госзакупки в мировой практике // Контроль качества продукции. – 2014. – 2014 № 3 - С. 17-24.

24. ГОСТ Р ИСО 14040-2010 Экологический менеджмент. Оценка жизненного цикла. Принципы и структура. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.internet-law.ru/gosts/gost/49794/> (дата обращения: 10.02.2016).

УДК 65.014.1

**ДИАГНОСТИКА ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР
НА ОСНОВЕ КОЛИЧЕСТВЕННО-КАЧЕСТВЕННОГО ПОДХОДА**

© 2016

Черезова Яна Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономики и менеджмента*ГБОУ ВПО «Первый Московский государственный медицинский университет
имени И.М. Сеченова», Москва (Россия)*

Аннотация. Оценка действующей организационно-управленческой структуры – важный элемент выработки решений, позволяющий определить уровень ее рациональности, эффективности разрабатываемых проектов или плановых мероприятий, способ ее совершенствования. Эффективная структура управления медицинской организацией как объект проектирования – сложная система. Она сочетает в себе экономические, информационные, административно-организационные взаимодействия, которые поддаются непосредственному анализу и рациональному проектированию. Однако она включает и социально-психологические характеристики и связи, которые определяются уровнем квалификации работников, их отношением к труду, а также стилем руководства. Сущность проблемы оценки эффективности существующей организационной структуры и проектирования новой заключается в том, что она не может быть представлена в виде задачи формального выбора наилучшего варианта организационной структуры по четко сформулированному, однозначному, математически выраженному критерию оптимальности. Эта проблема носит количественно-качественный характер и может быть решена на основе сочетания научных, в том числе формализованных, методов анализа, оценки, моделирования организационных систем с субъективной оценкой ответственных руководителей, специалистов и экспертов по выбору наилучших вариантов организационных решений [1].

Ключевые слова: организационная структура, эффективность управления, количественно-качественный подход, диагностика деятельности организаций, нормы управляемости, моделирование структур управления, корпоративное управление, численность работников.

**MANAGEMENT AND ORGANIZATIONAL STRUCTURE DIAGNOSTICS
BASED ON QUANTITATIVE-QUALITATIVE APPROACH**

© 2016

Cherezova Yana Alekseevna, candidate of economical science, associate professor
of the department of economics and management*I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow (Russia)*

Abstract. Evaluation of the existing management and organizational structure is an important element of the decision-making, which allows determining the level of rationality, efficiency of development projects or planned activities, and a way to improve it. Effective management structure of a medical organization as a design object is a complex system. It combines economic, information, administrative and organizational interactions, which are capable of direct analysis and rational design. However, it includes social and psychological characteristics and relations, which are determined by the level of workers' skills, their attitude to work and style of leadership. The essence of the problem of evaluating the effectiveness of the existing organizational structure and design of the new one is that it cannot be presented as a task of formal best option selection of the organizational structure according to clearly formulated, unambiguous, mathematically expressed optimality criterion. This problem is of quantitative and qualitative nature and can be solved through a combination of scientific, including formal methods of analysis, evaluation, modeling of organizational systems with a subjective assessment of decision-makers, specialists and experts in choosing the best options for organizational decisions [1].

Keywords: organizational structure, management efficiency, quantitative and qualitative approach, organization activity diagnostics, control standards, management structure modelling, corporate governance, number of employees.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Часто организация под воздействием изменения спроса на медицинские услуги и характер обслуживания пациентов сталкивается с необходимостью радикального изменения своих структуры и функций в форме слияния и приобретения, разделения и выделения, преобразования или, что чаще – комплексного изменения методов функционирования для решения проблем выживания или повышения эффективности работы – реструктуризацией (или реформированием). Цель – улучшение качественных показателей компаний за счет реформирования систем организации и управления. Реформированию, как правило, подлежат все структурные элементы системы управления: аппарат управления, механизм и процесс управления, а также средства, обеспечивающие процесс управления. Исходным компонентом реформирования служит организационная структура управления. Реструктуризация системы управления опирается на моделирование организационной структуры «как есть» и предполагает проектирование структуры «как нужно». «Программа изменений структуры показывает, какие звенья и функции исчезают в существующей организационной модели и какие новые отношения устанавливаются между звеньями и функциями в процессе реструктуризации» [2].

Организационно-управленческая подсистема медицинской организации является главным инструментом менеджмента, регламентирующим состав, величину, размещение, профиль деятельности данной организации, ответственность, подчиненность производственных и обслуживающих подразделений, объединяемых общим аппаратом управления для выполнения всех целевых функций, зафиксированных в уставе компании. Следовательно, диагностика эффективности, а также продуманное и рациональное преобразование организационной структуры в случае необходимости может привести не только к изменениям в системе управления, но и прямо или косвенно повлиять на экономический результат деятельности, как отдельных подразделений, так и организации в целом.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Ряд авторов публикаций имеют такую же точку зрения. В частности, Т. Питерс, Р. Уотерман в своей работе писали: «Структура важна. Она создает основу и «орkestрует» поведение в организации» [3].

Современные руководители ставят перед собой задачу выбора такой оргструктуры, которая лучше всего отвечает не только целям и задачам организации, но и воз-

действующим на нее внутренним и внешним факторам. «Наилучшая» структура – это та, которая наилучшим образом позволяет организации эффективно взаимодействовать с внешней средой, продуктивно и целесообразно распределять и направлять своих сотрудников и, таким образом, удовлетворять потребности клиентов и достигать своих целей с высокой эффективностью». Так считает Э. Коротков [4].

Е. Борисова [5] отмечает, что «есть такая иллюзия, будто можно создать столь совершенный механизм, что он будет работать за нас и на нас. Но в реальных условиях невозможно предвидеть абсолютно все. Можно лишь прогнозировать с определенной степенью вероятности. Поэтому приходится смириться с тем, что создать раз и навсегда идеальную организационную структуру невозможно. Скорее, задачу надо формулировать как создание гибкой жизнеспособной структуры, отвечающей сегодняшним реальным и прогнозируемым будущим условиям». По мнению Борисовой, «именно организационная структура — это механизм, призванный обеспечить максимальную эффективность деятельности компании или — иначе — позволяющий оптимальным образом достигать цели компании».

По мнению А. Алпатова [6], «реструктуризация активов и пассивов не только тесно взаимосвязаны, но и неотделимы от реструктуризации системы управления. Реструктуризация долгов, например, автоматически приводит к реструктуризации активов, что в свою очередь требует изменения структуры управления». Также «в зависимости от результатов финансово-экономического и маркетингового анализа... формируется новая, рациональная структура управленческих и производственных подразделений».

Начиная с середины 1990-х гг. все большее внимание исследователей и практиков, как в России, так и за рубежом, привлекает тема корпоративного управления. Однако зарождение этого направления относят к 1930 году [7]. На конференциях и мероприятиях, посвященных этой проблеме, наряду с другими положениями обсуждаются вопросы: «Есть ли связь между корпоративным управлением и результатами деятельности компании?» и «Учитывают ли инвесторы качество корпоративного управления?»

В общем случае, по мнению М.В. Самосудова [8], «использование принципов и методов корпоративного управления в деятельности компании позволяет получить ряд преимуществ», в том числе «повысить инвестиционную привлекательность компаний». А частью успешного корпоративного управления является формирование структуры и системы управления.

Однако существуют и другие точки зрения на этот счет. По мнению А. Сониной [9], «несмотря на многочисленные исследования, проводимые в различных странах учеными и специалистами в области корпоративного управления, до настоящего времени не установлена эмпирическая зависимость финансовых показателей компании от качества корпоративного управления». И качество корпоративного управления является определяющим фактором при принятии инвестиционных решений не для всех групп инвесторов.

Эффективность управления организацией определяется также сплоченностью или конфликтностью коллектива, его стабильностью, уровнем квалификации, сознательностью работников, их деловой активностью и многими другими человеческими факторами. В связи с этим в процессах управления организацией, наряду с такими направлениями, как управление финансовой, информационной или административной службами, специально выделяется направление социально-психологического управления. Немаловажное значение для правильной организации работы руководителя, а, следовательно, и для предотвращения конфликтных ситуаций в коллективе, имеют «количественные показатели», отражающие, например, число исполнителей, непосредственно подчи-

ненных руководителю.

В целом проблеме совершенствования организационных структур и корпоративного управления посвящено большое число работ и публикаций ([10], [11], [12], [13] и др.). При этом большинство авторов сходятся во мнении в том, что эффективная система управления в конкурентных условиях – это не только формализованное деление предприятия по горизонтальным или вертикальным уровням управления (т.н. «организационный дизайн»). Сущность и содержание системы управления организацией проявляются в ее соответствии требованиям реализации конечных целей и решения текущих задач. Другими словами, организационная структура и подход к управлению персоналом должны органично сочетаться между собой, а также со стратегией функционирования и развития бизнеса (организации).

Формирование целей статьи (постановка задания). В рамках данной статьи мы остановимся на проблеме диагностики организационно-управленческой структуры хозяйствующих единиц и попытаемся проследить зависимость между количественными ее характеристиками и результатами экономической деятельности.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Подход к оценке различных вариантов организационной структуры определяется ее ролью как характеристики системы управления. Комплексный набор критериев эффективности системы управления формируется с учетом двух направлений оценки ее функционирования:

- по степени соответствия достигаемых результатов установленным целям производственно-хозяйственной деятельности организации (начиная с уровня выполнения плановых заданий);

- по степени соответствия процесса функционирования системы объективным требованиям к его содержанию, организации и результатам.

Критерием эффективности при сравнении различных вариантов организационной структуры служит возможность наиболее полного и устойчивого достижения конечных целей системы управления при относительно меньших затратах на ее функционирование. Критерием же эффективности мероприятий по совершенствованию организационной структуры служит возможность более полного и стабильного достижения установленных целей или сокращения затрат на управление, эффект от реализации которых должен за нормативный срок превысить производственные затраты [1].

Принципиальное значение для оценок эффективности системы управления имеет выбор базы для сравнения или определение уровня эффективности, который принимается за нормативный. Здесь можно указать несколько подходов, которые могут дифференцированно использоваться применительно к конкретным случаям. Один из них сводится к сравнению с показателями, характеризующими эффективность организационной структуры эталонного варианта системы управления. Эталонный вариант может быть разработан и спроектирован с использованием всех имеющихся методов и средств проектирования систем управления, на основе передового опыта и применения прогрессивных организационных решений. Характеристики такого варианта принимаются в качестве нормативных, при этом сравнительная эффективность анализируемой или проектируемой системы определяется на основе сопоставления нормативных и фактических (проектных) параметров системы с использованием преимущественно количественных методов сравнения. Может применяться также сравнение с показателями эффективности и характеристиками системы управления, выбранной в качестве эталона, определяющего допустимый или достаточный уровень эффективности организационной структуры.

Однако возникают некоторые трудности применения указанных подходов, которые обусловлены необходимостью обеспечения сопоставимости сравниваемых

вариантов. Поэтому часто вместо них используется экспертная оценка организационно-технического уровня анализируемой и проектируемой системы, а также отдельных ее подсистем и принимаемых проектных и плановых решений, или комплексная оценка системы управления, основанная на использовании количественно-качественного подхода, позволяющего оценивать эффективность управления по значительной совокупности факторов. Экспертная оценка может являться составным элементом комплексной оценки эффективности системы управления, включающей все перечисленные подходы, как к отдельным подсистемам, так и ко всей системе в целом.

В соответствии с принципами рациональной организации структуры и функций компании, учитывая требования различных подходов, последовательность анализа организационной структуры в общем виде, по нашему мнению, можно представить следующим образом:

- Сбор и подготовка информации для анализа организационных единиц.
- Выявление первичных количественных характеристик: количество уровней управления, численность, номенклатура должностей, количество структурных единиц.
- Определение некоторых количественных оценок.
- Определение качественных характеристик.
- Оценка соответствия оргструктуры системе целей, технологии, размерам компании, состоянию внешней среды.

Для упрощения процедуры анализа и оформления результатов количественные показатели оценки аппарата управления и его организационной структуры следует разбить на 2 группы:

1. Показатели экономической эффективности аппарата управления (показатели, характеризующие эффективность системы управления и показатели, характеризующие содержание и организацию процесса управления):

- уровень автоматизации работы аппарата управления (учитывает затраты на офисную технику и программное обеспечение);
- выручка от продаж на 1 работника аппарата управления;
- чистая прибыль (убыток) на 1 работника аппарата управления;
- чистая прибыль (убыток) на 1 работника предприятия (для сравнительного анализа).

2. Показатели количественной оценки организации структуры управления (показатели, характеризующие рациональность организационной структуры и ее технико-организационный уровень):

- коэффициент рациональности структурных подразделений, который характеризует соответствие существующей организационной структуры нормативной. Условное нормативное требование - $1 \div 1,2$;
- коэффициент распределения численности работников по структурным подразделениям, который характеризует соответствие фактической численности работников структурных подразделений нормативной численности. Условное нормативное требование - $1 \div 1,2$;
- удельный вес работников аппарата управления в общей численности работников предприятия;
- коэффициент структурной напряженности, рассчитывается как отношение общего числа подразделений, находящихся в подчинении данному аппарату управления, к удельному весу работников аппарата управления в % от общей численности работников. Характеризует степень загруженности работников аппарата управления;
- коэффициент соблюдения норм управляемости, который определяет допустимое отношение числа исполнителей, подчиненных одному руководителю. Условное нормативное требование - $0,8 \div 1$.

Отметим, что необходимо стремиться обеспечить приближение структуры к стандартному уровню управляемости. Авторы междотраслевых методических рекомендаций по совершенствованию организационных структур рекомендуют условные нормативы [14, 15, 16]. Излишнее увеличение количества подчиненных ведет к росту управленческих обязанностей руководителя, что ослабляет контроль над работой подчиненных, затрудняет обнаружение просчетов и т.д. Чрезмерное сужение нормы управления является причиной увеличения количества управленческих уровней, излишней централизации власти, повышения административных расходов и т.д.

Следует подчеркнуть, что существующие количественные показатели не дают однозначного ответа на вопросы, связанные с оценкой эффективности управления в рамках заданной организационной структуры. Например, показатель нормы управляемости (определяется как количество непосредственных подчиненных у руководителя), который традиционно считается нормативным в диапазоне от 3 человек до 7, может сильно варьироваться в зависимости от сложности управленческой и производственной деятельности [17, 2].

По мнению И.И. Мазур [2] при всей неоднозначности количественных показателей их использование чрезвычайно полезно не столько при одновременной диагностике состояния организационно-управленческой подсистемы, сколько для постоянного мониторинга организационной структуры. Также полезность количественных оценок возрастает, если они сопоставляются со статистической базой таких оценок, например, матрицей, отражающей зависимость структурной напряженности от количества подразделений и удельного веса управленцев в общей численности работников, с помощью которой можно оценить экономичность управления на предприятии.

Качественная оценка аппарата управления и организационной структуры предприятия проводится с точки зрения соответствия организационно-управленческой структуры системе целей организации, масштабам производственно-хозяйственной деятельности предприятия, требованиям быстроты и качества передачи управленческой информации. Задачей такого анализа является определение резервов улучшения организационно-управленческой структуры.

Качественные экспертные оценки оргструктуры основаны на суждениях специалистов и для получения надежного результата, как показывает опыт, требуют создания экспертной группы из числа работников исследуемых предприятий, и могут быть проведены на основании анкет, содержащих две группы характеристик организационных структур:

- первая группа - вопросы, характеризующие степень соответствия достигаемых результатов установленным целям производственно-хозяйственной деятельности организации (начиная с уровня выполнения плановых заданий);
- вторая группа - вопросы, характеризующие степень соответствия процесса функционирования системы объективным требованиям к его содержанию, организации и результатам.

Сравнительный анализ эффективности деятельности группы хозяйствующих субъектов в разрезе их экономической и организационно-управленческой подсистем позволяет автору предположить наличие зависимости между указанными подсистемами. Расчет сводной (агрегированной) оценки I_{js} , учитывающей результаты сравнительного анализа деятельности хозяйствующих единиц в производственно-финансовом и организационно-управленческом аспектах, осуществлен на основе суммирования баллов, количество которых для каждого показателя присваивается в зависимости от попадания его расчетной величины в область нормативных значений по формуле (1):

$$I_{jc} = \sum_{i=1}^n A_{ij}, \quad j=1, \dots, m \quad (1)$$

где A_{ij} – балльная оценка i -го показателя;

i – число показателей;

j – число хозяйствующих единиц.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

Оценка эффективности организационно-управленческой структуры является важным элементом разработки решений, позволяющим определить уровень прогрессивности действующей организационной структуры, разрабатываемых проектов или плановых мероприятий, и проводится с целью выбора наиболее рационального варианта структуры или способа ее совершенствования. В целом анализ эффективности деятельности хозяйствующего субъекта может быть осуществлен в разрезе его экономической и организационно-управленческой подсистем с помощью расчета агрегированного показателя по методике сравнительной оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности предприятия и диагностики аппарата управления и его организационной структуры на основе количественно-качественного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Черезова Я.А. Диагностика эффективности аппарата управления предприятия и его организационной структуры на основе количественно-качественного подхода // Промышленное развитие России: проблемы, перспективы: Материалы V Международной научно-практической конференции преподавателей, ученых, специалистов, аспирантов, студентов: в 2 т. Том II. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2007.- с. 136-141.
2. Управление проектами. Учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации» / И. И. Мазур [и др.] ; под общ. ред. И. И. Мазура и В. Д. Шапиро. — 6-е изд., стер. — М.: Издательство «Омега-Л», 2010. — 960 с.
3. Том Питерс, Роберт Уотерман. В поисках совершенства: уроки самых успешных компаний Америки. In Search of Excellence. Lessons from America's Best-run Companies. Альпина Паблишер, 2014 г. 524 с.
4. Антикризисное управление. Учебник. - 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. Э.М. Короткова. - М.: ИНФРА-М, 2010. - 620 с.
5. Борисова Е. Как создать правильную организационную структуру / Е.Борисова // ПерсоналМикс. - 2008. - №1. С. 26-29.
6. Алпатов А.А. Управление реструктуризацией предприятий. - М.: Высшая школа приватизации и предпринимательства, 2005.
7. Guhan Subramanian. Corporate Governance 2.0 / Harvard business review.//Corporate Governance, Marth, 2015.
8. Самосудов М.В. Корпоративное управление: что оно может дать и что для этого надо делать // Акционерный вестник: комментарии. – 2006. - №2/29.
9. Сонин А. Корпоративное управление: мифы и реальность // Управление компанией. – 2005. - №12.
10. Brown, P., W. Beekes, P. Verhoeven. (2011). Corporate governance, accounting and finance: A review // Accounting and Finance 51, 96–172.
11. Bhagat, S., & Bolton, B. (2008). Corporate governance and firm performance. Journal of Corporate Finance, 14(3), 257-273.
12. Black, B., & Kim, W. (2012). The effect of board structure on firm value: A multiple identification strategies approach using korean data. Journal of Financial Economics, 104(1), 203-226.

13. Занин С.Г. Наемные работники. Подчинить и приручить. – Ростов: Феникс, 2013. – 237 с. (Серия: Психология бизнеса).

14. Лукичева Л.И. Управление персоналом. Учебное пособие. 6-е изд., испр.- Омега-Л, 2011.- 263 стр.

15. Стаут Л.У. Управление персоналом. Настольная книга менеджера./ Стаут Л.У., пер. с англ. – М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2006.- 536 с.

16. Евтихов О.В. Управление персоналом организации: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 297 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; Режим доступа <http://www.znaniium.com>]. – (Высшее образование: Бакалавриат).

17. Корпоративный менеджмент: учеб. пособие / Мазур И.И., Шапиро В.Д., Коротков Э.М., Ольдерогге Н.Г. – М.: Омега-Л, 2005. – 376 с. – (Современное бизнес-образование).

УДК 338.48(075.8)

ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО
ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

© 2016

Шабанова Людмила Борисовна, доктор экономических наук, профессор
*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)***Арбузова Мария Владиславовна**, старший преподаватель кафедры
«Гостиничный и туристический бизнес»*Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)*

Аннотация. По данным Всемирной туристской организации общие поступления от международного туризма в 2014 г. составили 1,5 триллионов долларов США. В мире 29% экспорта всех услуг и 6% экспорта товаров и услуг приходится на долю международного туристского рынка (в т.ч. путешествия и пассажирский транспорт) [33]. Известно, что по природному и историко-культурному туристическому потенциалу России принадлежит в мировом списке пятое место, а по уровню конкурентоспособности она находится лишь на 69-м (данные UNWTO). Причиной этой диспропорции являются низкое качество предоставляемых услуг, высокие цены и отсутствие за рубежом рекламной информации о состоянии туризма в нашей стране. В Татарстане туризм также является одним из направлений, определяющих перспективы его дальнейшего экономического, культурного и социального развития. Среднегодовая динамика роста турпотока внутри республики в последние годы составляла 12%. Татарстан стал лидером Приволжского федерального округа по количеству туристских прибытий [5]. Ведущие позиции Республики Татарстан среди других субъектов Приволжского федерального округа определяются туристским и рекреационным потенциалом высокого уровня, который обусловлен разнообразием природных туристских ресурсов; наличием уникальных объектов культурного наследия (включая два объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО); разнообразным этнографическим и конфессиональным составом населения; выгодным географическим (транспортным) положением; наличием современной туристской инфраструктуры. Несмотря на богатые природные ресурсы и уникальное наследие культуры Республики Татарстан, которые являются важнейшими и объективными предпосылками для развития регионального туризма, необходима объективная оценка их пространственного распределения. Для чего проведен анализ основных административно-территориальных единиц в границах муниципальных образований и в границах городов республики с целью определения их рейтинга, как важнейших точек дальнейшего экономического роста Республики Татарстан. К таким точкам относятся сельский туризм.

Ключевые слова: туристский рынок, сельский (деревенский) туризм, программно-целевой метод, туристский поток, государственное регулирование, нормативно-правовое обеспечение.

RESEARCH OF THE ACTUAL STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS
OF THE RURAL TOURISM IN TATARSTAN REPUBLIC

© 2016

Shabanova Lyudmila Borisovna, doctor of economical science, professor
*Kazan (Volga) Federal University, Kazan (Russia)***Arbuzova Mariya Vladislavovna**, assistant professor of the chair «Hotel and Tourist Business»
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Abstract. According to the World Tourist Organization, in 2014 the total income from international tourism reached US\$1.5 trillion. 29% of the global export of services and 6% of the export of goods and services belongs to the international tourist market (including trips and passenger transportation) [33]. It is known that Russia ranks fifth in the world by the natural and historical-cultural touristic potential, while by the competitiveness level it ranks only 69th (data by UNWTO). This disproportion is due to the low quality of the services rendered, high prices and lack of advertising information abroad about the tourism in our country. In Tatarstan tourism is also one of the sectors determining the prospects of its further economic, cultural and social development. The average annual dynamics of the tourist flow growth within the Republic was 12% in the recent years. Tatarstan became the leader of the Volga Federal District by the number of tourist arrivals [5]. The leading position of Tatarstan Republic among other subjects of the Volga Federal District are determined by the high-rank tourist and recreational potential, which is due to the variety of natural touristic resources; unique cultural venues (including two UNESCO World Heritage sites); diverse ethnographic and confessional composition of the population; advantageous geographic (transportation) position; availability of modern tourist infrastructure. In spite of the rich natural resources and unique cultural heritage of Tatarstan Republic, which are the most important and objective prerequisites of the regional tourism development, one should objectively evaluate their territorial distribution. For this purpose, we have analyzed the main administrative-territorial units within the municipal entities and the borders of cities and town of the Republic to define their ranking as the most important points for economic growth of Tatarstan. One of such points is rural tourism.

Keywords: tourist market, rural (village) tourism, program-target method, tourist flow, state regulation, normative-legal provision.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Являясь одним из перспективных направлений развития рынка туристской индустрии, сельский (деревенский) туризм включает в себя сочетание различных форм и видов отдыха. Сельский туризм интенсивно пропагандируется в зарубежных странах. В Европе сельский туризм обеспечивает порядка 20-30% дохода туристской отрасли. В таких странах Европы, как Греция, Португалия, Испания, Ирландия, Италия, Франция деятельность предпринимателей, занимающихся организацией сельского туризма, поддерживают на государственном уровне, и учитывают при разработке программ комплексного социального и экономического развития села (деревни).

Продвижением услуг сельского туризма на рынок занимаются специальные организации, самая значимая из которых «EUROGITES» (Европейская Федерация сельского зеленого туризма).

Известно, что у каждой страны своя специфика сельского туризма – различные виды и этапы становления национальных моделей, их базовые составляющие, а также формы государственной поддержки. Для Республики Татарстан наступил этап целенаправленного развития сельского туризма как составной части туристической республики. Он предполагает комплексное решение проблем и тесное взаимодействие всех участников туристского рынка – частного бизнеса, республиканских, региональных муниципальных органов государственного управления,

а также более активное привлечение внешних инвестиций и участие в международных проектах по развитию территорий (наднациональная поддержка, например, на уровне ЕС).

Понятия сущности и видов сельскохозяйственного отдыха, требуют четкой формулировки и уточнения в нормативно-правовом законодательстве нашей страны, которое должно разъяснить и четко разграничить виды сельскохозяйственного отдыха. Потому, что сельский туризм может включать в себя различные виды туризма: оздоровительный, экологический, этнографический, гастрономический и другие.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Сельский туризм является многогранным направлением развития туристской деятельности, исследованию которого посвящены труды многих специалистов. Так, проблемы разработки инновационных моделей развития сельского туризма и возможности их применения в России изложены в трудах Баландина Ю.С. [10], Муртаева А.В. [22], Полухиной А.Н., Лежнина В.В. [26]. Как форму развития сельских территорий сельский туризм рассматривают Волынцев Н.А. [15], Елагин В.И. [17], Еремин В.И., Морозова С.И. [18], Новиков В.Г., Жубаркин С.В. [23]. Зарубежный опыт развития сельского туризма обобщен в работах Адамеску А.А. [7], Бадалянц С.В. [9], Печерица Е.В., Шевченко М.И. и др. [25]. Состояние и основные направления развития туризма в сельской местности исследуются в трудах Здорова А.Б. [19], Белоусовой Е.В. [11], Вашурова М.В. [12], Волкова С.К. [14], Панюкова А.И., Панюковой А.И. [24], Уланова Д.А. [30]. Рекомендации по совершенствованию государственного и нормативно-правового регулирования представлены в работах Арсентьевой А.В., Гомилевской Г.А. [8], Веселогусовой М.В. [13], Крутикова В.К. [21], Поповой О.В. [27].

Анализ последних публикаций показал (Абрядина В.В., Здоров М.А. [6], Кузьмина Ю., Цывунин Е. [20], Якимова О.Ю., Брянин А.С. [31]), что эффективным инструментом развития туризма служит программно-целевой метод. Так, в Российской Федерации принята федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2011-2018 годы» [1]. В ряде субъектов (в т.ч. в Республике Татарстан) и муниципальных образований разработаны соответствующие программы. Целевые программы, связанные с развитием сельского туризма, реализуются в Алтайском крае, Пензенской, Белгородской, Самарской областях. Владимирская, Новгородская, Ивановская, Вологодская области являются лидерами в продвижении сельского (деревенского) туризма.

При разработке целевых программ все большее значение в становлении сельского туризма приобретают общественные и саморегулируемые организации и объединения, в том числе ассоциации, связанные с его продвижением. Деятельность таких организаций, как «Ассоциация развития агротуризма («АгроТуризмАссоциация»», «Ассоциация владельцев сельских усадеб (Республика Карелия)», связана с расширением числа учреждений, организаций, интересующихся развитием сельского туризма в субъектах нашей страны, с выявлением и установлением партнерских отношений с туристскими крестьянско-фермерскими хозяйствами. Ассоциацию сельскохозяйственных консультационных организаций (АСКОР) в Приволжском округе в Республике Татарстан представляет служба информационно-консультационного обслуживания Агропромышленного комплекса ГУП РТ «Республиканский информационно-вычислительный центр Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан».

В отличие от существующей в Европе политики поддержки отсталых районов (и восстановления конкурен-

тоспособности их аграрного сектора) развитие туризма в селах республики протекает путем диверсификации деятельности конкурентоспособных (прибыльных) организаций агропромышленного комплекса. В Республике Татарстан таковых большинство – 84,4% к общему числу по виду экономической деятельности «Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях» [34].

Несмотря на то, что вопросам оптимизации использования природных, этнографических, гастрономических и других туристских ресурсов в сельском туризме посвящено наибольшее число исследований (Ганьшина Г.В., Чаус Н.В. [16], Савченко И.М. [28], Самостроненко Г.М. [29], Яковенко Н.В. [32]), практически решение этой проблемы далеко до завершения. На разработку рекомендаций по использованию особенностей туристского потенциала Республики Татарстан и ее муниципальных районов для развития сельского туризма и направлено исследование, проведенное в статье.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Целями статьи являются: определить состояние и перспективы развития сельского туризма в Республике Татарстан; исследовать возможности применения зарубежного опыта в сельском туризме Республики Татарстан, а также в исследовании роли органов местного самоуправления в развитии потенциала сельского туризма в Татарстане и его муниципальных районах.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Ежегодный прирост потока туристов в Республику Татарстан равняется в среднем 12% [4]. Сложившийся в настоящий момент по Республике Татарстан уровень (доля) туристских услуг в совокупном объеме платных услуг на уровне 0,8% (что составляет 1602,3 млн. руб.) подтверждает недостаточное поступательное развитие рынка услуг туризма, в том числе и сегмента сельского туризма. В то время, как в большинстве стран Европы, сельский туризм занимает долю в 10-20% в общем объеме продаж туристских услуг. Для того, чтобы дать представление о состоянии рынка туристской и гостиничной индустрии в Республике Татарстан приведем динамику основных показателей его развития в таблицах 1, 2, 3. Это еще раз поможет представить, насколько незначительное место в настоящее время занимает сельский туризм в РТ.

Таблица 1 – Количество лиц, обслуженных коллективными средствами размещения (тыс. человек) [34]

Показатели	Годы									
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Количество лиц, обслуженных коллективными средствами размещения	638,2	732,4	896,6	741,4	989,7	1113,5	1238,8	1430,4	1569,9	1641,69

Тенденции роста объемов продаж туристских услуг представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Объем платных услуг населению по отдельным видам (млн. рублей) [34]

Показатели	Годы									
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Платные услуги – всего	54914,6	69612,2	93325,8	118482,3	132938,5	154128,4	176247,2	191119,6	212334,1	229759,7
в том числе по туризму, из них:	2082,1	2712,2	3718,8	4694,5	5310,9	5663,5	6488,9	7889,4	9066,8	10030,1
- туристские услуги	338,7	509,5	673,3	912,5	1137,2	1239,1	1509,1	1932,4	2313,4	2477,5
- услуги гостиниц и аналогичных средств размещения	716,6	945,4	1463,3	1798,1	1932,2	2261,4	2654,8	3376,3	3949,1	4607,5
- санаторно-оздоровительные услуги	1026,8	1257,3	1582,2	1983,9	2241,5	2163	2325	2580,7	2804,3	2945,1

Из данных таблиц видно, что положительная динамика экономических показателей, в Республике Татарстан становится более устойчивой, следовательно, растет привлекательность инвестиционного климата в индустрии туризма, развивается и совершенствуется туристская инфраструктура. Все это достигается благодаря целевой государственной политике органов власти.

Татарстан, являясь лидером в ПФО по ряду основ-

АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

ных показателей, отражающих состояние гостиничного и туристического рынка, а также наиболее развитым регионом в гостиничной сфере Поволжья, демонстрирует высокую конкурентоспособность, подкрепленную высоким спросом на гостиничные услуги (таблица 3).

Таблица 3 - Количество коллективных средств размещения, действующих на территории Республики Татарстан, по состоянию на 01.01.2015г. [34]

Показатели	Общее количество	Количество номеров	Количество мест
Количество коллективных средств размещения	350	14123	37356
Специализированные средства размещения (санаторно-курортные, базы отдыха и другие предприятия отдыха)	92	6361	18674

Необходимо отметить, что на г. Казань приходится более 80% номерного гостиничного фонда. Положительными тенденциями развития гостиничной индустрии в республике является не только количественное увеличение числа гостиниц и отелей, но и изменение качественной структуры номерного фонда. Речь идет об увеличении количества гостиниц среднего экономического класса и хостелов, а также экспансии мировых гостиничных цепей – «Ibis», «Park Inn», «Courtyard Marriott» и других.

Сельский туризм как сегмент туристского рынка республики до конца не сформировался – как по составу участников, видам услуг; емкости, (объемам) потребительского спроса, по уровню стандартов, так и в плане консолидации усилий профессиональных объединений. Кроме того, отсутствует соответствующая информационно-статистическая база по сельскому туризму. На наш взгляд, в Республике Татарстан остается недооцененным органами местного самоуправления, хозяйствующими субъектами и жителями потенциал сельского туризма как одного из перспективных сегментов рынка туристских услуг. Между тем, осознавая необходимость развития территории (пополнения местного бюджета, обеспечения занятости людей, развития инженерно-транспортной инфраструктуры), а также сохранения исторического и культурного наследия и этнической идентичности сельских территорий, деревенский туризм имеет практическую значимость не только для сельской местности, но и для поселков городского типа, небольших городов республики (прежде всего, без развитого промышленного сектора экономики). Поэтому необходимо обеспечить программно-целевой подход к решению наиболее актуальнейших задач в этой сфере.

Сельский туризм в Татарстане усиливает свои позиции, так, уже 18 муниципальных районов оказывают различные услуги сельского туризма. Определенные надежды по внедрению сельского туризма в некоторых отдельных муниципальных районах Республики Татарстан связаны с реализацией инвестиционных проектов. Перспективный проект, представляющий интерес не только для Республики Татарстан, но и для России реализуется в Камских Полянах – Туристско-оздоровительный парк «Камские Поляны», границы которого охватывают пять муниципальных районов республики, с центром в Камских Полянах.

Развитие сельского (деревенского) туризма необходимо рассматривать во взаимосвязи с перспективами развития бизнеса на селе в целом [35-40]. Расширение видов деятельности в сельском туризме при государственной поддержке позволит сформировать цивилизованный и конкурентоспособный рынок туристских услуг республики.

В сельских территориях Республики Татарстан проживает 25% населения. В долгосрочной целевой программе «Развитие сферы туризма в Республике Татарстан на 2013-2016 годы» в числе перспективных направлений «сельский туризм» упомянут, но не конкретизирован [5]. Данное направление, на наш взгляд, носит специфический характер и требует дополнительной предметной разработки в рамках отдельной подпрограммы. К числу первоочередных мероприятий на ближайшую перспективу (1-2 года), необходимых для

включения в подпрограмму, можно отнести проведение в муниципальных образованиях мониторинга по выявлению потенциальных участников рынка по направлению «сельский туризм».

Одним из путей дальнейшей реализации преимуществ сельского туризма является реализация в Республике Татарстан «Федеральной целевой программы по развитию сельского хозяйства в России» [3]. Комплекс мер по укреплению финансового положения малых форм хозяйствования на селе (в части Подпрограмма «Поддержка малых форм хозяйствования») должен быть реализован в рамках Государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 гг.» [2].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В настоящее время в развитии сельского туризма в Республике Татарстан остаются не решенными некоторые проблемы: отсутствие системы нормативно-правового обеспечения этого вида деятельности как основы государственной политики по сельскому туризму и республиканской подпрограммы по развитию сельского туризма (в т.ч. муниципальных программ).

Сельский туризм республики может сочетать в себе элементы, характерные итальянской, французской и британской моделям. Из итальянской модели для сельских территорий республики применимы акценты на экотуризм (отдых, здоровье), природу, спорт; из французской – уклон на гастрономию, национальную кухню (татарскую, русскую), традиции отдельных местных производств (производство мяса казылыка, бастурмы, кумыса, халяль-продукции, а также водок, хлеба, народных промыслов), комфортные условия проживания; из британской модели – верховая езда, общение с животными (лошади), погружение в уклад фермерской жизни.

Среди видов сельского туризма, на наш взгляд, наибольший интерес будут представлять направления, связанные с кулинарными, народными, культурными, религиозными традициями, а также событийными мероприятиями – «Кухни народов Республики Татарстан», «Ювелирное искусство Татарстана», праздники «Сабантуй», «Каравон», «Каз бэйрэм», «Каз омэсе», конные скачки, спортивные чемпионаты Европы и мира и т.д.).

Планируемые меры государственного регулирования в сфере развития сельского туризма, должны существенно повлиять на развитие туристской инфраструктуры в селах, продвижению национального туристского продукта на внутреннем и внешнем рынках, способствовать развитию предпринимательской активности в данной сфере. Реализация программы развития сельского туризма в российской провинции должна стать важной точкой роста экономического, социального, культурного и духовного развития сельского населения.

Татарстан – регион, активно позиционирующий в мировом социально-экономическом и информационном пространстве и обладающий необходимым потенциалом для того, чтобы в будущем занять собственную нишу на рынке сельского туризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Постановление Правительства РФ от 02.08.2011г. № 644 (ред. от 18.12.2014г.) «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 гг.)» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 34. – Ст. 4966. – 22 августа.
2. Распоряжение Правительства РФ от 09.09.2015г. № 1758-р «Об утверждении плана реализации на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 14.09.2015г.
3. Распоряжение Правительства РФ от 30 ноября

2010 г. № 2136-р «Об утверждении Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года» // «Собрание законодательства РФ». – 2010. – № 50. – Ст. 6748. – 13 декабря.

4. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 522 от 21.07.2014г. Государственная Программа «Развитие сферы туризма и гостеприимства в Республике Татарстан на 2014-2020гг». // «Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти». – 2014. – № 60. – Ст. 1833. – 12 августа.

5. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 72 от 05.02.2013г. «Об утверждении Долгосрочной целевой программы «Развитие сферы туризма в Республике Татарстан на 2013-2016гг» // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2013. – № 15. – Ст. 0531. – 22 февраля.

6. Абряндина В.В., Здоров М.А. Существующие подходы к разработке региональных программ развития туризма сельских территорий // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12-2(53-2). С. 358-361.

7. Адамеску А.А. Современные подходы к организации агротуризма в странах Центральной и Восточной Европы /А.А. Адамеску, В.Ю. Воскресенский // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 33. С. 67-71.

8. Арсентьева А.В., Гомилевская Г.А. Государственное регулирование сельского туризма // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 564.

9. Бадальянц С.В. Зарубежный опыт и отечественная практика развития сельского туризма // Образование и наука в современных условиях. 2015. № 3. С. 184-186.

10. Баландин Ю.С. Инновационные модели развития сельского туризма и возможности их применения в России /Ю.С. Баландин // Ваш сельский консультант. 2011. № 3. С. 20-22.

11. Белоусова Е.В. Состояние и перспективы развития сельского туризма в Российской Федерации /Е.В. Белоусова // Ваш сельский консультант. 2010. № 3. С. 5-7.

12. Вашуров М.В. Сельский туризм как фактор становления новой социально-экономической формации в сельской местности // Вестник Казанского государственного университета, 2014. Т.9, № 3(33). С. 17-21.

13. Веслогузова М.В. Основные направления государственного регулирования развития туризма в Республике Татарстан. // Материалы 3-й Всерос. электр. науч.-практ. конф. «Проблемы и перспективы развития социально-экономического потенциала российской регионов». Чебоксары. 15 апреля – 15 мая 2014 г. Чебоксары: ООО Издательский дом «Пегас», 2014. С. 149-153.

14. Волков С.К. Сельский туризм в РФ: тенденции и перспективы развития // Экономика, предпринимательство и право. 2012. № 6(17). С. 30-38.

15. Волинцева Н.А. Сельский туризм как форма развития сельских территорий / Н.А. Волинцева // Ваш сельский консультант. 2012. № 1. С. 32-33.

16. Ганьшина Г.В. Народные художественные промыслы как средство активизации событийного туризма в России /Г.В. Ганьшина, Н.В. Чаус // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. № 2. С. 76-86.

17. Елагин В.И. Агротуризм как одно из перспективных направлений развития сельских территорий Нижегородской области // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 7 (93). С. 85-89.

18. Еремин В.И. Морозова С.И. Развитие сельского и агротуризма в муниципальных образованиях // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2014. № 4. С. 84-85.

19. Здоров А.Б. Комплексное развитие туризма в сельской местности /А.Б. Здоров // Проблемы прогнозирования. 2009. № 4. С. 149-153.

20. Кузьмина Ю. Программное обеспечение развития

агротуризма /Ю.Кузьмина, Е. Цывунин // АПК: экономика, управление. 2010. № 8. С. 35-37.

21. Крутиков В.К. Разработка и реализация механизма государственной поддержки сельского туризма в регионе (на опыте Калужской области) / В.К. Крутиков // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 22(205). С. 23-26.

22. Муртаева А.В. Сельский туризм как альтернативная форма хозяйствования в сфере сельского хозяйства // Актуальные вопросы экономических наук. 2012. № 25-2. С. 179-184.

23. Новиков В.Г., Жубаркин С.В. Аграрный туризм как фактор территориального развития и диверсификации сельской экономики // АПК: Экономика и управление. 2013. № 10(октябрь), С. 75-81.

24. Панюков А.И., Панюкова А.И. Агротуризм: современное состояние и перспективы развития // Известия Московского государственного технического университета МАМИ, 2013. Т.2. № 4. С. 92-99.

25. Печерица Е.В., Шевченко М.И. Мировой опыт развития агротуризма // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 41 (182). С. 44-53.

26. Полухина А.Н., Лежнин В.В. Инновационные методы развития региона: сельский туризм // Экономические науки. 2015. № 4(125). С. 117-121.

27. Попова О.В. Правовое регулирование агротуризма (сельского туризма) // Аграрное и земельное право. 2015. № 1(121). С. 64-69.

28. Савченко И.М. Этнографический туризм – одна из перспективных форм туризма на Алтае /И.М. Савченко // Проблемы региональной экологии. 2012. № 3. С. 75-79.

29. Самостроенко Г.М. Развитие туризма в регионе на основе использования потенциала народных промыслов /Г.М. Самостроенко // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 1(232). С. 19-23.

30. Уланов Д. А. Туризм на сельских территориях: опыт, проблемы, перспективы [Текст] / Д. А. Уланов // Молодой ученый. 2013. №6. С. 455-459.

31. Якимов О.Ю., Брянин А.С. Оценка эффективности реализации целевых программ в республике Мордовия // Вестник МарГТУ. Серия: Экономика и управление. 2012. № 1. С. 59-70.

32. Яковенко Н.В. Сельские гостевые дома как перспективное направление развития агротуризма в Ивановской области // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т.9. № 3. С. 83-90.

33. Сетевое издание «Интерфакс». URL: <http://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/26737/>

34. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: URL: www.gks.ru.

35. Марченко О.А. Формирование инновационных туристических кластеров как конкурентного преимущества регионального развития туризма // Карельский научный журнал. 2015. № 1 (10). С. 134-136.

36. Марченко О.А. Региональные аспекты функционирования сельского туризма в Украине // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 183-185.

37. Любонько Т.В. факторы развития сельского туризма // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 1 (10). С. 85-88.

38. Зиганшин И.И., Овчаров А.О., Рысаева М.А. Влияние экономических санкций на развитие российского туризма // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 17-25.

39. Марченко О.А. Социально-экономические основы регионального развития сельского туризма в Украине // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 150-153.

40. Якунин В.Н. Современное состояние, проблемы и перспективы развития религиозного туризма в Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 1. С. 124-126.

УДК 334.012.42

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2016

Швец Юрий Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Организационно-экономических инноваций»*Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва (Россия)*

Аннотация. В статье обоснована гипотеза о многовекторности развития институциональной среды здравоохранения Российской Федерации. Функционирование лечебных учреждений, взаимодействие спроса и предложения на рынке медицинских услуг, мотивационные рычаги к оказанию качественной медицинской помощи определяются в системе векторов взаимодействия основных факторов и механизмов здравоохранения. В свою очередь, механизмы и действия в отрасли здравоохранения детерминируются «правилами игры» на рынке медицинских услуг, т.е. существующей институциональной средой. Деятельность лечебных учреждений в рамках задач непрерывного улучшения качества медицинской помощи и повышения ее доступности определяет необходимость разработки вопросов эффективного функционирования институциональной среды здравоохранения. Процессы и стратегии, влияющие на здоровье отдельных людей, включают не только те, которые относятся непосредственно к здравоохранению, но и социальные, фискальные (налогово-бюджетные), торговые и экологические стратегии государства. Разработан механизм взаимодействия векторов развития институциональной среды здравоохранения РФ. Выделены финансовые потоки разных стоимостных порядков, обеспечивающие качество предоставляемой медицинской помощи. Выявлена взаимосвязь между финансовыми потоками в системе обеспечения качества медицинской помощи.

Ключевые слова: институты, страхование, частная медицина, механизм, здравоохранение, инструменты, векторы развития, финансовые потоки, качество медицинской помощи, финансирование медицинской помощи, структурирование медицинской помощи.

INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF THE HEALTH SYSTEM'S
OF RUSSIAN FEDERATION

© 2016

Shvets Yuriy Yurievich, candidate of economical science, associate professor
of the department "Organizational and economic innovation"*Russian Economic University of G.V. Plekhanov, Moscow (Russia)*

Annotation. The article substantiates the hypothesis of multi-vector development of the institutional environment of Health of the Russian Federation. The operation of medical institutions, the interaction of supply and demand on the market of medical services, motivational leverage to provide quality health care are defined in the vectors of interaction of key factors and mechanisms of health care. In turn, the mechanisms and actions are determined by the health care industry "rules of the game" in the market of medical services, and the current institutional environment. Activity of patient care institutions in the objectives of continuous improvement of quality of care and increase its availability determines the need for effective functioning of the issues of the institutional environment of health care. Processes and policies that affect the health of individuals include not only those directly related to health care, but also the social, fiscal (fiscal), trade and environmental policies of the state. The mechanism of interaction between the vectors of the institutional environment of Health. Allocate financial flows of various cost orders to ensure the quality of care provided. The correlation between the financial flows in the system to ensure quality of care.

Keywords: institutions, insurance, private medicine, mechanism, health, tools, vectors of development, financial flows, quality of care, health care financing, structuring of care.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Возрастающие запросы к системе здравоохранения актуализируют поиск путей ее оптимизации или выхода на новый уровень развития. Функционирование лечебных учреждений, взаимодействие спроса и предложения на рынке медицинских услуг, мотивационные рычаги к оказанию качественной медицинской помощи определяются в системе векторов взаимодействия основных факторов и механизмов здравоохранения. В свою очередь, механизмы и действия в отрасли здравоохранения детерминируются «правилами игры» на рынке медицинских услуг, т.е. существующей институциональной средой. Деятельность лечебных учреждений в рамках задач непрерывного улучшения качества медицинской помощи и повышения ее доступности определяет необходимость разработки вопросов эффективного функционирования институциональной среды здравоохранения.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Необходимость институциональных преобразований системы здравоохранения России как условие формирования ее конкурентных преимуществ обоснована в статье Батиевской В.Б. [6]. Особенности институциональной среды здравоохранения (информационная асимметрия, неопределен-

ность возникновения спроса, локальный монополизм производителей медицинских услуг, ограничение в доступе на рынок новых поставщиков) исследованы в работе А.И. Винокуровой [3]. Система здравоохранения как социальный институт рассмотрена в диссертации Гареевой И.А. [4]. Социально-экономические основы и механизмы институциональных преобразований здравоохранения в современной России разработаны в исследованиях Пиддэ А.Л. [5]. Институциональные ограничения модернизации российского здравоохранения выделены в работе Дигилиной О.Б и Тесленко И.Б. [8].

Но в этих работах не представлен целостный механизм взаимодействий факторов в институциональной среде здравоохранения Российской Федерации, в частности основные векторы взаимовлияний в ее развитии.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью статьи является обоснование гипотезы о многовекторности развития институциональной среды здравоохранения Российской Федерации.

В рамках цели выделены такие основные задачи исследования:

- структурирование основных элементов институциональной среды здравоохранения Российской Федерации;
- определение векторов взаимовлияний в развитии институциональной среды здравоохранения Российской Федерации;
- разработка механизма взаимодействия векторов

развития институциональной среды здравоохранения РФ [11];

- выявление взаимосвязи между финансовыми потоками в системе обеспечения качества медицинской помощи.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Процессы и стратегии, влияющие на здоровье отдельных людей, включают не только те, которые относятся непосредственно к здравоохранению, но и социальные, фискальные (налогово-бюджетные), торговые и экологические стратегии государства. Принятые стратегии реализуются на всех уровнях, как в рамках формальных государственных секторов, так и через общественные движения [5].

Необходимым условием обеспечения достаточного уровня согласованности, масштабности и интенсивности действий, способных выровнять проблему социального градиента здоровья, является согласованный, многоуровневый подход в процессе разработки, осуществления и оценки политики в сфере здравоохранения.

Вариабельность применения и эффективности межсекторального взаимодействия отражает дефицит знаний и человеческих ресурсов, а также фрагментацию институциональных механизмов в здравоохранении, которые имеют решающее значение для эффективной организации профилактики заболеваемости и оказания медицинской помощи в обществе.

Базовая инфраструктура для предоставления услуг здравоохранения на национальном, региональном и местном уровнях существует во всех странах [16]. Отличие заключается в распределении ответственности между уровнями данной инфраструктуры.

Институциональная модель в сфере здравоохранения включает организацию, финансирование, управление выполнением основных оперативных функций здравоохранения, охватывая как государственный, так и частный сектор, различные уровни управления и участников, как в рамках системы здравоохранения, так и вне ее [1].

Основными параметрами осуществления основных оперативных функций здравоохранения для различных институциональных моделей является оперативный учет потребностей, запросов населения и реагирования, результативность, эффективность, устойчивость, интеграция, финансирование [19].

На устойчивость институциональных моделей в области общественного здравоохранения влияют также партнерства и коалиции в данной сфере, а также согласование организационных стратегий.

Выделяют три ключевые аспекты институциональных моделей в секторе здравоохранения: характер организации услуг и мероприятий общественного здравоохранения, действующие механизмы финансирования мероприятий здравоохранения и структуру управления здравоохранением в обществе.

РФ имеет разветвленную инфраструктуру системы общественного здравоохранения, созданную Н.Семашко в СССР. В 1993 г. была проведена реформа финансирования здравоохранения, предполагающая создание системы обязательного медицинского страхования (ОМС) [5]. Сегодня система здравоохранения РФ отличается высокой степенью централизации и преимущественной ориентацией на общедоступность базовых медицинских услуг. Деятельность системы общественного здравоохранения РФ регулируют такие организации, как Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации, федеральные службы Роспотребнадзор и Росздравнадзор, а также Федеральное медико-биологическое агентство России (ФМБА) и Федеральный фонд ОМС (ФФОМС). Помимо системы общественного здравоохранения, управляемой Минздравсоцразвития России, имеются «параллельные» системы предоставления медицинских услуг сетью министерских поликлиник, больниц, санаториев и государ-

ственных медицинских учреждений. Данные функции распределены между основными участниками процесса: на федеральном уровне – Минздравсоцразвития России и подведомственные организации, на уровне субъектов РФ – региональные и местные власти, ФФОМС, территориальные фонды ОМС, частные страховые медицинские организации (СМО), осуществляющие ОМС и ДМС [16]. В сферу ответственности Минздравсоцразвития России входит стратегическое планирование сектора здравоохранения, хотя были предприняты попытки перехода от планирования по ресурсам к планированию по конечным результатам. «Бюджетирование по результатам» применяется только на стадии планирования бюджета по РФ.

Особенность финансирования системы здравоохранения РФ состоит в том, что оно практически в равной мере складывается из обязательных источников (средства, получаемые от общего налогообложения и взносов в фонды ОМС) и личных платежей граждан (табл. 1).

Таблица 1 – Расходы на здравоохранение в РФ, 2008-2013 гг. (составлено по данным ВОЗ [20])

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Общие расходы на здравоохранение, % к ВВП	6	8	7	7	7	7
Доля государственных расходов в общих расходах на здравоохранение, %	55	55	53	54	51	48
Доля частных расходов в общих расходах на здравоохранение, %	45	45	47	46	49	52
Доля частных страховых платежей в частных расходах на здравоохранение, %	5	5	4	4	4	4

Источник: 17

Медицинская помощь финансируется: базовой программой ОМС и ассигнованиями соответствующих бюджетов. Базовая программа ОМС включает предоставление населению базовой медицинской помощи, а оказание специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи, лекарственное обеспечение льготных контингентов населения при амбулаторном лечении и скорая медицинская помощь осуществляются из средств бюджетов

Двумя главными обязательными источниками финансирования системы здравоохранения РФ выступают средства бюджета и страховые взносы работодателей на ОМС, в виде фиксированной доли единого социального налога.

Фонды ОМС собирают страховые взносы и перераспределяют их СМО с учетом подушевой взвешенной формулы. Однако механизмы фактического получения организациями средств за приобретенные медицинские услуги существенно варьируется. СМО заключают с медицинскими учреждениями договоры и оплачивают их услуги по законченному случаю, что создает стимулы для повышения эффективности их деятельности. Финансирование медицинских учреждений также осуществляется из средств региональных и местных бюджетов напрямую, так как учреждения подведомственны органам власти соответствующего уровня [7]. Таким образом, действия медицинских учреждений во многом контролируются через структуры вертикального управления системой на региональном и местном уровнях.

Мы выделяем такие векторы институциональной среды РФ:

- развитие института страховой медицины. Цепочка взаимовлияний: потребитель медицинских услуг – провайдер медицинских услуг – лечебное учреждение;
- становление системы обеспечения качества медицинской помощи. Цепочка взаимовлияний: рекомендации ВОЗ – Министерство здравоохранения – стандарты медицинской помощи – лечебное учреждение – провайдер медицинских услуг – потребитель;
- формирование института семейной медицины. Цепочка взаимовлияний: потребитель медицинских услуг – врач общей практики – семейной медицины;
- ориентация на первичное звено здравоохранения. Цепочка взаимовлияний: потоки финансирования – врач

общей практики – семейной медицины – потребитель медицинских услуг.

Механизм взаимодействия в рамках основных векторов развития институциональной среды здравоохранения РФ представлен на рис.1.

Рамочные условия взаимодействий в институциональной среде здравоохранения формирует Министерство здравоохранения, опираясь на рекомендации ВОЗ, создавая стандарты медицинской помощи [7]. В свою очередь, последние определяют акценты в векторе качества предоставления медицинской помощи.

Кроме этого, институт качества медицинской помощи создает стандарт предоставления медицинских услуг в системе здравоохранения РФ, формирует финансовые потоки разных стоимостных порядков, а именно:

- финансовые потоки первого порядка – создаются в первичном звене здравоохранения. Предусматривают незначительный объем финансирования, направленный в основном на профилактическую помощь;

- финансовые потоки второго порядка – создаются на вторичном и третичном уровнях. Характеризуются значительным объемом, диверсифицированностью объекта оплат, превалированием доли заработной платы в общей совокупности потока денежных средств [14];

- финансовые потоки третьего порядка – создаются на государственном уровне. Являются основой Программ, направленных на достижение нового уровня качества в предоставлении медицинской помощи.

Рисунок 1 – Механизм взаимодействия векторов развития институциональной среды здравоохранения РФ
Источник: составлено автором на основе [21, 14].

Потребитель медицинской помощи, провайдер медицинских услуг, лечебное учреждение, как основные факторы, функционируют на базисе, создаваемом рамочными условиями взаимодействий.

Регулирующим механизмом институциональной среды здравоохранения выступают финансовые потоки [9]. Они детерминируют качество и количество предоставляемой медицинской помощи. Институт страховой медицины определяет часть элементов данного регулирующего механизма, в частности, компенсаторную процедуру стоимости лечения. Страховые компании, являясь независимым звеном в цепочке медицинского страхования, накапливают финансовые средства клиентов, должны осуществлять контроль над их эффективным расходованием и качеством предоставляемой застрахованным медицинской помощи.

Большинство медицинских учреждений системы ОМС являются «ленивой монополией», т.е. организацией, которая вместо улучшения качества услуг предпочитает терять тех потребителей, которые им недовольны. Существование ограниченной конкуренции приводит к возможности «выхода» для недовольных потребителей, вследствие чего снижается давление на организацию [7]. В результате медицинское учреждение, не неся никаких финансовых потерь из-за «выхода» потребителей и не получая обратной связи от недовольных посредством выражения «мнения», не приобретает стимулов для повышения эффективности и качества работы [23].

Развитие вектора «Институт семейной медицины» характеризуется такими данными (табл. 2).

Данные табл. 2 свидетельствуют о неравномерном развитии института семейной медицины в городских поселениях и сельской местности. Согласно «Проекту глобальной стратегии для развития кадровых ресурсов АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

здравоохранения: трудовые ресурсы 2030» ВОЗ: финансирование систем здравоохранения – путь к всеобщему охвату, от 20% до 40% расходов здравоохранения могут использоваться нерационально, причем значительную часть этой цифры составляют неэффективность и слабость управления кадровыми ресурсами здравоохранения. Обновленные фактические данные, использованные для проекта глобальной стратегии, продолжают свидетельствовать о том, что руководство и управление кадрами здравоохранения, включая усиление институционального потенциала, являются важными для эффективного использования ресурсов и реализации национальных приоритетов в отношении кадров здравоохранения, особенно в первичном звене.

Таблица 2 – Показатели первичного звена здравоохранения РФ, 2005-2014 гг.

Показатель	2005	2010	2011	2012	2013	2014	Среднее значение, 2010-2014 гг.
Число амбулаторно-поликлинических организаций (самостоятельных и входящих в состав др. организаций)	21783	15732	16262	16537	16461	17016	16402
Темп роста, %		72,22	103,37	101,69	99,54	103,37	
в т.ч.							
в городских поселениях, %	65,6	81,1	81,6	82,1	83,4	82,5	
Темп роста, %		123,63	100,62	100,61	101,58	98,92	
в сельской местности, %	34,4	18,9	18,4	17,9	16,6	17,5	
Темп роста, %		54,94	97,35	97,28	92,74	105,42	
Число врачей общей практики-семейной медицины, тыс.чел.	-	9,9	10,2	10,3	10,1	10,2	

Источник: 17

В проекте глобальной стратегии признается, что эффективное межсекторальное руководство в этой области требует политического участия и подотчетности на самых высоких уровнях правительства. Технические и управленческие возможности, в свою очередь, необходимы для эффективного осуществления принятых решений [12].

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. Три ключевые аспекты институциональных моделей в секторе здравоохранения: характер организации услуг и мероприятий общественного здравоохранения, действующие механизмы финансирования мероприятий здравоохранения и структуру управления здравоохранением в обществе определяют эффективность здравоохранения. Направления развития институциональной среды, ее векторная платформа определяют приоритеты в системе здравоохранения. В первую очередь, среднесрочные и долгосрочные. Векторы институциональной среды РФ являются: развитие института страховой медицины, становление системы обеспечения качества медицинской помощи, формирование института семейной медицины, ориентация на первичное звено здравоохранения. Регулирующим механизмом институциональной среды здравоохранения выступают финансовые потоки. Институт качества медицинской помощи создает стандарт предоставления медицинских услуг в системе здравоохранения РФ, формирует финансовые потоки разных стоимостных порядков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
2. Венедиктов Д.Д. Очерки системной теории и стратегии здравоохранения. М, 2008. 335 с.
3. Винокурова А.М. Особенности институциональной среды здравоохранения // Известия ИГЭА. 2013. № 3. С.61-64.
4. Гареева И.А. Социальная трансформация системы здравоохранения в современных условиях (социологический анализ на примере Хабаровского края) / Диссертация на соискание ст.доктора соц.наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные

институты и процессы. Хабаровск, 2014. 370 с.

5. Пиддэ А.Л. Социально-экономические основы и механизмы институциональных преобразований здравоохранения в современной России / Автореферат на соискание ст. д.э.н. по спец. 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством. М., 2003. 45 с.

6. Батиевская В.Б. Необходимость институциональных преобразований системы здравоохранения России как условие формирования ее конкурентных преимуществ // Вестник ИГУЭУ. 2013. № 1. С. 192-201.

7. Угольников В.В. Организационно-экономический механизм развития высокотехнологической медицинской помощи / Диссертация на соискание ст. к.э.н. по специальности 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством. Санкт-Петербург, 2014. 182 с.

8. Дигилина О.Б., Тесленко И.Б. Институциональная среда и институциональные ограничения модернизации российского здравоохранения // Социальные аспекты здоровья. 2008. № 3. Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/81/30/>.

9. Таова С.Н. Императивы институциональных преобразований в здравоохранении // Проблемы современной экономики. 2014. № 3. С.305-308.

10. Европейский план действий по укреплению потенциала и услуг общественного здравоохранения. Мальта: ВОЗ, Европейское региональное бюро. 2012. 52 с.

11. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Д.Норт, [пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана]. М.: Изд. дом Гос. ун-та. Высшей школы экономики, 2010. 256 с.

12. Предварительный второй доклад о социальных детерминантах и различиях в состоянии здоровья населения. Баку: ВОЗ, Европейское региональное бюро. 2011. – 94 с.

13. Предварительный обзор институциональных моделей выполнения основных оперативных функций общественного здравоохранения в Европе. Копенгаген: ВОЗ, Европейское региональное бюро, 2012. 45 с.

14. Тихомиров А.В. Трансформация публичных институтов в здравоохранении //Главный врач: хозяйство и право. 2009. № 5. С.24-31.

15. Bloomberg: Рейтинг стран мира по эффективности систем здравоохранения в 2014 году. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2014/09/22/6887>.

16. Банан С.А. Здравоохранение: вопросы финансирования и пути решения // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3 (19). С. 112-117

17. Статистический сборник: здравоохранение России 2015. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919134734.

18. Popovich L, Potapchik E, Shishkin S, Richardson E, Vacroux A, Mathivet B. Russian Federation: Health system review. Health Systems in Transition, 2011. № 13(7). 190 p.

19. Системы здравоохранения. Проект глобальной стратегии для развития кадровых ресурсов здравоохранения: трудовые ресурсы 2030 / ВОЗ. 2015. Режим доступа: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB138/B138_36-ru.pdf

20. Health in 2015: from MDGs, Millennium Development Goals to SDGs, Sustainable Development Goals. World Health Organization. 2015. 215 p. Режим доступа: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/200009/1/9789241565110_eng.pdf?ua=1.

21. Health workforce 2030: towards a global strategy on human resources for health. Geneva: World Health Organization; 2015.

22. Глобальная стратегия предоставления комплексных медицинских услуг, ориентированных на нужды людей и Глобальная стратегия в области кадровых ресурсов здравоохранения Вильнюс, Литва, 14–17 сентября 2015/Европейский региональный комитет ВОЗ. Режим доступа: <http://www.euro.who.int/data/assets/>

pdf_file/0008/287513/65id05r_IPCHS_HRH_150682.pdf?ua=1

23. Склад Т.М. Деятельность медицинских учреждений в российской системе здравоохранения // Вестник СПбГУ. 2007. № 4. С. 139-156.

УДК 330

**ВЛИЯНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО, СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО И ВРЕМЕННОГО
ФАКТОРОВ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА:
«ТРИАДА ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

© 2016

Щербаков Геннадий Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Системный анализ и моделирование экономических процессов»
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва (Россия)

Аннотация. В настоящее время является очевидным, что внедрение инноваций и превращение науки в непосредственную производительную силу открывает национальным экономикам широкие возможности для обретения передовых позиций в глобальном разделении труда. Теперь лидерство в мировой системе хозяйствования определяется не столько наличием ресурсов и мощностью производственного аппарата, сколько новизной и эффективностью технологий, сопряженных в процессе материального воспроизводства. Инновационная тематика находится на пике научного интереса. Инновациям посвящено множество работ, в которых, однако, зачастую доказывается то, что, в принципе, не может быть подвергнуто сомнению. Трудно оспорить, что технологическое обновление и лидерство в инновационных сферах является благом для любой национальной экономики. Научную ценность исследования в области инноваций приобретают лишь в случае способности авторов описать инновационные возможности конкретной национальной экономики с учетом имеющихся ограничений по располагаемым ресурсам; определить набор базисных нововведений, которые способна освоить отдельно взятая национальная экономика; установить оптимальный период запуска инновационных процессов, когда хозяйственная система наиболее восприимчива к качественным изменениям. Именно в проекции базовых факторов «триады инновационной деятельности» (пространственного, содержательного и временного) изучение инноваций получает не только теоретическую ценность, но и практическое значение. Исследованию влияющих факторов инновационной деятельности, ее зависимости от долгосрочной динамики экономического развития, роли государства в инновационном процессе посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: экономическое развитие, инновационная экономика, национальная инновационная система, инновационная деятельность, инновации, долгосрочный экономический цикл, циклические закономерности, экономическая политика, системный экономический кризис.

**INFLUENCE OF SPATIAL, SUBSTANTIAL AND TIME FACTORS ON THE EFFICIENCY
OF THE INNOVATION PROCESS: «THE TRIAD OF INNOVATION»**

© 2016

Shcherbakov Gennady Anatolyevich, candidate of economical science, associate professor of the chair
“System Analysis and Economic Process Modelling”
Financial University under the Government of Russia

Abstract. Now it is obvious that innovation and transformation of science into a direct productive force give national economies more opportunities to gain leading positions in the global division of labor. Now the leadership in the global economic system is determined not by the availability of resources and productive facilities power, but the novelty and efficiency of technologies combined in the process of material reproduction. Today innovative subject is at the peak of scientific interest. Innovations have been widely discussed in many works that, however, often prove the fact that, in principle, can't be doubted. It is difficult to argue that technological innovation and leadership in innovation is good for any national economy. Researches in the field of innovation gain the scientific value only if the authors are able to describe innovative features of a particular national economy taking into account existing constraints in terms of available resources; to define a set of basic innovations that are able to develop a national economy; to establish the optimal launch phase period of innovative processes, when the economic system is most susceptible to qualitative changes. Only in the projection of basic factors of the “triad of innovative activity” (spatial, substantial and time factors) the study of innovation receives not only theoretical value but also practical. This article is devoted to the study of factors influencing innovation, its dependence on long-term dynamics of economic development, the state's role in the innovation process.

Keywords: economic development, innovation economy, national innovation system, innovation, innovation, long-term economic cycle, cyclic patterns, economic policy, system economic crisis.

От базовых инноваций к новому укладу жизни. Экономическое развитие во времени имеет не линейный, а циклический характер, включающий различные колебания хозяйственной активности, отличающиеся как по видам экономической деятельности (аграрный сектор, промышленность, сфера обращения и пр.), так и по продолжительности (кратко-, средне- и долгосрочные колебания). При этом, если за основу исследования брать периоды доминирования определенной совокупности технологий, составляющих инновационно-технологическую парадигму общественного развития, то экономическая история распадается на несколько долгосрочных этапов (инновационных волн), развивающихся также в циклическом формате и, в целом, совпадающих с «кондратьевскими» циклами [см.: 1; 2; 3]. Отдельное направление экономической теории рассматривает указанную динамику как следствие научного прогресса, проявляющегося в виде революционных, технологических «прорывов» (изобретений и открытий) и сопрягающегося в процессе своей имплементации в реальную экономику с управленческими и организационными

нововведениями. В совокупности указанные изменения называются базовыми инновациями, представляющими собой «феномен глобальной значимости, означающий переход общества к новому, качественно более высокому укладу жизни» [4, С. 15]. В результате синергетического воздействия указанных нововведений появляются новые способы и разновидности производства, кардинально меняется структура капитальных вложений, формируются новые виды рыночного поведения субъектов хозяйственной деятельности [подробнее: 4, С. 15-28; 5, С. 141-162; 6, С. 148-165].

Еще в начале XX века Й. Шумпетер определил понятие «инновация» как новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, мотивированную предпринимательским духом. Под осуществлением «новых комбинаций» основоположник инновационной теории понимал: 1) создание нового, ранее не известного потребителям блага или достижение нового качества указанного блага; 2) внедрение нового производственного метода, появление которого не обязательно связано с научным открытием, а может даже заключаться в дру-

гом виде коммерческого использования товара; 3) выход на новый рынок сбыта, где отрасль промышленности еще не была представлена, вне зависимости, существовал ли он ранее; 4) получение нового источника сырья или полуфабрикатов, независимо, существовал ли он ранее, или считался недоступным, или не принимался во внимание; 5) проведение необходимой реорганизации, например, достижение монопольного положения, а также подрыв аналогичного положения на рынке другого предприятия [7, С. 159; 8, С. 11].

Последователи инновационной теории существенно расширили вышеуказанное понимание инноваций, дополнив его нововведениями в области технологии, техники, организации труда и управления, базирующимися на использовании передового опыта и достижений науки (Б. А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский [9, С. 36]), запуском в производство нового продукта, внедрением нового производственного метода или применением нового вида организации бизнеса, предприятия (К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю [10, С. 391]), которые воспринимаются потребителем как принципиально новые или обладающие определенными уникальными свойствами (Ф. Котлер [11, С. 589]). Ю. В. Яковец подразумевает под инновацией внесение в различные виды деятельности человека новых элементов (способов, видов), улучшающих результативность такой деятельности [12, С. 9]. Исключительно прагматичный подход демонстрирует Б. Твисс, рассматривающий инновацию в качестве процесса, в котором идея или изобретение получает экономическое содержание [13]. Созвучную по содержанию трактовку дает А. А. Акаев, называющий инновацию знанием, воплощенным в коммерческий продукт [5]. Таким образом, под инновацией подразумевается объект, не только запущенный в производство, но и эффективно внедренный в рынок и приносящий прибыль [14, С. 86-87].

В настоящее время является очевидным, что внедрение инноваций и превращение науки в непосредственную производительную силу открывает национальным экономикам широкие возможности для обретения передовых позиций в глобальном разделении труда. Теперь лидерство в мировой системе хозяйствования определяется не столько наличием ресурсов и мощью производственного аппарата, сколько новизной и эффективностью технологий, сопряженных в процессе материального воспроизводства.

«Триада инновационной деятельности». Инновационная тематика находится на пике научного интереса. Позитивная взаимосвязь технологического обновления и экономического развития была доказана многими исследователями в рамках моделей роста с экзогенным влиянием факторов технического прогресса [15, С. 316]. Инновациям посвящены работы, вошедшие в список классических произведений мировой экономической мысли [напр.: 16; 17; 18; 19]. Однако имеется множество публикаций, в которых, однако, нередко описывается то, что, в принципе, не предполагает двойственного толкования. Трудно не согласиться, что технологическое обновление и лидерство в инновационных сферах - это благо для любой национальной экономики. По этой причине переписывание призывов о необходимости строить инновационную экономику не несет существенной теоретической и тем более практической пользы.

Научную ценность исследования в области инноваций приобретают лишь в случае способности авторов представить обоснованное видение проблемы в проекции трех ее базовых факторов («триады инновационной деятельности»): 1) пространственного - описания инновационных возможностей конкретной национальной экономики с учетом имеющихся ограничений по располагаемым ресурсам; 2) содержательного (качественного) - определения направления «инновационного прорыва», набора базисных нововведений, которые способна освоить отдельно взятая национальная экономика; 3) временного - выбора оптимального периода запуска ин-

новационных процессов, когда хозяйственная система наиболее восприимчива к качественным изменениям.

1. *Пространственный фактор инновационной деятельности.* В глобальном процессе экономического развития в национальных экономиках возникают собственные инновационные системы. Они формируются под воздействием ряда исключительных для каждого национального хозяйства особенностей, выступающих устойчивыми детерминантами скорости и направления развития инновационной деятельности (размеры страны; географическое положение; природные и пр. ресурсы; климат; исторические, культурные, политические, институциональные особенности и др.) [20, С. 211]. Указанные особенности формируют пространственный фактор инновационной активности. Степень организованности национальных инновационных систем, амбициозности выполняемых задач (при условии правильного целеполагания) задает направление и темпы экономического развития того или иного государства, а в перспективе определяет его положение в мировом экономическом порядке. Однако амбициозность выдвигаемых задач должна базироваться на реально существующих финансовых, людских, научных и пр. ресурсах национального хозяйства.

2. *Содержательный (качественный) фактор инновационной деятельности.* Кластер базисных инноваций, внедряемых в экономику в качестве нововведений, определяющих параметры будущего долгосрочного цикла, составляет содержание инновационной политики государства, зачастую называемой «стратегией инновационного прорыва». Правильность первоначального отбора базисных технологий играет исключительное, определяющее значение для успешности последующего инновационного развития. Просчеты, недостаточная осмотрительность при первоначальном выборе направлений инновационного прорыва несет в себе риски негативных последствий.

В соответствии с принятой периодизацией современный экономический процесс развивается в пределах 5-го долгосрочного цикла, ядровыми инновациями которого стали достижения в области микроэлектроники, информатики и биотехнологий. Указанный период ознаменован активным внедрением средств компьютерной обработки данных, созданием глобальных коммуникационных сетей, стремительным развитием интернет-технологий.

Одновременно с начала 1990-х годов в недрах действующего цикла формируются параметры нового 6-го технологического уклада, складывается новая парадигма мирового экономического роста, основанная на углублении социальной направленности передовых технологий. На этом этапе повышение материального благополучия постепенно теряет свою исключительность, уступая место вопросам безопасности, охраны здоровья, обеспечения качества среды проживания, доступности культурных ценностей, творческой и интеллектуальной самореализации личности. Общественное богатство все более ассоциируется не с материальными условиями воспроизводства, а со знаниями и информацией, составляющими в настоящее время наиболее дорогостоящий ресурс общественного производства. К ключевым направлениям нового этапа экономического развития относятся: нанотехнологии, наноэлектроника, микроэлектроника, фотоника, биоинформатика, протеомика, геномика, КАИС-технологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети, мультимедийные системы, интегрированные высокоскоростные транспортные системы, компьютерное образование, формирование сетевых бизнес-сообществ.

Японский исследователь М. Хироока, изучив траектории разработки и развития данных инноваций, определил, что указанные технологические новации находятся в преддверии внедрения в рынок. На самом деле, мультимедийные устройства уже активно применяются

во всех областях жизни, и в настоящее время вопрос заключается в качественном развитии мультимедийного рынка. Широко используемая компьютерная техника получит мощный импульс вследствие внедрения квантовых технологий и нанoeлектроники. Прототипы последних уже существуют и стремительно совершенствуются на базе углеродородных нанотрубок. Образцы новых квантовых компьютеров также уже были представлены общественности. Сверхпроводники в скорой перспективе получат широкий диапазон использования, что обеспечит новой технологии быструю коммерциализацию. В биотехнологиях отдельное направление сформировали разработки в области геномной инженерии. Открытие в 1998 г. человеческой стволовой эмбриональной клетки предполагает вероятность регенерации любого вида человеческой клетки и, соответственно, любого внутреннего человеческого органа. Это обещает серьезные возможности для развития регенеративной медицины. Таким образом, инновационные технологии нового поколения закончили (или заканчивают) траектории развития и выходят на траектории разработки с перспективой коммерческого освоения уже к 2020-м годам, то есть к началу восходящей стадии нового долгосрочного (кондратьевского) цикла [5, С. 141-162; 21].

3. *Временной фактор инновационной деятельности.* Если 1-й и 2-й факторы «триады инновационной деятельности» достаточно изучены, то 3-й в подавляющей части исследований игнорируется. Указанный фактор представляет собой серьезное упущение, поскольку базисные инновации являются категориями, относящимися к долгосрочной экономической динамике, и успех их внедрения в реальную экономику напрямую зависит от фазы долгосрочного цикла, на котором данные инновации предложены рынку.

В свое время Н. Д. Кондратьев обращал внимание на некую «эмпирическую правильность», что примерно за два десятилетия до начала восходящей стадии долгосрочного цикла (т. е. на нисходящей стадии предыдущего цикла) происходит активизация в сфере применения технических новаций, а в начале восходящей стадии нового цикла наблюдается активизация индустриальной сферы, обусловленная предшествовавшей реорганизацией воспроизводственного механизма [2, С. 53].

М. Хироока на основе анализа существующего массива статистического материала по экономике развитых государств выявил наличие тесной корреляции процесса распространения кластеров базисных инноваций со стадиями долгосрочных (кондратьевских) циклов. Он установил, что диффузия (распространение) инноваций полностью синхронизируется с восходящей стадией большого цикла и достигает насыщения в районе его наивысшей точки (пика) [21; 4, С. 17]. Соответственно, инновационный процесс на этапе диффузии базисных инноваций, запущенный в период рецессии, будет действовать асинхронно циклической динамике, и его результативность будет значительно ниже, чем тот же процесс, запущенный на восходящей волне долгосрочного цикла.

Таким образом, для внедрения инноваций должно быть выбрано время, когда хозяйственная система наиболее восприимчива к качественным изменениям. Данным периодом становится нисходящая стадия долгосрочного цикла, на которой экономика приближается к очередному «акселерационному порогу», ограничивающему перспективы дальнейшего хозяйственного роста вследствие истощения возможностей удовлетворения общественных потребностей при достигнутом уровне экономического развития и сложившейся структуре потребления. Накопление кризисного потенциала (нерешенных проблем развития хозяйственной системы) способствует возникновению системного экономического кризиса, представляющего собой совокупность сопряженных в едином экономическом процессе явлений, возникающих вследствие формирования в экономиче-

ской системе внутренних противоречий качественного характера, связанных с необходимостью кардинальных изменений институциональной среды, сменой управленческой модели, качественного обновления технологической базы и пр.

На этом этапе экономика проходит сложный период кризисно-депрессивного развития, характерный частыми сбоями воспроизводственного механизма, нарушениями товарообменного процесса и особенно угнетающим воздействием на сельское хозяйство. В этот период происходит одновременный спад производств действующего технологического уклада и вызревание ключевых инноваций нового этапа хозяйственного развития, определяющих технологические контуры следующего долгосрочного цикла. В результате преодоления системных проблем происходит не только обновление технологической основы, но и смена (или коррекция) организационных принципов и управляющих структур, ответственных за сохранение качественных параметров экономической системы.

Начало восходящей стадии нового цикла становится, в свою очередь, периодом активного развития воспроизводственной сферы, обусловленного предшествовавшей реорганизацией экономического механизма [2, С. 53].

Весьма показателен в этой связи опыт США, которые на восходящей волне 3-го кондратьевского цикла путем внедрения европейских технологий осуществили «прорыв» к последующему доминированию в мировой экономике. Этот же путь после Второй мировой войны выбрала Япония, которая на основе активного внедрения ряда западных магистральных технологических инноваций того периода (нефтехимия, электроприборостроение, микроэлектроника) реализовала «догоняющую» стратегию развития и на восходящей волне 4-го цикла достигла экономического уровня развитых стран Запада. В 1950-1960-х годах в результате инновационного «рывка» Японии удалось устранить технологическую отсталость и ликвидировать столетнее экономическое отставание от развитого мира и, в первую очередь, от США. Стремление к доминированию в передовых технологических отраслях дало ей возможность закрепить и в традиционных секторах индустрии - металлургии, авто- и судостроении. Мультипликативный эффект совокупного воздействия множества технологических нововведений позволил Соединенным Штатам и Японии достичь рекордных темпов роста ВВП, который за прошедшее столетие продемонстрировал в США 30-кратное, а в Японии - 80-кратное увеличение [5, С. 141-162].

Опыт указанных лидеров мирового экономического развития подтверждает тезис, что инновационный процесс на этапе внедрения в производство наибольшую эффективность приобретает на нисходящей стадии долгосрочного цикла, когда стагнирующая экономика наиболее готова для радикальных изменений, а кризис позволил аккумулировать необходимые инвестиционные потоки, ранее в форме мобильного капитала задействованные в других сферах экономики. Тот же процесс, запущенный на восходящей стадии, может оказаться невостребованным, так как экономика в этот период развивается успешно на основе уже опробованных (использующихся) технологических решений.

Таким образом, реальный инновационный «рывок» возможен только синхронно с восходящей стадией очередного долгосрочного цикла, а инновационное развитие «опоздавших» национальных экономик откладывается на восходящую стадию последующего цикла, то есть на 40-50 лет. Иллюстрацией указанному утверждению является пример Южной Кореи, которая отстала примерно на 10 лет в технологическом процессе от Японии и смогла осуществить инновационный «рывок» лишь в начале 5-го долгосрочного цикла [5, С. 141-162].

Необходимость понимания циклических закономерностей в инновационном процессе. Научные исследования проблем инновационного развития требуют понима-

ния циклических закономерностей, свойственных долгосрочному экономическому процессу и существенно различающихся на различных этапах циклического развития. Только во взаимосвязи со стадиями долгосрочного цикла, формирующего необходимую среду для реализации инновационной деятельности, можно корректно уяснить механизмы и особенности инновационного процесса в его развитии. Такое же понимание циклических закономерностей требуется при решении задач практического сопровождения инновационного процесса как на государственном или региональном уровнях, так и на уровне хозяйствующего субъекта.

При подготовке и реализации экономической политики необходимо учитывать и грамотно использовать экономические условия, продиктованные прохождением экономикой того или иного циклического этапа долгосрочного развития. Результативность инновационного процесса во многом зависит от способности экономических властей синхронизировать государственную политику с соответствующими периодами долгосрочного цикла. В этом случае такая политика будет иметь не только стимулирующий, но и усиливающий (резонансный) эффект. Соответственно, отсутствие синхронности государственной инновационной политики со стадиями цикла минимизирует эффективность действий властей [4, С. 17].

Кроме того, лицам, занимающимся выработкой социально-экономической политики, следует отказаться от наивной веры в исключительную силу внутренней самоорганизации рыночного хозяйства, тем более, что мировая экономика (начиная с XX столетия) не продемонстрировала ни одного примера, когда прекращение кризиса, устранение его последствий и последующий выход на траекторию эффективного инновационного развития экономики явились результатом исключительного воздействия механизмов рыночной саморегуляции [см.: 22, С. 145-154; 23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кондратьев, Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. – Вологда: Обл. отд-ние Гос. изд-ва, 1922. – 258 с.
2. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. – М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1925. – Т. 1. Вып. 1. – С. 28-79.
3. Кондратьев, Н. Д. К вопросу о больших циклах конъюнктуры // План. хоз-во. – М., 1926. – № 8. – С. 167-181.
4. Акаев, А. А. Инновационные стратегии - шанс для бедных стран // Полит. класс. – 2008. – № 7. – С. 15-28.
5. Акаев, А. А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. – М.: УРСС, 2009. – С. 141-162.
6. Акаев, А. А. Россия на пути к управлению экономическим ростом // Экон. политика. – 2006. – № 4. – С. 148-165.
7. Шумпетер, Й. Теория экономического развития: (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Пер. с нем. В. С. Автономова и др. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
8. Дорофеев, В. Д., Дресвянников В. А. Инновационный менеджмент. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2003. – 211 с.
9. Райзберг, Б. А., Лозовский, Л. Ш., Стародубцева, Е. Б. Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 979 с.
10. Макконнелл, К. Р., Брю, С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. – В 2 т.: Пер. с англ. – М. 1997. – Т.2. – 723 с.
11. Котлер, Ф., Армстронг, Г., Сондерс, Д., Вонг

В. Основы маркетинга: пер с англ. – 2-е европ. изд. – М.: СПб.: К.: Издательский дом «Вильямс», 2000. – 578 с.

12. Яковец, Ю. В. Эпохальные инновации XXI века. – М.: Изд. «Экономика», 2004. – 444 с.

13. Твисс, Б. Управление научно-техническими нововведениями. – М.: Экономика, 1989.

14. Щербаков, Г. А. Антиинновации как фактор макроэкономической нестабильности (на примере производных финансовых инструментов) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4 (22). – С. 86-94.

15. Solow R. Technical change and the aggregate production function // Rev. of Economics and statistics. 1957. (Aug.) P. 316-372.

16. Freeman, C. Technical Innovation, Diffusion, and Long Cycles of Economic Development / The Long-Wave Debate / Ed. by T. Vasko. Berlin: Springer, 1987. P. 295-309.

17. Mensch, G. Das Technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression. – Frankfurt-am-Main.: Umschau-Verlag, 1975. – 287 p.

18. Kleinknecht, A. Observations on the Schumpeterian Swarming of Innovations. Futures, 13, No. 4 (1981).

19. Глазьев, С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993. – 310 с.

20. Иванова, Н. И. Инновационная сфера. / Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / Под ред. И. С. Королева. – М.: Юрист, 2003. – С. 207-231.

21. Hirooka, M. Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. – Cheltenham, UK - Northampton, MA: Edward Elgar, 2006. – 448 p.

22. Щербаков, Г. А. Инновации преодолевают депрессию. Влияние процесса внедрения технологических, управленческих и социальных нововведений на долгосрочную динамику мирового экономического развития. – М.: НПК «Интеллект-С», 2009. – 268 с.

23. Щербаков, Г. А. Основные теоретические подходы к проблеме антициклического управления. Необходимость и пределы государственных мероприятий по преодолению кризисных явлений в экономике / Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: сб. статей Международной научно-практической конференции (10 июня 2015 г., г. Уфа). – Уфа: Научный центр «Аэтерна», 2015. – С. 221-226.

УДК 330

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ
КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ
СРЕДНЕСРОЧНОГО И ДОЛГОСРОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ**

© 2016

Щербаков Геннадий Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Системный анализ и моделирование экономических процессов»
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва (Россия)

Аннотация. Рыночное хозяйство подчинено своим особым законам, стихийный характер которых обнаруживается на всех этапах его развития. Особенно отчетливо противоречия «свободного рынка» проявляются во время кризисов, периодически сотрясающих как отдельные страны и регионы, так и мировую экономику, в целом. Однако анализ мирового «кризисного опыта» обращает внимание на важную особенность в формах реализации различных кризисов, которая сохраняется на всех этапах экономического развития. Одни экономические потрясения, несмотря на остроту и масштабность, постепенно уступают место оживлению и далее - полноценному экономическому подъему. Другие заканчиваются слабым подъемом или депрессией, постепенно переходящими в новую рецессию. Подобные кризисы, депрессии, периоды вялого оживления экономики в совокупности образуют «волны кризисного развития», в течение длительного времени удерживающие экономику в угнетенном состоянии. Указанные различия являются следствием развития двух неоднородных экономических процессов: количественных и качественных. Первые приводят к формированию количественных диспропорций в экономическом развитии, устраняемых в пределах среднесрочных циклов; вторые - к возникновению качественных проблем экономической системы, требующих ее коренной перестройки, осуществляемой в пределах долгосрочного периода. Данный подход, основанный на идее Н. Д. Кондратьева (далее ученым не развивавшейся), представляется перспективным при определении природы явлений, наблюдающихся в экономической действительности. Он позволяет корректно уяснить сущность событий, включенных в общий циклический процесс.

Ключевые слова: экономическое развитие, экономический кризис, долгосрочный экономический цикл, среднесрочный экономический цикл, циклические закономерности, рецессия, депрессия, системный экономический кризис, системная проблема, инновационное обновление, модернизация экономики.

**QUANTITATIVE AND QUALITATIVE PROCESSES IN THE ECONOMY
AS A FUNDAMENTAL BASIS OF ECONOMIC PHENOMENA
OF MEDIUM- AND LONG-TERM ECONOMIC CYCLES**

© 2016

Shcherbakov Gennady Anatolyevich, candidate of economical science, associate professor of the chair
“System Analysis and Economic Process Modelling”

Financial University under the Government of Russia, Moscow (Russia)

Abstract. The market economy is subordinated to its special laws that spontaneous character is found in all stages of its development. Most clearly the contradictions of the “free market” are seen during the crises, which periodically shake both individual countries and regions, and generally the world economy. However the analysis of the global “crisis experience” draws attention to the difference in the forms of implementation of various crises that persists in all stages of economic development. Some economic shocks, despite the intensity and range, gradually give way to revival and further – to full economic expansion. Others end with weak rise and depression, gradually turning into a new recession. Such crises, depression, periods of weak economic recovery form some “waves of the crisis development”, holding the economy depressed for a long time. These differences are the result of two various economic processes: quantitative and qualitative. The first leads to the formation of quantitative disproportions in economic development that are removed within the medium-term cycles; the second - to the emergence of qualitative problems of the economic system, requiring its radical rebuilding carried out within the long term. This approach is based on the idea of N. Kondratieff (the scientist didn't develop it further) and it seems promising in determining the nature of the phenomena observed in the economic reality. It allows you to understand correctly the essence of the events included in the overall cyclical process.

Keywords: economic development, economic crisis, long-term economic cycle, medium-term economic cycle, cyclic patterns, recession, depression, system economic crisis, system problem, innovative renewal, modernization of the economy.

Особенности формирования явлений среднесрочной и долгосрочной экономической динамики. Рыночное хозяйство подчинено своим особым законам, стихийный характер которых обнаруживается на всех этапах его развития. Особенно отчетливо противоречия «свободного рынка» проявляются во время кризисов, вновь и вновь сотрясающих как отдельные страны и регионы, так и мировую экономику в целом.

Периодичность возникновения экономических кризисов подтверждена эмпирически и, в общем, не вызывает разногласий в научных кругах. По этой причине кризисные потрясения традиционно рассматриваются экономической наукой как схожие события, различающиеся по остроте, длительности, территориальному охвату и причинам возникновения. Руководствуясь актуальностью рассматриваемой проблематики, практически все ведущие направления макроэкономического анализа в рамках теорий, объясняющих происхождение циклических колебаний в рыночном хозяйстве, представили свое видение природы экономических явлений [1, С. 22-42]. К самостоятельным факторам, становившимся

первоначальной движущей силой; экономической динамики, а в дальнейшем - причиной возникновения кризисов, различные исследователи относили: недопотребление (Ж. Сисмонди, Т. Мальтус, К. Робертус, Т. Гертцка); перекапитализацию (М. Бунятян, А. Афтальон, Ж. Лескюр, Л. Поле); перепроизводство товарного капитала (К. Маркс, Р. Гильфердинг, К. Каутский); изменения денежной массы (Э. Лавеле, К. Жюгляр, А. Шпитгоф, Т. Веблен, М. И. Туган-Барановский); экспансию и сжатие банковского кредита, деятельность банков (А. Шпитгоф, Г. Кассель, А. Гансен, Р. Хоутри, М. Фридмен); расширение и сокращение объемов инвестиций (Дж. М. Кейнс, Р. Харрод, П. Сэмюэлсон, Э. Хансен, Дж. Хикс); изменения в формировании рациональных ожиданий (Т. Сарджент, Р. Лукас), экзогенные шоки (К. Виксsell, Э. Прескотт, Ф. Кидланд) и т. д. [2, С. 9].

Следует отметить, что разнообразие научных подходов не компенсирует их общего недостатка, заключающегося в сконцентрированности исследователей исключительно на явлениях среднесрочной экономической динамики («средние», «промышленные», «торговые»,

«деловые» циклы К. Жюгляра). Указанное самоограничение объективно сужает пределы научного познания исследуемого объекта и не позволяет корректно уяснить действительную природу экономических процессов, влияние которых; выходит за пределы среднесрочного периода и находит свою реализацию в более длительных периодах экономического развития. Подобный метод исследования концентрирует процесс познания на влияющих факторах, а не на природе кризиса, его метафизических свойствах, изначально присущих тому или иному виду кризисного потрясения и изменяющихся в зависимости от вида экономического цикла [3, С. 238]. Так, Й. Шумпетер изначально (1913 г.) связывал инновационный процесс со среднесрочными колебаниями, понимая под ним, прежде всего, капиталовложения в разработку и производство новых продуктов [4, С. 181]. В подобной трактовке инновации могли рассматриваться исключительно как средство достижения конкурентных преимуществ, но не как движущая сила долгосрочной экономической динамики, положенная в основу инновационной теории, принесшей ее автору мировое признание (после опубликования в 1939 г. 2-томной работы «Деловые циклы») [5].

Открытие Н. Д. Кондратьевым «больших; циклов; конъюнктуры» сформировало новое направление; экономической науки; - изучение циклических явлений долгосрочной динамики, в рамках которого появилось множество самостоятельных теорий (как взаимодополняющих, так и конкурирующих). В первую очередь, это теория инноваций (Й. Шумпетер, Г. Менш [6], А. Кляйнкнехт [7], С. Кузнец [8; 9], Ю. В. Яковец [10; 11]). Среди других следует отметить теории: перенакопления в капитальной сфере (Дж. Форрестер); перенакопления трудовой силы (К. Фримен, Л. Сутэ, Дж. Кларк); технологических укладов; (С. Ю. Глазьев, К. Перес, М. Хироока [12]); эволюционной экономики (С. Уинтер, Р. Нельсон, В. И. Маевский), монетарные и ценовые теории (У. Ростоу, Р. Берри, Д. Дельбеке, Е. Шокэрт, Р. Батра, П. Карпинен) и др.

Экономисты, изучающие долгосрочную динамику, как правило, рассматривают «кондратьевские» циклы во взаимодействии с циклами меньшей длительности, что представляет собой очевидный прогресс в сравнении с исследователями делового (среднесрочного) цикла. Вместе с тем, анализ их работ демонстрирует сфокусированность на инновационно-технологической оболочке влияния длинных волн, практически оставившую за рамками процесса научного познания содержание самого долгосрочного цикла, а также изучение экономических закономерностей, свойственных каждой из его фаз (стадий). По этой причине кризисные потрясения по умолчанию продолжают рассматриваться в качестве явлений среднесрочной динамики, что представляется особенно странным с учетом того, что многие исследователи долгосрочного цикла выделяют кризисные потрясения как конституирующую основу долгосрочной экономической динамики. Таким образом, без ответа остается вопрос, как явления среднесрочной динамики могут являться формирующей основой среды, в которой происходит формирование условий качественного обновления экономической системы, осуществляющегося в рамках долгосрочного цикла.

Между тем анализ мирового «кризисного опыта» обращает внимание на важную особенность в формах реализации различных кризисов, которая сохраняется на всех этапах экономического развития. Одни экономические потрясения, несмотря на остроту и масштабность, постепенно уступают место оживлению и далее - полноценному экономическому подъему (например, 1825-1826, 1857-1858, 1866-1867, 1890-1894, 1900-1903, 1907-1908, 1920-1922 гг.). Другие заканчиваются слабым подъемом и депрессией, постепенно переходящими в новую рецессию. Подобные кризисы, депрессии, периоды вялого оживления экономики в совокупности обра-

зуют «волны кризисного развития», в течение длительного времени удерживающие экономику в угнетенном состоянии (1836-1842, 1873-1886, 1929-1938, 1967-1982, 2008-2015 гг.). Влияние и последствия таких «волн» последовательных или совпадающих по времени экономических потрясений выходят за пределы среднесрочной экономической динамики. Они происходят в пределах действия долгосрочного (кондратьевского) цикла и совпадают с его нисходящей стадией, когда, согласно эмпирически подтвержденным идеям великого российского экономиста Н. Д. Кондратьева, экономика проходит сложный этап кризисно-депрессивного развития, конституирующий параметры будущего экономического роста.

Количественные и качественные источники хозяйственного роста. С. Кузнец, лауреат Нобелевской премии «за эмпирически обоснованное толкование экономического роста» (1971 г.) [13], выделял три основных источника указанного роста: 1) технический прогресс (передовые технологии), являющийся основой и необходимым условием экономического развития (необходимое условие, потенциал); 2) институциональные, поведенческие и идеологические изменения, требующиеся для реализации заложенного в новых технологиях созидательного потенциала (обеспечивающая среда); 3) постоянное увеличение национального продукта и соответствующих возможностей экономики удовлетворять растущие потребности населения (одновременно и источник, и результат) [14, С. 104].

Указанная научная позиция требует дополнения, что процессы, вытекающие из последнего источника роста (из названных С. Кузнецом), базируются на нарастающих количественных показателях, остальные обеспечиваются за счет качественных изменений в экономике. Такое разделение было впервые предложено Н. Д. Кондратьевым, рассматривавшим экономическую динамику как «поток непрерывных и многообразных качественных и количественных изменений» [15, С. 24]. По мнению российского ученого, в тех случаях, когда элементы экономической системы или их связи претерпевают трансформацию, не исчерпывающуюся изменением их числа и объема, следует говорить о наличии качественных изменений (например, изменения в организации хозяйства, технологиях, составе и характере общественных потребностей и пр.). В других случаях (например, для цены, учетного процента, ренты и т. д.) основное значение имеет движение количественных показателей. «Значение качественных изменений здесь выступает лишь тогда, когда меняется природа этих элементов, например, когда цена из волевой становится установленной или из рыночной – монопольной» [15, С. 20, 24].

Данный подход (далее Кондратьевым не развивавшийся) является основополагающим при определении природы явлений, наблюдающихся в экономической действительности. Разделение экономической динамики на два принципиально разных (хотя и связанных каналами обратных связей) типа процессов - количественных (поточных, конъюнктурных) и качественных (кумулятивно-преобразовательных) - позволяет понять сущность событий, включенных в общий циклический процесс [16, С. 115-117].

Как количественные, так и качественные процессы в ходе реализации формируют негативные явления, которые, в первом случае выражаются в нарушении экономических пропорций (дисбаланс предложения и спроса, диспаритет цен и пр.), во втором - в нарушении внутренних связей (внутренней гармонии) экономической системы. Г. Б. Клейнер обоснованно указывает на различия в понятиях «диспропорциональность» и «дисгармоничность», которые зачастую неверно представляются как тождественные. В действительности дисгармоничность представляет собой состояние более глубокой деформации экономической системы, чем дис-

пропорциональность. Она порождена качественными проблемами экономической системы и «является устойчивым препятствием на пути исправления перекосов в рамках самой экономики» [17, С. 73]. Соответственно дисгармоничность как результат негативных процессов качественного порядка требует принципиально иных решений в целях устранения ее последствий, чем диспропорциональность.

Экономические кризисы как следствие накопления количественных дисбалансов в экономике. Экономические кризисы возникают вследствие количественных нарушений внутреннего баланса экономической среды, формирующихся в фазе хозяйственного роста. «Кризис является реакцией против аномальных сдвигов, наростов и несоответствий во взаимоотношении элементов хозяйства и условий их развития», способствующей «устранению или сильному смягчению тех несоответствий в системе элементов мирового хозяйства, при которых подвижное равновесие мирового хозяйства стало невозможным» [18, С. 254]. В свою очередь, преодоление кризиса происходит за счет восстановления старых или установления новых пропорций, обеспечивающих дальнейшее развитие в рамках среднесрочного экономического цикла. В этом случае кризисные процессы, происходящие внутри экономической системы, имеют потоковый характер, а соответствующее изменение пространственной конфигурации системы не влечет за собой изменения ее свойств и функционального содержания. Подобное понимание экономического кризиса позволяет представить его как экономическое явление, возникающее вследствие формирующегося в фазе хозяйственного роста нарушения количественных пропорций (внутреннего баланса) экономической системы, преодолеваемое в результате восстановления старых или установления новых количественных пропорций, обеспечивающих дальнейшее развитие в рамках среднесрочного экономического цикла.

Системный экономический кризис как проявление необходимости качественной трансформации экономики. Одновременно в экономической системе возникают противоречия качественного характера, связанные с необходимостью институциональных изменений, сменой управленческой модели, созданием новой технологической базы и пр. Масштаб и острота таких противоречий не позволяют устранить их в пределах среднесрочного циклического процесса, что приводит к накоплению и переносу возникающих дисфункций на следующий цикл. В этом случае кризисные процессы, являющиеся «следствием кумулятивно накапливающихся условий в течение предыдущего времени» [15, С. 397], имеют кумулятивно-преобразовательный характер и требуют преобразования внутрисистемных связей, которое осуществляется в пределах долгосрочных (кондратьевских) циклов.

Внешнее выражение данные противоречия находят в изменениях системных свойств, под которыми понимается наличие разнообразных функциональных взаимосвязей нелинейного характера между элементами различных систем, представляющих собой целостные, разноуровневые структурные образования. Нарушение системных свойств влечет возникновение кризисных ситуаций на всех уровнях иерархической организации межсистемного взаимодействия (по принципу «домино»). Накопление кризисного потенциала (нерешенных проблем развития хозяйственной системы) способствует возникновению системного или, согласно определению Г. Б. Клейнера, мегаэкономического кризиса [19], определяющего необходимость осуществления кардинальных изменений качества системных связей между структурными образованиями в пространстве и во времени. Термин «системный кризис» в экономической литературе, обычно применяется для обозначения глубины и охвата кризисного потрясения, масштаба и разрушительности данного экономического явления. В АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

подобном контексте указанное понятие используется ассоциативно, практически не неся какого-либо методологического наполнения. Однако при корректном использовании данное понятие способно достаточно емко отражать содержание кризисных процессов, происходящих в формате долгосрочной экономической динамики. В рамках научной позиции настоящей статьи, системный (мегаэкономический) кризис представляет собой совокупность сопряженных в едином экономическом процессе явлений, возникающих вследствие формирования в экономической системе внутренних противоречий качественного характера, связанных с необходимостью кардинальных изменений институциональной среды, сменой управленческой модели, качественного обновления технологической базы и пр. Преодоление системного экономического кризиса требует радикального изменения качества внутрисистемных связей и отношений между структурными образованиями, которое осуществляется в пределах долгосрочных циклов.

Идея о том, что на понижательной стадии долгосрочного цикла происходят процессы, закладывающие основы экономического развития на долгосрочный период, была сформулирована еще почти столетие назад Н. Д. Кондратьевым. Российский экономист, основываясь на результатах эмпирических исследований, отмечал присущие данной стадии цикла краткость и слабость экономических подъемов, а также насыщенность экономическими потрясениями особой длительности и глубины [20, С. 58]. Не углубляясь в анализ указанного факта, Кондратьев ограничился его простой констатацией, сформулировав, тем не менее, исходные позиции для дальнейших исследований природы и роли кризисов в формате длинноволновых колебаний экономической конъюнктуры.

Циклическим процессам долгосрочного периода посвящена значительная научная литература, которая демонстрирует концентрацию усилий исследователей на объяснении причин возникновения длинных волн. При этом за рамками исследований осталась проблема возникновения и условий протекания кризисов долгосрочного цикла, содержательная сторона этих явлений. Вместе с тем, можно утверждать, что волны кризисных потрясений и осуществляющееся в их недрах качественное преобразование генома экономической системы является конституирующей основой периодического обновления хозяйственного механизма. По этой причине содержательная сторона событий понижательной стадии долгосрочного (кондратьевского) цикла требует более тщательного описания.

Противоречия, лежащие в основе системных экономических кризисов, (системные проблемы) обнажают элементы деградации внутрисистемной архитектуры, накопленные в предыдущие периоды социально-экономического развития. Они не могут быть ликвидированы без перенастройки внутренних связей между элементами самой системы. Перефразируя А. Эйнштейна считавшего, что ни одну проблему нельзя решить на том же уровне сознания, на котором она была создана [21], можно утверждать, что системная проблема не может быть устранена на том же уровне развития системы, на котором она возникла. В результате преодоления системных проблем происходит смена или коррекция организационных принципов и управляющих структур, ответственных за сохранение качественных параметров системы.

Системные экономические кризисы происходят в пределах действия долгосрочного (кондратьевского) цикла и совпадают с его понижательной фазой, характерной частыми сбоями воспроизводственного механизма, нарушениями товарообменного процесса и особенно угнетающим воздействием на сельское хозяйство. Их реализация, как правило, осуществляется «волнами» последовательных или совпадающих по времени экономических потрясений разной силы и длительности, раз-

деленных между собой краткими периодами депрессии или слабого экономического подъема. Каждое из них может быть вызвано особыми причинами и иметь отдельную историю, однако изначально все эти события протекают в логике, подчиненной решению общих системных проблем, и по этой причине могут рассматриваться как составные части единого системного кризиса, преодоление которого обеспечивает выход общества на новые рубежи социально-экономического развития.

Возникновение системных экономических кризисов. Возбудителями кризисных процессов в экономической системе могут стать воздействия (шоки) как эндогенного, так и экзогенного характера. Последнее объясняется тем, что система не является автономной, изолированной от окружающего мира и по этой причине испытывает от внешней среды различного происхождения и мощности толчки, в своем потенциале несущие возможность нарушения внутрисистемной гармонии. Однако глубина проникновения внешнего воздействия, степень реакции системы на экзогенные шоки всегда зависит от ее внутреннего состояния. Способность экономической системы реагировать на изменение внешних условий функционирования без нарушения внутренних связей определяет ее адаптивные способности. В ходе экономического развития нередко возникают ситуации, когда указанные изменения превышают собственные адаптивные способности системы, и в ее «арсенале» не оказывается необходимых рычагов управления, применение которых способствовало бы ликвидации проблемы. В результате, возникает ситуация устойчивого дисбаланса и напряженности во взаимоотношениях между системой и внешней средой, способная перерасти в системный кризис.

Таким образом, экзогенное воздействие может стать отправной точкой кризиса, а в случае его наступления по эндогенным причинам – катализировать кризисную ситуацию. Однако само возникновение системного кризиса может быть связано только с развитием внутренних процессов в системе, приобретением ею вследствие эндогенных преобразований новых (негативных) системных свойств, таких как: 1) разбалансированность системы, снижение ее устойчивости по отношению к воздействию экзогенных факторов; 2) утрата системой способности гармоничного развития с окружающим миром вследствие несоответствия ее качественного состояния условиям и динамике развития внешней среды.

В первом случае кризисные явления формируются по мере нарастания в социально-экономической системе давления негативных тенденций, порождаемых в результате функциональных сбоев во включенных в нее элементах и подсистемах (финансовый, фондовый рынки, промышленность, сельское хозяйство и т. д.). Указанные тенденции, транслируемые системе по каналам внутренней связи на основе заложенных в неё системообразующих принципов, приводят к разрушению информационно-логических связей, установлению негармоничных отношений в границах внутренней организации экономической системы. Такой тип отношений в сложной многоуровневой системе, характеризующейся упорядоченностью, организованностью взаимодействия элементов отдельных уровней по вертикали и горизонтали, приводит к ее деформации, созданию состояния крайней неустойчивости экономики как целостного образования. Для преодоления кризиса здесь требуются структурные изменения.

Во втором случае кризисными факторами могут стать: неспособность принять и ассимилировать объективные сдвиги и императивы исторического процесса, формируемые во внешней среде, неподготовленность системы к работе в условиях быстрой смены ценностных ориентиров. В этих условиях в системе происходит блокирование эволюционных процессов наиболее инерционными элементами и субъектами системы, что находит свое выражение в создании негармоничных

связей в иерархической организации внешней среды. Действующий режим функционирования демонстрирует, что контрольные параметры системы не соответствуют допустимым пределам и она становится непригодной к решению поставленных задач. В этом случае для преодоления кризиса требуются не только структурные изменения, но и смена управленческой модели в системе, а результатом системных преобразований станет обновление организационных структур, смена их форм и содержания, переход к другой модели регулирования социально-экономических процессов.

Отдельным случаем возникновения системного кризиса может явиться недостаточный уровень технологической оснащенности экономической системы, дисфункция технологического внедрения процессов в системе, вступающие в противоречие с прогрессивным характером и темпами развития элементов внешней среды. В такой постановке способом преодоления кризиса может стать системное обновление технологической базы с точки зрения новейших достижений науки и техники, до этого не востребованных хозяйственным механизмом. Однако само по себе изобретение автоматически не становится экономическим событием, то есть требуется определенный толчок, чтобы оно стало востребовано рынком. Таким толчком является сумма возникающих обстоятельств, в совокупности формирующих системные экономические кризисы, которые в этой связи можно рассматривать как инновационные – не только в смысле технологического и институционального обновления, но и в части появления нового поколения управленцев, экспертов, предпринимателей и пр. Именно острота и масштаб противоречий, обнажающихся в волне экономических потрясений системного экономического кризиса, доводит депрессивную экономику до готовности к проведению радикальных мероприятий по обновлению экономической среды [22, С. 201-204].

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что в процессе хозяйственного развития экономические явления развиваются под влиянием качественных и количественных процессов, лежащих в основе их возникновения. Представленный в настоящей статье подход представляется весьма перспективным для исследования природы экономических явлений и применим не только к потрясениям экономической системы, но и к событиям любой другой фазы циклического процесса. Указанный подход позволяет правильно определить сущность экономических событий, провести качественный анализ и выработать корректный прогноз ситуации с целью выбора наиболее эффективного варианта хозяйственного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Финансовый кризис в России и в мире / Под ред. Е. Т. Гайдара. – М.: Проспект, 2009. – 256 с.
2. Бандура, А. В. Підвищення ефективності економічного прогнозування на концептуальному рівні // Економіст. – 2007. – № 3. – С. 9-12.
3. Мендельсон, Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. – В 3-х томах. – М.: Соцэкгиз, 1959. – Т. 1. – 691 с.
4. Меньшиков, С. М., Клименко, Л. А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. – М.: Междунар. отношения, 1989. – 272 с.
5. Schumpeter, J. A. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. – N.Y.-Tor.-L.: McGraw-Hill Book Company, 1939. – 461 p.
6. Mensch, G. Das Technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression. – Frankfurt-am-Main.: Umschau-Verlag, 1975. – 287 p.
7. Kleinknecht, A. Observations on the Schumpeterian Swarming of Innovations // Futures. – 1981. – Vol. 13. № 4. – P. 293-307.

8. Kuznets, S. Equilibrium Economics and Business Cycle Theory // Quarterly Journal of Economics. – 1930. – Vol. 44. № 3. – P. 381-415.
9. Kuznets, S. Schumpeter's Business Cycles // American Economic Review. – 1940. – Vol. 30. №. 2. Part 1. – P. 257-271.
10. Яковец, Ю. В. Эпохальные инновации XXI века. – М.: Изд. «Экономика», 2004. – 444 с.
11. Яковец, Ю. В. Рента, антирента, квазирента в глобально-цивилизационном измерении. – М.: Академкнига, 2003. – 240 с.
12. Hirooka, M. Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. – Cheltenham, UK - Northampton, MA: Edward Elgar, 2006. – 448 p.
13. Нобелевские лауреаты по экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlr.ru/lawcenter/econom/nobelprize1.htm> (дата обращения: 01.10.2011).
14. Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России / Под ред. Ю. В. Яковца. – СПб.: Гуманистка, 2003. – 996 с.
15. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н. Д. Кондратьев; Международный фонд Н. Д. Кондратьева и др.; Ред. колл.: Абалкин Л. И. (пред.) и др.; сост. Яковец Ю. В. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 767 с.
16. Щербаков, Г. А. Зависимость природы экономических явлений от источников хозяйственного роста. Периодические и системные экономические кризисы // Экономическая кибернетика и системная экономика: сб. материалов круглого стола XVII Международной конференции по мягким вычислениям SCM'2014 (4 июня 2014 г., г. Москва, Финуниверситет) / Под общей ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера, проф. С. В. Прокопчиной. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. – С. 115-117.
17. Клейнер, Г. Б. Стратегия системной гармонизации экономики России // Экономические стратегии. – 2008, – № 5-6. – С. 72-79.
18. Кондратьев, Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. – Вологда: Обл. отделение Гос. изд-ва, 1922. – 258 с.
19. Клейнер, Г. Б. Системный кризис, системный анализ, системный менеджмент [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kleiner.ru/ arpab/siskriz.html> (дата обращения: 10.01.2014).
20. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. – М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1925. – Т. 1. Вып. 1. – С. 28-79.
21. Жемчужины мысли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inpearls.ru/autor/121/2> (дата обращения: 10.04.2014 г.).
22. Щербаков, Г. А. Системные экономические кризисы в формате долгосрочной динамики хозяйственного развития / Системный анализ в экономике – 2014. Том 2 / Материалы III Международной научно-практической конференции «Системный анализ в экономике - 2014», Москва, 13-14 ноября 2014 г. / Под общей ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2015. – С. 201-204.

УДК 658.7(470.324)

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ НА РАЗВИТИЕ ЛОГИСТИКИ В СОСЕДНЕМ РЕГИОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2016

Ярославцева Юлия Ивановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономики и основ предпринимательства»

Шарапова Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономики и основ предпринимательства»

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, Воронеж (Россия)

Аннотация. Абстрагируясь от политических оценок событий, произошедших на Украине в начале 2014 года, в статье предпринята попытка дать оценку влияния ситуации сложившейся на территории соседнего государства на развитие транспортно-логистической инфраструктуры Воронежской области.

Ключевые слова: транспорт, логистика, таможня, инфраструктура, регион.

THE IMPACT OF THE CRISIS IN UKRAINE ON THE DEVELOPMENT OF LOGISTICS IN THE NEIGHBOURING REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2016

Yaroslavceva Yulia Ivanovna, candidate of economical science, associate professor of the chair «Economics and entrepreneurship»

Sharapova Elena Anatolievna, candidate of economical science, associate professor of the chair «Economics and entrepreneurship»

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, Voronezh (Russia)

Abstract. Abstracting from political assessments of the events in Ukraine in early 2014, the article attempts to assess the impact of the situation prevailing in the territory of neighbouring States for the development of transport and logistics infrastructure of the Voronezh region.

Keywords: transport, logistics, custom, infrastructure, region

С началом тысячелетия, в мировом сообществе, меняются условия экономического развития. Новые возможности обусловлены концентрацией мировых интеллектуальных и финансовых ресурсов, созданием новых прорывных технологий, формированием логистических систем транспортировки, благодаря которым обеспечивается развитие международного сотрудничества.

Вместе с тем, череда финансово-экономических кризисов последнего десятилетия и их последствия обнажили существенные проблемы. В частности одним из важнейших факторов, влияющих на перспективы развития отдельных стран, является слабое развитие логистических систем национальных транспортных инфраструктур, в том числе региональных.

То, что Воронежская область обладает серьезным логистическим потенциалом, который можно и нужно реализовывать, очевидно. Транспортная доступность Воронежской области, ее локация на пересечении международных транспортных коридоров с севера на юг и с запада на восток, близость границы с Украиной являются общеизвестными фактами. Необходимость воплотить имеющийся потенциал в проект крупной региональной транспортно-логистической системы не вызывает сомнений [1].

Одним из главных факторов способствующих формированию в регионе транспортно-логистической системы, является выгодное транспортно-географическое положение. В частности взаимодействие с Украиной, является фактором, способным стимулировать развитие приграничных районов Воронежской области.

Осенью 2012 года в Воронежской области (село Бугаевка) на границе с Украиной открылся современный таможенный пункт. Пункт пропуска «Бугаевка» Кантемировского таможенного поста Воронежской таможни, существует уже более 20 лет. В дни его основания, на границе с Украиной появились оборудованные вагончики, которые предполагалось использовать лишь временно, и по такой временной схеме пост действовал до 2012 года.

Строительство нового поста стало возможным в рамках реализации Концепции таможенного оформления и таможенного контроля товаров в местах, приближенных к государственной границе Российской Федерации. МАПП «Бугаевка» был внесен в план строительства новых современных пунктов пропуска для обеспечения

всех необходимых условий по осуществлению таможенного оформления и таможенного контроля в зоне деятельности Воронежской таможни на российско-украинской границе [2, 3].

Пропускная способность МАПП «Бугаевка» - 500 автомобилей в сутки, в том числе - 100 грузовых, 380 легковых, 20 автобусов. Пропускная способность по количеству людей (водители и пассажиры) предусмотрена в количестве 2 040 человек в сутки [2]. В состав МАПП «Бугаевка» входит: здание автовокзала, контрольно-пропускные пункты на выезд и въезд в Российскую Федерацию, два поста весового контроля, павильоны транспортного и пограничного контроля, здание кинологической службы, санитарно-карантинный пост, дизельная и трансформаторная подстанция и ряд других объектов, предназначенных для обеспечения деятельности пункта пропуска.

То есть условия для пропуска грузов и пассажиров, на границе созданы самые благоприятные. Однако возникает вопрос, возможно ли полноценно использовать новые возможности, если нет другой необходимой инфраструктуры – логистических комплексов, техцентров, производственных площадок, торговых зон и т.д. В настоящее время из-за нестабильной ситуации на территории Украины и как следствие снижения грузопотока, развитие объектов инфраструктуры представляется сомнительным.

Существует несколько типов грузопотоков, проходящих через экономическое пространство Воронежской области. Одним из приоритетных, является обслуживание импортно-экспортных грузопотоков из (в) Украины.

Согласно данным Воронежской таможни, за 2014 год географическая направленность экспортных поставок в регионе ее деятельности представлена 73 странами мира. Украина является главным партнером, влияющим на объемы экспорта (36,5% от экспорта в целом). Рост по сравнению с предшествующим годом составил 3%. За 2015 год географическая направленность экспортных поставок в регионе деятельности Воронежской таможни представлена 80 странами мира. Украина осталась главным партнером, влияющим на объемы экспорта, но его доля снизилась (31,9% от экспорта в целом) [4].

Что касается импорта из Украины, то в 2014 году по сравнению с 2013 годом он уменьшился в 1,5 раза. За 2014 год участники внешнеэкономической деятельно-

сти вели закупки продукции в 82 странах мира. Однако Украина по-прежнему остается одним из постоянных крупных партнеров, влияющих на объемы импорта (18,0% от импорта в целом). За 2015 год участники внешнеэкономической деятельности вели закупки продукции в 84 странах мира. Размер импорта из Украины снизился (16,4% от импорта в целом), но не лишил ее первенства среди общего числа стран, влияющих на объемы импорта [4].

Изменение грузопотока в направлении Украины в средне- и долгосрочной перспективе прогнозировать сложно. Многое будет зависеть от стабилизации ситуации на территории Украины и того, будет или нет развернута инфраструктура пограничного экономического сотрудничества, включающая в себя таможенно-пограничную и транспортно-логистическую инфраструктуру.

С 2015 года Российское правительство приняло решение начать реконструкцию и строительство железнодорожных путей в обход территории Украины. Часть участка дороги сольется с действующей веткой, проходящей по территории Ростовской области, а часть будет построена «с нуля». Общая стоимость проекта (Прохоровка - Журавка - Чертково - Батайск) обойдется в 56,6 млрд. рублей. Финансирование будет предоставляться равномерными траншами в течение трех ближайших лет.

В Кантемировском районе Воронежской области в 2015 году началось строительство железной дороги в обход Украины на участке Журавка (Воронежская область) – Миллерово (Ростовская область). Новая железная дорога к 2018 году свяжет Белгородскую и Ростовскую области.

Между станциями Журавка и Миллерово около 120 километров. Ранее российские поезда преодолевали это расстояние по территории Украины (около 26 км), дважды пересекая границу. В советские годы, когда железную дорогу строили, выбрали самый короткий путь. Но после распада СССР участок пути оказался на территории соседнего государства. Этот участок - линия Россосшь - Чертково - Миллерово - расположен в Луганской области Украины. Проект строительства железной дороги в обход Украины на участке Журавка (Воронежская область) – Чертково (Ростовская область) представлен на рисунке 1.

Рисунок 1 – Проект строительства железной дороги в обход Украины на участке Журавка – Чертково

Два электрифицированных пути проложат по территории Воронежской области в Ростовскую. Новые тяговые подстанции и современные системы безопасности позволят поездам развивать большую скорость: пассажирским - до 160 километров в час, грузовым - до 90 километров в час.

В целом же обход украинской территории, по проекту железнодорожных экспертов, должен покрыть расстояние около 800 км. Он должен связать ст. Прохоровка в Белгородской области сначала со ст. Журавка (400 км) затем – ст. Чертково, а его конечный пункт – ст. Батайск

в Ростовской области (от Чертково до Батайска - 330 км). Проект реконструкции и строительства железной дороги в обход территории Украины представлен на рисунке 2. Проект планируется реализовать в течение семи лет.

Рисунок 2 – Проект реконструкции и строительства железной дороги в обход территории Украины

Новая ветка обеспечит не только независимость пассажирских и грузовых перевозок от изменчивой ситуации в соседнем государстве, но и социально-экономическое развитие районов, по территории которых она будет проходить. Дорога пройдет вблизи семи российских населенных пунктов. Столько же появится станций, на которых местные жители смогут не только ждать поезда, но и работать.

Строительство железной дороги в обход Украины – важный логистический шаг способствующий повышению пропускной способности дороги, которая будет соответствовать всем новейшим стандартам, ускорению движения грузовых и пассажирских поездов, а также решение проблемы имущественного статуса инфраструктуры общего пользования сети железных дорог России, которые сейчас проходят по территории сопредельных государств - в данном случае Украины.

Новый железнодорожный путь можно также считать первым этапом строительства скоростной магистрали в южном направлении, предусмотренного Программой развития скоростного и высокоскоростного движения на сети железных дорог ОАО «РЖД» на перспективу до 2020 года и Стратегией развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года [5].

Таким образом, можно с однозначностью утверждать, что ситуация сложившаяся на территории соседнего государства оказывает значительное влияние на развитие транспортно-логистической инфраструктуры региона и, как следствие, актуализирует процесс дальнейших научных исследований, направленных на поиск продуктивных вариантов формирования транспортно-логистической системы Воронежской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Макаров Е.И., Ярославцева Ю.И. Основные направления развития транспортно-логистической инфраструктуры Воронежской области // Международный научный журнал «European Social Science Journal» («Европейский журнал социальных наук»). – М.: АНО «Международный исследовательский институт». 2012. № 7. С. 468-473.
2. «О направлении Концепции» (вместе с «Концепцией таможенного оформления и таможенного контроля товаров в местах, приближенных к государственной границе Российской Федерации»). Письмо ФТС РФ от 21.08.2009 № 21-50/39656.
3. Информационное агентство REGNUM [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.regnum.ru> (дата обращения 01.02.2015г.).
4. Федеральная таможенная служба. Центральное таможенное управление [Электронный ресурс]. – URL: <http://ctu.customs.ru> (дата обращения 01.02.2015г.).
5. Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 июня 2008 г. № 877-р.

УДК 327.7, 327.82

**ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
КАК АКТОРОВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ**

© 2016

Григорьева Оксана Владимировна, старший преподаватель кафедры Европейских исследований
Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация. Во второй половине XX века международные организации начинают играть значительную роль в глобальной энергетической системе, структурируя ее и создавая новую нормативно-правовую основу для сотрудничества. Как глобальные, так и региональные организации вносят свой вклад в развитие глобальной системы энергетической безопасности. Эффективную энергетическую дипломатию проводят региональные международные организации вследствие прагматичности целей воплощения внешнеполитических интересов данных структур. Международные организации проводят собственную энергетическую дипломатию путем создания норм энергетической безопасности, энергетической эффективности и диверсификации источников энергии, усиления энергетической независимости как организации в целом, так и отдельных стран-участниц, расширения нормативно-правовой базы в энергетической сфере не только на государств-участников, но и на соседние страны. Характерными инструментами энергетической дипломатии являются учреждение энергетического диалога, наложение санкций и содействие программе развития в области «зеленой» энергетики.

Ключевые слова: глобальные организации, региональные организации, Организация Объединенных Наций, Международное энергетическое агентство, Европейский союз, глобальная энергетическая система, энергетическая дипломатия.

**CHARACTERISTICS OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS
AS ACTORS OF ENERGY DIPLOMACY**

© 2016

Grigorieva Oksana Vladimirovna, assistant professor of the chair «European studies»
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg (Russia)

Abstract. In the second half of the XX century, international organizations start to play a significant role in the global energy system, constructing it and creating a new legal framework for cooperation. Both global and regional organizations contribute to the development of the global energy security system. Regional organizations conduct effective energy diplomacy as a result of the pragmatic foreign policy interests of these structures. International organizations implement their own energy diplomacy by creating standards of energy security, energy efficiency and diversification of energy sources, strengthening energy independence of as the organization as a whole and the individual member countries also, the expansion of the regulatory framework in the energy sphere not only in the member countries, but also to neighboring countries. Specific means of energy diplomacy are the establishment of the energy dialogue, the imposition of sanctions and providing assistance program for the development in the field of «green» energy.

Keywords: global organizations, regional organizations, the United Nations, International Energy Agency, European Union, global energy system, energy diplomacy.

Международные организации являются эффективными акторами энергетической дипломатии в современной глобальной энергетической системе. Феномен акторов энергетической дипломатии был рассмотрен, в частности, в работах отечественного исследователя С.Л.Ткаченко [1; 2]. Особый упор в них делается на исследования энергетической дипломатии суверенных государств, в то время как сегодня сравнительно небольшое количество работ посвящено комплексному анализу международных организаций как акторов энергетической дипломатии. Выявление характерных особенностей международных организаций как акторов энергетической дипломатии является целью данного исследования. Для достижения цели необходимо решить ряд задач, в том числе: во-первых, соизмерить эффективность международных организаций как акторов энергетической дипломатии по сравнению с национальными государствами или неправительственными акторами; во-вторых, выявить те международные организации, которые способны изменить существующую глобальную энергетическую систему; в-третьих, определить наиболее эффективные инструменты энергетической дипломатии для воплощения внешнеполитических интересов международных организаций в энергетической сфере.

Определение круга акторов одного уровня является исключительно важным вопросом для исследования энергетической дипломатии. Впервые на вопрос акторов международных отношений обратил внимание американский политолог К.Уолтц в своей монографии «Человек, государство и война», опубликованной в 1959г. [3]. Структурное деление сферы энергетической дипломатии на уровни анализа необходимо для полного понимания взаимодействия акторов на различных уровнях и процесс формирования транснационального механизма управления энергетическими ресурсами.

На современном этапе до сих пор основополагающее значение играет межгосударственное взаимодействие. Дж.Розенау определяет взаимодействие отдельных акторов в отдельных процессах и на разных уровнях, что формирует среду со своими специфическими характеристиками [4, с. 472]. Таким образом взаимодействие акторов невозможно исследовать без учета характеристик среды. Дипломатическая деятельность без сомнения относится к сложному многоакторному и многоуровневому процессу, существующему в сложной системе взаимосвязей.

Исследователи Т.Принсен и М.Фигнер отмечают тот факт, что дипломатия не является более традиционным инструментом внешней политики государства, а «представляет собой комплекс взаимоотношений, устанавливаемых как между государственными, так и негосударственными акторами, результатом чего становится постоянный переговорный процесс и создание новых институтов» [5].

Взаимодействие акторов в современной дипломатической среде обусловлено следующей фундаментальной особенностью: ключевой стратегией для всех правительственных или неправительственных участников является необходимость убедить других акторов использовать больше собственных ресурсов и политической воли для решения глобальных проблем [6, с. 52].

Однако внешнее давление не всегда включает в себя систему стимулов и убеждений в рамках нормативного взаимодействия между акторами глобальной энергетической системы. Подчас используются механизмы прямого принуждения, навязывания демократических идеалов, политическое и силовое давление [7, с. 210].

Роль и значение современной энергетической дипломатии международных организаций определяется посредством структурного организационного простран-

ства, в котором происходит дипломатическая деятельность. Под термином «структурная дипломатия» подразумевается установление диалога и поддержание переговоров в международной системе, посредством которых акторы ищут способы влияния и оформления устойчивых внешних правовых, политических, экономических, социальных структур безопасности на различных уровнях в определенном географическом пространстве [8].

Акторов энергетической дипломатии, взаимодействующих в международной среде, можно условно поделить на четыре группы – глобальные организации, в рамках которых решаются вопросы энергетической безопасности, региональные организации, национальные государства и неправительственные акторы (в том числе, транснациональные корпорации). Каждый из этих уровней несет свою специфику и важен для анализа, так как составляет существенную часть международной энергетической системы. Ниже рассматриваются те виды акторов энергетической дипломатии, которые включают в себя глобальные и региональные международные организации.

Среди основных глобальных центров энергетического взаимодействия следует выделить Организацию Объединенных Наций, Международное энергетическое агентство, Организацию стран-экспортёров нефти.

Организация Объединенных Наций (ООН) во второй половине XX века сыграла значительную роль в двух основополагающих процессах энергетической дипломатии – утверждении принципа полного суверенитета государств над своими природными ресурсами как «ключевого элемента политического и экономического процесса деколонизации» [9, с. 339], а также пересмотра понятия устойчивого развития с целью выработки единой программы в мировом масштабе.

После принятия в 1960г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции 1514 о предоставлении независимости колониальным странам и народам [10] встал вопрос о принадлежности природных ресурсов суверенным государствам и необходимости разработать механизм совместной эксплуатации энергетических ресурсов ТНК промышленно-развитых стран и стран-экспортёров энергетических ресурсов. С этой целью была разработана и принята резолюция 1803 в 1962г., которая получила широкую поддержку среди развитых стран, экспортёров капитала и инвестиций. Текст был одобрен 87 странами против 2 (Франция и Советский Союз высказались против), 12 воздержались [11]. В резолюции были закреплены такие равновесные пункты, как «неотъемлемый суверенитет над своими природными богатствами и ресурсами», что подразумевало под собой неотъемлемое право государств располагать собственными богатствами и природными ресурсами в соответствии с национальными интересами, а также предусматривался механизм национализации или экспроприации на основе «общего интереса» при одновременной выплате «соответствующего возмещения» в соответствии с международным правом [11].

Данная резолюция положила основу сотрудничеству и выработке согласованных решений по управлению стратегическим достоянием, а также разработке приемлемых методов торговли для развивающихся стран, которая институционально оформилась в «группу 77», представленную в ООН движением неприсоединившихся стран; деятельность Конференции ООН по торговле и развитию ЮНКТАД и введение части IV в Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ); учреждение Международного центра разрешения споров в области инвестиций, созданного на основе соглашения от 1965 года, принятого в Вашингтоне по инициативе Международного Банка [9, с. 340-341].

Противоречия между развитыми странами и странами-экспортёрами энергетического сырья в области управления стратегическими и природными ресурсами обострились во время обсуждения основ морского права

на конференциях ООН с 1974 по 1982гг. Данный процесс завершился 10 декабря 1982г. подписанием Конвенции Монтего Бэй [12].

Концепция устойчивого развития также входит в ряд инструментов промышленно развитых стран по реализации политики глобальной энергетической безопасности. Стокгольмская декларация по проблемам окружающей человека среды 1972г. зафиксировала принцип, согласно которому природные ресурсы земли, включая воздух, воду, отдельные природные экосистемы, растительный и животный мир, должны быть защищены ради «благополучия народов и экономического развития всех стран мира», так как «это является выражением воли народов всего мира и долгом правительств всех стран» (ст. 2) [13].

Сформированное правовое поле позволяло ООН в последствии учредить Программу ООН по окружающей среде (UNEP), которые стимулировали и укрепили инициативы по охране окружающей среды. В результате двадцатилетней работы ООН по защите окружающей среды в 1992г. в Рио-де-Жанейро была проведена конференция, которая закончилась подписанием декларации, создавшей основу концепции устойчивого развития [14].

В развитие решений Конференции в Рио-де-Жанейро, где впервые было сформулировано понятие «парниковый эффект» и показана зависимость увеличения двуокиси углерода в атмосфере вследствие сгорания продуктов нефти, угля и газа, в декабре 1997г. в Киото был подписан Протокол к рамочной конвенции ООН по изменению климата [15]. Киотский протокол предусматривал введение квот для на выбросы углекислого газа для предотвращения глобального изменения климата, а также предусматривал механизм внешнеэкономических операций с квотами на выброс углекислого газа.

Исходя из анализа документов ООН, можно сделать вывод, что политика охраны окружающей среды и устойчивого развития постепенно трансформируется в платформу для формирования рынков энергоэффективных технологий, расширение участия национально-го бизнеса в международном углеводородном рынке. Многие государства за счет политики в области климата, предусматривающей развитие низкоуглеродных и возобновляемых источников энергии, стараются в перспективе снизить зависимость от импорта углеводородного топлива, решая, тем самым, вопросы обеспечения энергетической безопасности.

Второй значимой глобальной организацией в энергетической сфере международных отношений является Международное энергетическое агентство (МЭА), основанное в 1974 г. по предложению США с целью формирования коллективной энергетической безопасности и «координации коллективного реагирования на существенные перебои в поставках нефти посредством выпуска на рынок экстренных запасов нефти» [16]. Среди основных целей и задач МЭА, сформулированных в Международной энергетической программе «Общие цели», принятой в Париже 4 июня 1993 года, необходимо выделить следующие: диверсификация источников энергетического снабжения, совершенствование системы быстрого и гибкого реагирования на перебои и чрезвычайные ситуации в энергоснабжении, налаживание сотрудничества между всеми участниками энергетического рынка с целью борьбы с искажениями структуры спроса и предложения на мировых энергетических рынках, поддержание стабильности, открытости и свободы международной торговли энергетическими ресурсами, развитие альтернативных источников энергии, экологически устойчивого производства и использования энергетических ресурсов, повышение энергоэффективности технологий [17]. В 2014 году, к общим целям МЭА было добавлено положение не только о создании запасов нефтепродуктов, соответствующих не менее 90 дням чистого импорта страны, но и стимулирование экономического развития в государствах-членах с целью преодо-

леть «энергетическую бедность», повышение информационной открытости международных энергетических рынков путем сбора и анализа данных [18].

Международное энергетическое агентство разработало эффективную систему реагирования на перебои с поставками энергетического сырья, а также механизм межгосударственного перераспределения запасов нефти и газа, меры по сокращению потребления энергетического сырья [19]. МЭА уделяет огромное значение сотрудничеству со странами, которые не являются членами организации: например, с Россией, Китаем, стран постсоветского пространства [20].

В отличие от МЭА и ООН, Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) представляет интересы исключительно стран-экспортеров углеводородных ресурсов, что отражается на характере её энергетической дипломатии. ОПЕК была создана в 10-14 сентября 1960г. пятью странами – Ираном, Ираком, Кувейтом, Саудовской Аравией и Венесуэлой – в г.Багдад на первой Конференции ОПЕК, которая является высшим органом организации [21]. По сути, ОПЕК положила основу для создания межгосударственного регулирования в мировом энергетическом пространстве применительно к нефтяному рынку. Цели и задачи организации, задекларированные в Уставе Организации от 1961г., который был принят в г.Каракас (Венесуэла), заключаются в следующем: координация и унификация нефтяной политики стран-членов, обеспечение стабилизации цен на международных рынках нефти, обеспечение стабильного дохода от экспорта нефти, обеспечение эффективного и регулярного снабжения страны-потребителей, а также обеспечение достаточных доходов от инвестиций в нефтяную промышленность [22; 23].

Помимо трех рассмотренных организаций, вопросы международного сотрудничества между производителями и потребителями энергоресурсов ставятся в центр внимания на различного вида форумах (Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) [24], Международный энергетический форум [25], Международное агентство по возобновляемой энергии [26], Форум стран-экспортеров газа [27], а также «Группа двадцати» [28]).

Современные международные отношения характеризуются не только процессами глобализации, но и региональной интеграции энергетических политик. В концепции региональной безопасности Б.Бузана [29], в рамках которой близлежащие государства рассматриваются как взаимозависимые в вопросах политики и экономики (следовательно, и энергетике как ее составляющей части), особое значение имеют региональные организации, регулирующие отношения в энергетической сфере. Наиболее ярким примером многостороннего сотрудничества в границах региона является Европейский союз. Здесь формируется законодательная основа энергетической политики, ставящая приоритетной целью добиться безопасности поставок энергоресурсов из внешних источников, а также стремящаяся к созданию более экологически чистой энергосистемы [30].

Рассматривая нормативно-правовые основы энергетической дипломатии Европейского союза целесообразно вспомнить, что два из первоначальных договора – Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали 1952г. [31] и Договор о Евroatоме 1957г. [32] – заложили основу межгосударственного регулирования соответствующих отраслей при помощи инвестиционных программ и государственного контроля. Впоследствии Маастрихтский договор от 1993г. [33], который учредил Европейский союз, объединил данные два договора и определил основы общей внешней политики и дипломатии ЕС.

Концептуальные основы энергетической политики Европейского союза были выработаны в рамках Энергетической Хартии 1991г. [34], Договора к Энергетической Хартии 1998г., докладов Европейской АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

комиссии в виде так называемых Зеленых и Белых книг (Green Paper, White Paper) [35].

Институционально процесс становления энергетической дипломатии ЕС был оформлен в коммюнике Европейской комиссии в сентябре 2011г. и заключении Энергетического совета в ноябре 2011г. о том, что внешняя энергетическая политика ЕС нуждается в тесном взаимодействии и согласованной деятельности внешней политики ЕС (the EU foreign policy) и энергетической политики ЕС (the EU energy policy) [36].

В мае 2014г. Европейская комиссия приняла Европейскую стратегию энергетической безопасности, которая включала в себя цели внешней политики ЕС по обеспечению энергетической безопасности Союза, включая пункт о налаживании внутренней синергии между задачами энергетической политики и внешней политики, а также необходимость диверсификации внешних поставок энергоносителей и важности сотрудничества с внешними странами-экспортерами энергетического сырья в рамках единого консолидированного подхода [37].

Европейский союз сосредотачивает свою деятельность на налаживании энергетического сотрудничества с соседними странами посредством создания комплексной системы с дифференцируемым и гибким подходом к тому набору инструментов внешней энергетической политики, который может использовать как каждая страна-член ЕС в отдельности, так и Союз в целом. Разделив всех акторов энергетической дипломатии на четыре блока – соседние страны-партнеры по формированию общего энергетического рынка; ключевые поставщики энергетических ресурсов и транзитные страны; ключевые мировые энергетические акторы; развивающиеся страны, – Союз проводит многовекторную и многостороннюю дипломатию.

В рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) активно разрабатываются основы энергетической дипломатии с учетом того, что на данный регион приходится 60% всего мирового спроса на энергетические ресурсы, 90% из которых приходилось на импорт нефти [38]. Четыре крупнейших потребителя энергетических ресурсов – Китай, США, Россия и Япония – расположены в данном регионе. По прогнозам, к 2035г. спрос на энергосырье в странах-членах АТЭС вырастет на 34% [39]. Учитывая быстрый рост экономик стран Юго-Восточной Азии и предсказуемый рост спроса на энергетическое сырье, в рамках рабочей группы АТЭС по энергетике [40] был разработан Стратегический план на 2014-2018гг., где были прописаны основные цели и задачи организации по укреплению национальной и региональной энергетической безопасности, снижению уровня потребления углеводородного сырья, усилению взаимодействия и сотрудничества в области обмена данными, совместных исследований, разработок и информации по энергетическим аспектам [41].

Особое внимание страны-члены АТЭС уделяют вопросам диверсификации поставок энергоресурсов, реализации механизмов конкуренции и рыночного ценообразования на энергетическое сырье, а также развития технологий сжиженного природного газа, так как именно за счет него (так же, как и угля в внутристрановом потреблении) они планируют покрыть будущие потребности в энергоресурсах [42].

Среди региональных энергетических организаций стоит также выделить Латиноамериканскую организацию по энергетике (Latin American Energy Organization, OLADE), созданную 2 ноября 1973г. Основными целями и задачами данной организации являются координирующая роль для интеграции, защиты, хранения, рационального использования и маркетинга энергетических ресурсов региона. Региональная энергетическая интеграция (regional energy integration) и региональное энергетическое планирование (regional energy planning) осуществляются посредством политических, экономи-

ческих и технологических механизмов взаимодействия. Функции организации распространяются на разработку общерегиональных программ и концепций развития энергетического сектора с учетом общеэкономических проблем развития; реализацию программ регионального развития энергетики с привлечением государственного и частного капитала стран Латинской Америки и Карибского бассейна; усиление взаимодействия и интенсивного обмена технологиями; расширение коммерческих связей в энергетическом секторе [43].

Стоит упомянуть еще один региональный центр энергетического сотрудничества – Совет государств Балтийского моря, уделяющий внимание такому вопросу, как создание безопасного и эффективного рынка возобновляемых источников энергии [44].

В заключение данного исследования можно отметить тот факт, что существенным отличием энергетической дипломатии глобальных организаций от региональных организаций является нормотворческая деятельность, ориентированная на создание основ для стабильного, устойчивого и рационального использования природных ресурсов мира. Главным вкладом ООН в мировое энергетическое взаимодействие между акторами стало утверждение принципа полного суверенитета государств над своими природными ресурсами. Международное энергетическое агентство определило значимость системы быстрого и гибкого реагирования на перебои и чрезвычайные ситуации в энергоснабжении, а также предложило принципы стабильности, открытости и свободы международной торговли энергетическими ресурсами. ОПЕК выделяется среди глобальных организаций за счет узкой специализации своей энергетической дипломатии. Если МЭА в основном представляет интересы стран-импортёров, то ОПЕК представляет интересы стран-экспортеров нефти. ООН, в свою очередь, представляет интересы всех стран, поэтому ее нормы являются основополагающими и учитывающими интересы всех групп стран – экспортеров, импортеров, транзитных стран.

Региональные организации в большей степени ориентированы на создание системы энергетической безопасности в своем регионе. И, если АТЭС и ОЛАДЕ в большей степени находятся на начальном этапе разработки собственных норм энергетического сотрудничества, то Европейский союз продвинулся куда дальше, не только проводя собственную внешнюю энергетическую политику и дипломатию, но и создавая отдельную структуру – Европейскую службу внешнего действия, которая реализует энергетическую дипломатию Союза. Институционализация и тщательная нормативная проработка энергетической дипломатии Европейского союза позволяет определить его как наиболее эффективного актора энергетической дипломатии. Соизмеряя деятельность глобальных и региональных организаций и других акторов энергетической дипломатии – суверенных государств и неправительственных акторов, можно с высокой долей вероятности утверждать, что по-прежнему лидирующую роль в мировом энергетическом пространстве занимают суверенные государства. Однако, тенденция второй половины XX века – начала XXI века показывает, что возможно изменение данного баланса в сторону глобальных и региональных международных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ткаченко С.Л. Россия как энергетическая сверхдержава: история концепции // Клио. 2015. № 3 (99). С. 27-33
2. Tkachenko S. L. Actors in Russia's energy policy towards the EU // The EU-Russian Energy Dialogue: Europe's Future Energy Security. 2008. PP.163-192.
3. Waltz K. Man, the State and War: A Theoretical Analysis. – New York: Columbia University Press, 1959.
4. Rosenau J. N. The Scientific Study of Foreign Policy.

– New York: Free Press, 1971.

5. Princen T., Finger M. Environmental NGO's in World Politics: Linking the Local and the Global. – London, 1994. – P. 42.

6. Hocking B., Melissen J., Riordan S., Sharp P. Futures for Diplomacy. Integrative Diplomacy in the 21st Century. // Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. Report 1. October 2012. P. 1-75

7. Немчинова Т.С. Проблема концептуального развития демократии в контексте четвертой волны демократизации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13., № 4. – С. 206-213

8. Григорьева О.В. Роль дипломатии государства в мировом энергетическом пространстве: современные теоретические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 2. С. 130-140.

9. Гаттини А. Роль ООН в управлении природными ресурсами от принципа абсолютного суверенитета к принципу устойчивого развития. // Дипломатия ресурсов: сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века. Отв. редактор А.В.Торкунов. Под редакцией Массимилиано Гудерцо и Маттео Луиджи Наполитано. – М.: Навона, 2008. – 448 с.

10. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам [Электронный ресурс] // Декларации ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 01.10.2015)

11. Резолюция 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи о неотъемлемом суверенитете над естественными ресурсами [Электронный ресурс] // United Nations Audiovisual Library of International Law. Режим доступа: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga/ga_1803/ga_1803_ph_r.pdf (дата обращения: 01.10.2015)

12. Конвенция ООН по морскому праву [Электронный ресурс] // ООН. Конвенции. Режим доступа: http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 01.10.2015)

13. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. Стокгольм. 1972г. [Электронный ресурс] // Декларации ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 01.10.2015)

14. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. 3–14 июня 1992 года [Электронный ресурс] // Декларации ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 01.10.2015)

15. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. 9 мая 1992г. [Электронный ресурс] // Конвенции и соглашения ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 01.10.2015)

16. International Energy Agency [Electronic resource] // Официальный сайт Международного энергетического агентства. Режим доступа: <http://www.iea.org/aboutus/>

17. Общие цели [Электронный ресурс] // Международной энергетическое агентство. Режим доступа: https://www.iea.org/russian/pdf/shared_goals.pdf (дата обращения: 01.10.2015)

18. Agreement on an International Energy Program (As amended 9 May 2014) [Electronic resource] // International Energy Agency. Режим доступа: <http://www.iea.org/media/aboutus/iep.pdf> (дата обращения: 01.10.2015)

19. Навстречу более энергоэффективному будущему: применение показателей для совершенствования энергетической политики [Электронный ресурс] // Международное энергетическое агентство. Режим доступа: http://www.iea.org/media/translations/russian/indicators_brochure_ru.pdf (дата обращения: 01.10.2015)

20. Сотрудничество между МЭА и Россией АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

[Электронный ресурс] // Международное энергетическое агентство. Режим доступа: <http://www.iea.org/russian/relationswithrussia/> (дата обращения: 01.10.2015)

21. Our mission [Electronic resource] // Organization of the Petroleum Exporting Countries. Режим доступа: http://www.opec.org/opec_web/en/about_us/23.htm (дата обращения: 01.10.2015)

22. OPEC Statute [Electronic resource] // Устав Организации стран-экспортеров нефти. Режим доступа: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/OPEC_Statute.pdf (дата обращения: 01.10.2015)

23. Solemn Declarations [Electronic resource] // Organization of the Petroleum Exporting Countries. Режим доступа: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/Solemn_Declaration_I-III.pdf (дата обращения: 01.10.2015)

24. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/iaea/> (дата обращения: 01.10.2015)

25. International Energy Forum (IEF) [Electronic resource] // Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.ief.org> (дата обращения: 01.10.2015)

26. International Renewable Energy Agency (IRENA) [Electronic resource] // Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.irena.org/home/index.aspx?PriMenuID=12&mnu=Pri> (дата обращения: 01.10.2015)

27. Gas Exporting Countries Forum (GECF) [Electronic resource] // Официальный сайт Форума стран-экспортеров газа. Режим доступа: <http://www.gecf.org> (дата обращения: 01.10.2015)

28. G20 [Electronic resource] // Официальный сайт Большой двадцатки. Режим доступа: <http://g20.org> (дата обращения: 01.10.2015)

29. Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. — Harlow: Pearson Education Limited, 1991.

30. Sustainable, secure and affordable energy for Europeans [Electronic resource] // The European Union explains. Publication Office of European Union. Luxembourg, 2012. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/energy.pdf> (дата обращения: 01.10.2015)

31. Treaty establishing the European Coal and Steel Community, ECSC Treaty [Electronic resource] // EUR-Lex. Access to European Union Law. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV:xy0022> (дата обращения: 01.10.2015)

32. Treaty establishing the European Atomic Energy Community (Euratom) [Electronic resource] // EUR-Lex. Access to European Union Law. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:xy0024> (дата обращения: 01.10.2015)

33. Treaty of Maastricht on European Union [Electronic resource] // EUR-Lex. Access to European Union Law. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV:xy0026> (дата обращения: 01.10.2015)

34. European Energy Charter [Electronic resource] // EUR-Lex. Access to European Union Law. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:127028> (дата обращения: 01.10.2015)

35. Communication from the Commission. Energy for the Future: Renewable Sources of Energy. White Paper for a Community Strategy and Action Plan. [Electronic resource] // European Commission. COM(97)599 final (26/11/1997). Режим доступа: http://iet.jrc.ec.europa.eu/remea/sites/remea/files/com97_599_en.pdf (дата обращения: 01.10.2015)

36. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions.

On security of energy supply and international cooperation - "The EU Energy Policy: Engaging with Partners beyond Our Borders" /* COM/2011/0539 final */ [Electronic resource] // EUR-Lex. Access to European Union Law. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52011DC0539#text> (дата обращения: 01.10.2015)

37. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. European Energy Security Strategy /* COM/2014/0330 final */ 28/05/2014 [Electronic resource] // EUR-Lex. Access to European Union Law. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52014DC0330&qid=1407855611566> (дата обращения: 01.10.2015)

38. Energy [Electronic resource] // Asia-Pacific Economic Cooperation. Режим доступа: <http://www.apec.org/Home/Groups/SOM-Steering-Committee-on-Economic-and-Technical-Cooperation/Working-Groups/Energy> (дата обращения: 01.10.2015)

39. APEC Energy Demand and Supply Outlook 5th Edition [Electronic resource] // Asia-Pacific Economic Cooperation. February 2013. Режим доступа: http://aperc.ieej.or.jp/file/2013/2/22/EDSO_Vol1_Full.pdf (дата обращения: 01.10.2015)

40. APEC Energy Working Group [Electronic resource] // Asia-Pacific Economic Cooperation. Режим доступа: <http://www.ewg.apec.org> (дата обращения: 01.10.2015)

41. EWG Strategic Plan for 2014-2018 [Electronic resource] // APEC Secretariat. 31 August – 2 September 2015. Режим доступа: http://mddb.apec.org/Documents/2015/EWG/EGEEC46/15_egeec46_008.pdf (дата обращения: 01.10.2015)

42. 2014 APEC Energy Ministerial Meeting. Beijing Declaration - Joining Hands Toward Sustainable Energy Development in the Asia-Pacific Region [Electronic resource] // Ministerial Statements. Asia-Pacific Economic Cooperation. Beijing, China, 2 Sep 2014. Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Ministerial-Statements/Energy/2014_energy.aspx (дата обращения: 01.10.2015)

43. Latin American Energy Organization (OLADE) [Electronic resource] // Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.olade.org> (дата обращения: 01.10.2015)

44. Energy [Electronic resource] // Council of the Baltic Sea States. Режим доступа: <http://www.cbss.org/energy-2/> (дата обращения: 01.10.2015)

УДК 32.019

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФАКТОР И СМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2016

Кобелянов Андрей Сергеевич, журналист холдинга «Москва Медиа», аспирант
*Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Волгоград (Россия)*

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы государственного влияния на средства массовой информации на современном этапе развития политической системы Российской Федерации. Автор исследовал факторы обуславливающие характер нынешнего взаимодействия власти и медиа, особенности положения средств массовой информации и их роль в общественной и политической жизни страны.

Ключевые слова: средства массовой информации, власть, аудитория, информация, рынок СМИ, телевидение, радио, интернет, публичная власть, нормативные теории СМИ, государственное регулирование, общественное мнение.

STATE AND THE MEDIA IN MODERN RUSSIA

© 2016

Kobelyanov Andrey Sergeyevich, journalist of «Moscow Media» holding, postgraduate student
*Volgograd branch of The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd (Russia)*

Abstract. The article deals with the mechanisms of state influence on the media at the present stage of the political system of the Russian Federation. The author investigated the factors causing the character of the interaction between the authorities and the media, the situation of the media and its role in social and political life of the country.

Keywords: media, power, auditory, information, media market, television, radio, internet, public power, normative media theory, government regulation, public opinion.

Первоначально в историческом развитии средства массовой информации (СМИ) возникали как инструмент артикуляции и пропаганды представлений различных социальных групп и политических организаций, однако по мере развития демократических режимов воззрения на роль медиа в обществе и во взаимосвязи с государством начали изменяться. Это связано с тем, что с начала XX века возможности средств массовой многократно возросли, начал формироваться рынок СМИ, где происходила концентрация собственности в руках крупного капитала [1, р. 146]. Постепенно нарастали противоречия между провозглашаемой свободой слова и волей собственников медиа, в частности это привело к созданию в 40-е годы в США Комиссии по свободе прессы. В её состав вошли учёные, политики и лидеры общественных организаций. В рамках работы Комиссии была сформулирована теория социальной ответственности медиа, а также этический кодекс журналиста. Денис Маккуйэл так описывает основные принципы теории социальной ответственности: во-первых медиа должны взять на себя и выполнять определенные обязательства перед обществом, эти обязательства должны выполняться за счет установления высоких или профессиональных стандартов информативности, правдивости, точности, объективности и баланса; во-вторых, медиа в целом должны быть плюралистскими и отражать разнообразие общества, предоставляя доступ к различным точкам зрения и праву на ответ, при этом журналисты и медиаменеджеры должны быть подотчетны перед обществом, так же как перед работодателями и рынком [2, р. 51].

Позднее появились и другие нормативные теории средств массовой информации: авторитарная, либертарианская, советская, партисипаторная теория или теория демократического участия и другие [3].

Сейчас в развитых странах доминирующей точкой зрения является та, согласно которой СМИ – это проводник или посредник между обществом и государственным аппаратом, который предоставляет достоверную и объективную, максимально полную информацию о происходящих в обществе событиях [4]. Однако рассматривать роль СМИ лишь с аксиологической точки зрения недостаточно, поскольку во-первых используя термин Маршалла Маклюэна, не учитываются воздействие СМИ как «сообщения»: «воздействие технологий как средств коммуникации происходит прежде всего не на уровне мнений или понятий; оно меняет сенсорные пропорции и схематизм построения восприятия» [5, с. 57]. Во-вторых, согласно мнению Карла Поппера за лю-

быми, нейтральными и объективными на первый взгляд, фактами так или иначе стоит определенное видение, представление. Например, каждый выпуск новостей на радио или телевидении имеет свой хронометраж, у каждой газеты ограниченное число полос, а значит из всего перечня событий, процессов и явлений, который происходят в стране и мире журналисты выбирают лишь определенное количество, которые они считают общественно важными и значимыми. Поппер указывает, что не может быть информации, которая не несла бы в себе определенную тенденцию, поскольку она прослеживается уже в самом выборе содержания, когда нужно выбрать, о чем люди должны быть информированы. В этом смысле нормативные концепты о том какое положение медиа должны занимать в обществе рискуют оказаться лишь фантомом.

В современных государствах, особенно при гибридных и авторитарных режимах, и даже в транзитных, переходных демократиях к которым иногда относят и Российскую Федерацию деятельность СМИ как института определяется «габитусом» или рамками допустимого функционирования, на формирование которого влияет множество факторов: культурных, правовых и экономических. Поэтому редуцирование работы средств массовой информации к морально-этическому императиву не позволяет с одной стороны понять какое положение они действительно занимают в политической системе, а с другой определить возможность перехода в новое качественное состояние, в том числе согласуясь с той или иной нормативной моделью.

Влияние масс-медиа на политику существенно усиливается со второй половины XX века, и это обусловлено, прежде всего распространением телевидения. Как писал Пьер Бурдьё: «Телевидение определяет доступ к социальной и политической жизни» [6, с. 32]. Сегодня именно телевидение как вид медиа, представляется наиболее значимым. Согласно социологическим данным, для шести из десяти россиян основным источником новостей о происходящих в стране событиях является именно телевидение [7], а доверяют информации полученной из федеральных каналов 78 процентов жителей страны [8] – это означает, что телевидение занимает ключевое положение в структуре российских медиа. Однако не все каналы имеют одинаковое распространение и влияние: в 2009 году вступил в силу указ Президента РФ, согласно которому в России появился список телеканалов обязательных для вещания во всех видах цифрового эфирного, кабельного и спутникового телевидения на всей тер-

ритории страны [9].

В этот – «первый мультиплекс» на данный момент входит 10 телеканалов и 3 радиостанции, из них 6 телеканалов напрямую принадлежат государству: «Первый канал», «Россия-1», «Культура», «Россия-24», «Карусель», «ТВ Центр», а оставшиеся 4 косвенно им контролируются. Так, телеканал «НТВ», и «Матч ТВ» входят в медиахолдинг «Газпром-Медиа», который аффилирован с рядом государственных компаний. Общественное телевидение России имеет статус автономной некоммерческой организации, однако полностью финансируется государством, а директор ОТР назначается президентом. Формально частным является лишь «Пятый канал», непосредственный владелец которого «Национальная медиа группа», вместе с тем, треть акций этого СМИ принадлежит правительству Петербурга. Среди радиостанций все 3 принадлежат государству (ВГТРК). На общественно-политическое информационное вещание ориентированы «Первый канал», «Россия-1», «Россия-24», «НТВ», «Пятый канал», «ТВ Центр», «ОТР». Информационные и аналитические программы являются очень популярными у жителей страны. Так вечерний выпуск новостей на «Первом канале» стал вторым в рейтинге ста самых востребованных на телевидении программ, а вечерний выпуск «Вестей», который выходит на канале «Россия-1» находится на восьмой строчке. Еще один формат – информационно-аналитические программы, в которых подводятся итоги недели. Здесь безусловным лидером является программа «Вести недели с Дмитрием Киселевым», которая занимает третью строчку. «Воскресное Время» с Ирадой Зейналовой на шестнадцатом месте. Главной аналитической программой на российском телевидении является «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» – она располагается на 14 месте [10].

Однако в России начиная с начала нулевых годов все большее распространение получают и так называемые «новые медиа» – электронные и сетевые издания. Наиболее популярными ресурсами которые распространяют общественно-политическую и экономическую информацию являются ресурсы РБК (частный собственник: группа «ОНЭКСИМ» Михаила Прохорова), месячная аудитория которого почти 11 миллионов человек, у РИА Новостей (собственник: государство МИА «Россия сегодня»), сайта «Вести.ру» (собственник государство ФГУП «ВГТРК») и «Комсомольской правды» (частный собственник: группа «ЕСН», Григория Берёзкина) месячная аудитория около 10 миллионов. У портала «Российской газеты» (собственник: государство ФГБУ «Редакция «Российской газеты») – 8,5 миллионов. Среди других востребованных ресурсов «Lenta.ru» (7,7 млн., частный собственник «Rambler&Co», Александр Мамут), «Gazeta.ru» (7,7 млн., частный собственник «Rambler&Co», Александр Мамут), сайт газеты «Аргументы и факты» (7 млн., собственник государство ОАО «Московские информационные технологии», Правительство Москвы), «Tass.ru» (6 млн., собственник государство ФГУП «ИТАР-ТАСС»), сайт радиостанции «Эхо Москвы» (5,2 млн., частный собственник «Газпром-Медиа») [11].

Интернет является главным источником новостей для каждого четвертого россиянина. Около 74 процентов жителей страны старше 12 лет или почти 47 миллионов человек использует Интернет хотя бы один раз в месяц, динамику развития может демонстрировать хотя бы тот факт, что в 2008 году показатель составлял 40 процентов. Стоит отметить, что среди россиян в возрасте от 12 до 44 лет практически каждый пользуется мировой сетью, а использование Интернета существенно снижается лишь после 65-ти лет. В среднем каждый пользователь проводит в сети 130 минут в день [11].

Таким образом Интернет сегодня является в России вторым по значению каналом распространения общественно-политической информации. Среди наиболее

популярных ресурсов далеко не все являются зарегистрированными средствами массовой информации, это например, развлекательные порталы «Кинопоиск» (аудитория 15,7 млн в месяц), «Kinogo.co» (аудитория 12,3 млн в месяц), сайты объявлений «Avito.ru», интернет-магазины «Aliexpress.com» (аудитория 22,3 млн в месяц). Однако с точки зрения воздействия на политический процесс, помимо самих медиа имеют значение социальные сети и агрегаторы новостей.

Отметим две наиболее популярные социальные сети – «ВКонтакте» (аудитория 49,6 млн. в месяц) и «Одноклассники» (аудитория 34,2 млн в месяц), которые находятся в частной собственности: ими владеет миллиардер Алишер Усманов. Бизнесмену также принадлежит портал «Mail.ru» и издательский дом «Коммерсантъ». Несколько крупных интернет-проектов контролирует финансист Александр Мамут, они объединены в холдинге Rambler&Co: Lenta.ru, Gazeta.ru и другие. Несмотря на то, что большая часть самых посещаемых средств массовой информации (без учета социальных сетей и агрегаторов) находится в частной собственности совокупная аудитория отличается не столь значительно: 80 миллионов у частных медиа, 45 миллионов у государственных.

Стоит однако учитывать, что в РФ даже формально частные СМИ находятся и под существенным влиянием государства. Фактически в условиях переходного политического режима России, государство является монополистом на рынке средств массовой информации, обладая при этом целым набором методов и инструментов, которые позволяют воздействовать на российские медиа и общественное мнение. В 2015 году в сети Интернет появляется массив переписки предположительно заместителя главы управления внутренней политики Администрации Президента РФ Тимура Прокопенко с генеральным директором холдинга «РБК» Николаем Молибогом (он подтвердил подлинность переписки). В ней чиновник давал указания и комментарии по поводу редакционной политики «РБК». Чиновник пытался влиять на публикацию материалов «РБК», в частности, посвящённых маршу за федерализацию Сибири, расследованию об участии российских военных в конфликте на Украине, об организации гуманитарного конвоя на юго-восток Украины и другие [12]. За последние несколько лет Государственная Дума приняла несколько законов, регулирующих деятельность СМИ. В частности в 2014 году вступили в силу поправки в закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» №398-ФЗ, которые позволили Генеральной прокуратуре во внесудебном порядке выносить решение о блокировке Интернет-ресурсов, которые распространяют призывы к массовым беспорядкам, экстремистской деятельности и участию в нелегальных собраниях. Только за первые шесть месяцев действия новых поправок Роскомнадзор заблокировал более 85 сайтов. В частности, которые публиковали критические, оппозиционные материалы: новостной портал Grani.ru, интернет-журнал «Ежедневный журнал», сайт Kasparov.ru, который принадлежит оппозиционеру Гарри Каспарову. В 2014 году Роскомнадзор вынес предупреждение одному из самых популярных «электронных» СМИ – Lenta.ru за публикацию интервью с лидером украинской националистической группы «Правый сектор» (признана в России экстремистской). Вскоре после этого владелец ресурса Александр Мамут уволил главного редактора Галину Тимченко, и почти 40 сотрудников покинули редакцию не согласившись с этим решением [13].

Таким образом, сегодня у политического режима РФ есть достаточно ресурсов: финансовых, правовых и административных, которые обеспечивают возможность выстраивать такую информационную политику, которая с одной стороны определяется гомогенностью репрезентации происходящих в стране и мире процессов и явлений, а с другой она занимает доминирующее

положение. Исходя из этого, можно сделать вывод, что СМИ в Российской Федерации выступают в роли агента государства, а медиативная функция посредника между различными социальными группами отходит на второй план. Представляется, что это связано с тем, что власть не стремится к диалогу с общественными группами, и реальному, субъект-субъектному взаимодействию с ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Pickard, Victor. America's Battle for Media Democracy. – Cambridge University Press, 2014, 262 p.
2. McQuail, D McQuail's Mass Communication Theory (fifth edition) – Sage, 2005. – 616 p.
3. Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы / Пер. с англ. – М., Национальный институт прессы и изд-во Вагриус, 1998. – 223 с.
4. Нисневич Ю. А. Информационное пространство России: между телевизором и Интернетом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 4. С. 5-14.
5. Маклюэн Маршалл. Понимание Медиа. М.: Кучково поле, 2014, С. 57
6. Пьер Бурдьё. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; — М.: Фонд научных исследований "Прагматика культуры", Институт экспериментальной социологии, 2002. — 160 с.
7. Опрос ФОМ: Доверие российским СМИ. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12140> (дата обращения: 20.02.2016 г.)
8. Опрос ВЦИОМ: Вся правда - в телевизоре? URL: <http://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/mass-media-trust/article/vsja-pravda-v-televizore.html> (дата обращения: 20.02.2016 г.)
9. Указ Президента РФ от 24.06.2009 N 715 (ред. от 15.07.2015) "Об общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах" URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88782/942772dc_e30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 15.02.2016 г.)
10. TNS TV Index Russia. URL: http://www.tns-global.ru/services/media-audience/tv/national-and-regional/audience/?arrFilter_pf%5BCITY%5D=5096&arrFilter_pf%5BPERIOD%5D=15%2F02%2F2016+-+21%2F02%2F2016&arrFilter_pf%5BTYPE%5D=66&set_filter=%D0%A1%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y (дата обращения: 20.02.2016 г.)
11. TNS Web Index Russia. URL: [http://www.tns-global.ru/services/media-audience/internet/information/?download=1156&date=2016%2001&arrFilter_pf\[YEAR\]=2016&set_filter=Y](http://www.tns-global.ru/services/media-audience/internet/information/?download=1156&date=2016%2001&arrFilter_pf[YEAR]=2016&set_filter=Y) (дата обращения: 20.02.2016 г.)
12. Гендиректор РБК подтвердил подлинность опубликованной переписки с Кремлем. URL <https://slon.ru/posts/49939> (дата обращения: 20.02.2016 г.)
13. Уволить без объявления причин. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/03/13/uvolit-bez-obyavleniya-prichin> (дата обращения: 20.02.2016 г.)
14. Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. – М.: Московское бюро по правам человека, "Academia", 2007. С. 64-66.
15. Балынская Н.Р., Миронов Ю.В. Функционирование СМИ как субъекта политики в условиях новой России // Судьба России: вектор перемен. Материалы Международной научной конференции. Т. I / Под ред. Р.Г. Пихои. Екатеринбург-Москва: Академический проспект. 2007. С. 239-241.

УДК 341

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА БАЛАНСА РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИХ
ИНТЕРЕСОВ В ЕВРОРЕГИОНЕ «БАЛТИКА»**

©2016

Красовский Александр Михайлович, кандидат политических наук, докторант факультета национальной безопасности*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва (Россия)*

Аннотация. В статье рассматривается институциональная основа баланса российско-европейских интересов в еврорегионе «Балтика». На основе изложенного материала подготовлены выводы и рекомендации по совершенствованию институциональной основы приграничного сотрудничества. Статья содержит актуальные сведения по развитию Калининградской области в сфере приграничного сотрудничества, а также индикативные показатели, текущие и прогнозируемые.

Ключевые слова: Европейский союз, еврорегион, институциональная основа, приграничное сотрудничество, Калининградская область, баланс, индикаторы приграничного сотрудничества.

**THE INSTITUTIONAL BASIS OF THE RUSSIAN AND EUROPEAN INTERESTS
IN THE BALTIC EUROREGION**

©2016

Krasovsky Alexander Mikhaylovich, the candidate of political sciences, the doctoral candidate of faculty of a homeland security*Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation,
Moscow (Russia)*

Abstract. The article deals with the institutional basis of the Russian and European interests in the Baltic Euroregion. It presents the conclusions and improvement recommendations of the institutional basis of the border cooperation on the ground of the material. The article contains the actual information of the Kaliningrad region development in the sphere of the border cooperation, and also the current and predicted indicative indicators.

Keywords: European Union, Euroregion, institutional basis, border cooperation, Kaliningrad region, balance, indicators of the border cooperation.

Институциональная основа баланса интересов – система взаимосвязанных социальных и законодательных норм, институтов гражданского общества и государственной власти, определяющих баланс интересов в настоящей геополитической ситуации.

Законодательная база межрегионального приграничного сотрудничества в Российской Федерации формируется на основе следующих ключевых документов:

– Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации (утверждена в феврале 2001 г.), которая определяет, что федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации и граждане в рамках законодательства Российской Федерации могут участвовать в приграничном сотрудничестве. При этом органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в пределах их полномочий могут осуществлять сотрудничество с органами власти административно-территориальных образований сопредельных государств, а в отдельных случаях (с согласия Правительства Российской Федерации) – с органами государственной власти сопредельных государств [1];

– Федеральный закон Российской Федерации «О ратификации Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» (принят в июле 2002 г.) [2];

– Федеральный закон Российской Федерации «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» и «Соглашение о приграничном сотрудничестве в области изучения, освоения и охраны недр» (принят в мае 2001 г.) [3, 4].

Сотрудничество между Российской Федерацией и Европейским союзом достигло нового уровня – уровня регионов. В результате, возрос интерес к Калининградской области Российской Федерации со стороны государств региона Балтийского моря, что привело к активизации процессов приграничного сотрудничества между областью и ее соседями по региону Балтийского моря – странами-членами Евросоюза.

Приграничное сотрудничество предполагало и

предполагает помощь российским регионам со стороны Европейского союза в различных сферах – охрана окружающей среды, передача опыта по вопросам регионального и муниципального управления и развития гражданского общества, решение проблем социального характера. Хорошей основой для развития приграничного сотрудничества являются культурные связи.

Создание еврорегионов может расцениваться как этап институционализации трансграничных регионов и преследует долгосрочные цели социальной и экономической интеграции по обе стороны границы. Именно такие процессы происходили и происходят в результате создания «первой волны» еврорегионов – внутри границ Европейского союза (до 1 мая 2004 г.). Вторым типом еврорегионов являются трансграничные регионы, созданные на границе между «старыми» государствами-членами Евросоюза и бывшими странами-кандидатами с целью поддержки процесса расширения ЕС и обеспечения условий для социально-экономической интеграции. Третий тип еврорегионов – между странами ЕС и сопредельными государствами (в том числе Россией) является наиболее уязвимым, поскольку в самой основе их лежит внутреннее противоречие между целями развития приграничного сотрудничества и «содействия взаимным контактам» и правилами Лиссабонского соглашения, суть которого – держать внешнюю границу Евросоюза «на замке». Другими проблемами, снижающими результативность деятельности еврорегионов с участием России являются существующие административные барьеры, отсутствие общего видения будущего развития, а также, в немалой степени, и проблемы получения финансирования. Последняя проблема стала следствием недостаточной координации между различными финансовыми инструментами поддержки сотрудничества, имеющимися у Евросоюза [5].

Региональная политика и поддержка приграничного сотрудничества является одной из сфер сотрудничества Совета министров Северных стран (СМСС) – организации межправительственного сотрудничества пяти стран Северной Европы (Дании, Исландии, Финляндии, Норвегии и Швеции) и трех автономных регионов (Гренландии, Фарерских и Аландских островов), уч-

режденной в 1971 году. С начала 1990-х годов СМСС начал активную работу в Прибалтике и на северо-западе Российской Федерации. В 2002 г. с целями усиления трансграничного сотрудничества в прибалтийских государствах и на северо-западе России в рамках расширения Евросоюза, содействия созданию сети регионов трансграничного сотрудничества (еврорегионов) в сопредельных регионах и обеспечения тесных связей между новой сетью еврорегионов и уже существующей сетью трансграничного сотрудничества стран Северной Европы в 2002-2004 гг. был реализован проект «Региональное трансграничное сотрудничество на прилегающих территориях». В новой сети участвуют 12 еврорегионов, в том числе с участием регионов Российской Федерации.

Проект «Региональное трансграничное сотрудничество на прилегающих территориях» к настоящему моменту завершен. В то же время СМСС считает необходимым обеспечить дальнейшее функционирование и развитие созданной сети еврорегионов, например, в рамках нового совместного пилотного проекта между СМСС и СГБМ (Совет государств Балтийского моря). Целью такого проекта должно стать создание совместной программы по поддержке приграничного сотрудничества на внешней границе Евросоюза в регионе Балтийского моря. СМСС также считает целесообразным осуществлять и другие проекты в сфере приграничного сотрудничества совместно с СГБМ. Поскольку это позволит обеспечить совместные действия всех стран, входящих в регион Балтийского моря и повысить координацию действий организаций, деятельность которых затрагивает вопросы развития северной Европы. По мнению СМСС, дальнейшее развитие взаимодействия на границе между Евросоюзом и Россией требует определения новых конкретных тем для приграничного сотрудничества, поскольку общая формулировка «поддержка приграничного сотрудничества», используемая Северными странами до настоящего времени, является слишком широкой и трудно выполнимой в условиях новой границы между ЕС и Россией.

В целом расширение Евросоюза в 2004 г. привело к кардинальному пересмотру механизмов взаимодействия между ЕС и соседними государствами, в том числе с Россией. Инициатива Европейского союза, получившая название «Широкая Европа – Новое Добрососедство», была провозглашена в 2003 году. Целями данной инициативы являлось улучшение условий для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и людей, а также развития зоны процветания и дружественного добрососедства. Особое место инициатива «Нового добрососедства» отдала укреплению отношений и сотрудничества с Россией. Практическая реализация этой политики была прописана в принятом Европейской Комиссией Сообщении «На пути к новому механизму добрососедства». Данный документ предусматривал создание механизма решения общих задач, возникающих в процессе взаимодействия на внешних границах расширенного ЕС. Данный механизм добрососедства был призван обеспечить условия для развития приграничного, регионального или транснационального сотрудничества на внешних границах. Он затронул не только сферу реализации внешней политики Евросоюза, но и задачи экономической и социальной интеграции. Приоритетами этого механизма добрососедства явились:

- содействие экономическому и социальному развитию приграничных областей;
- совместная деятельность по решению общих задач в таких областях как окружающая среда, здравоохранение и борьба с организованной преступностью;
- обеспечение эффективности и безопасности границ;
- содействие мероприятиям, способствующим контактам между людьми на местном уровне [6].

Реализация механизма добрососедства началась в 2006 г., после того как были урегулированы правовые и

бюджетные вопросы. Период с 2004 по 2006 гг. являлся переходным. Задачей переходного этапа было укрепление взаимодействия между существующими механизмами сотрудничества на основе создания программ добрососедства (ПД). Такие программы создавались и реализовывались специальными рабочими группами, учрежденными по обе стороны границы. Финансирование ПД осуществлялось на основе существующих механизмов (ИНТЕРРЕГ, Тасис, ФАРЕ, КАРДС), однако была введена единая программа, единая процедура применения и единый процесс отбора приграничных проектов. Ключевым условием участия в программе и выделения финансирования являлось осуществление работы по проекту как на территории ЕС, так и вне ее.

С 2010 года основным финансовым инструментом для развития приграничного сотрудничества является Европейский инструмент Соседства и Партнерства (ЕИСП), который позволяет вести серьезную работу по достижению более устойчивого развития экономики и социальной сферы в регионах, граничащих с Европейским союзом, на основе усиления регионального сотрудничества и кооперации [7]. Программа приграничного сотрудничества ЕИСП «Литва – Польша – Россия 2007-2013» была ориентирована на четыре цели:

- содействие экономическому и социальному развитию регионов;
- сотрудничество по преодолению общих вызовов;
- обеспечение эффективных и безопасных границ;
- содействие приграничному сотрудничеству [8].

Основными инструментами развития приграничных отношений для муниципальных образований с ближайшими соседями – литовскими и польскими партнерами выступают договоры об экономическом и социально-культурном сотрудничестве, включая договоры прямого взаимодействия организаций и учреждений сферы образования и социальной защиты, институтов гражданского общества. К концу 2010 года администрации 22 муниципальных образований второго уровня имели 18 договоров об экономическом и социально-культурном сотрудничестве с приграничными территориями Литовской Республики и 74 договора об экономическом и социально-культурном сотрудничестве с городами, гминами и повятами Республики Польша.

Для дальнейшего совершенствования инфраструктуры, в том числе погранпереходов и трансевропейских транспортных коридоров, проходящих по территории муниципальных образований, состыковки вопросов охраны окружающей среды, решения социальных вопросов с приграничными партнерами администрациями муниципальных образований Калининградской области при поддержке Министерства по муниципальному развитию Калининградской области формируются новые проектные заявки для подачи на II конкурс Программы приграничного сотрудничества «Литва – Польша – Россия».

Как важный перспективный инструмент расширения приграничного сотрудничества рассматривается формат новой программы приграничного сотрудничества «Литва – Польша – Россия 2014-2020» с большим объемом европейско-российского финансирования.

С учетом окончательного оформления положений, регулирующих вопросы европейских региональных объединений сотрудничества в Российской Федерации, потребуется основательная и оперативная проработка вопросов по закреплению новых статусов еврорегионов, действующих в Калининградской области, в том числе и возможное рассмотрение мер по оптимизации их количества с целью консолидации сил и средств участников данных объединений.

Для качественного регулирования вопросов организации приграничного сотрудничества на уровне муниципальных образований Калининградской области, повышения эффективности использования финансовых ресурсов, привлекаемых в рамках соответствующих

программ, актуализируется вопрос подготовки целевой программы Калининградской области, определяющей стратегические цели, участие муниципальных образований Калининградской области в проектах приграничного сотрудничества и тактические задачи, обеспечивающие достижение заявленных приоритетов. Подобный документ обеспечит:

- проведение комплексной оценки (анализа) состояния ресурсов и возможностей муниципальных образований Калининградской области в части их перспектив работы в проектах приграничного сотрудничества;
- обоснование выбора индивидуальных приоритетов и основных направлений сотрудничества муниципальных образований Калининградской области;
- закрепление необходимых финансовых ресурсов и усиление контроля их использования;
- отбор лучших европейских разработок и практик, используемых в реализации механизмов приграничного сотрудничества;
- создание перспективной системы взаимодействия, поддержки и развития межмуниципальных центров (центра) приграничного сотрудничества и развития;
- подготовку муниципальных специалистов в области приграничного сотрудничества, обладающих необходимыми профессиональными навыками разработки документов для проектов, реализуемых с участием иностранных партнеров;
- укрепление и сохранение партнерских отношений и многочисленных контактов между участниками приграничных проектов;
- ускорение адаптации процессов социально-экономического развития территорий муниципальных образований Калининградской области в европейском пространстве хозяйственного развития и возможность их последующего проецирования в качестве модельных проектов на иные приграничные территории Российской Федерации.

Представленные меры позволят вывести вопросы приграничного сотрудничества на более качественный уровень и использовать данный инструмент как мощный потенциал социально-экономического развития всей территории Калининградской области.

Одним из основных документов, определяющих направление приграничного сотрудничества в Калининградской области и создающим основу для развития российского компонента стратегии развития стран региона Балтийского моря применительно к Калининградской области, является «Стратегия социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу», принятая к реализации [9].

Калининградская область рассматривается как контактная территория и полюс интеграции России и Европейского союза, где приоритетное значение имеет развитие разнообразных форм приграничного сотрудничества как в экономической, так и социальной сфере.

Выделяют три группы индикативных показателей приграничного сотрудничества: общие, частные и специальные [10].

Общие индикаторы (табл. 1) отражают макроэкономические обобщающие характеристики социально-экономического положения Калининградской области, а также тенденции и прогнозные параметры будущего развития. Таблица составлена на основе данных, приведенных в прогнозе социально-экономического развития городского округа «Город Калининград» на долгосрочный период, а также на основе стратегии социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу.

Частные индикаторы приграничного сотрудничества отражают общие условия развития приграничного сотрудничества при минимизации региональных аспектов развития приграничного сотрудничества Калининградской области. Частные индикаторы приграничного сотрудничества:

– параметры желаемого состояния конъюнктуры мировых рынков и условий развития мирохозяйственных связей, которые оказывают влияние и обуславливают перспективы для международного развития Калининградской области.

Таблица 1. Общие индикаторы социально-экономического развития Калининградской области на период 2014-2018 гг. [9, 11].

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018
1. Валовой региональный продукт (ВРП), млн. руб.	29474,2	298718	316956	348549	385740
В сопоставимых ценах, к предыдущему году	100,7	94,1	100,1	103,9	105,2
2. ВРП на душу населения, тыс. руб.	329,5	361,3	319,4	360,6	391,3
Индекс физического объема ВРП (процент к предыдущему году в сопоставимых ценах) (инерционный)	105,0	104,5	84,0	107,0	103,0
3. Прогнозируемая фактическая численность населения, тыс. чел.	966,0	971,8	977,7	984,0	990,3
4. Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году	108,7	91,5	100,9	102,4	100,5
5. Продукция сельского хозяйства во всех категориях хозяйств, млн. руб.	24785	30879	34364	37396	40419
Индекс производства, в % к предыдущему году	109,1	106,4	105,4	104,3	104,0
6. Инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования, в действующих ценах, млн. руб.	58501	59515	68011	76936	83773
В сопоставимых ценах, к предыдущему году, %	81,8	92,4	106,4	106,5	103,8
7. Реальная заработная плата, в % к предыдущему году	97,4	92,1	100,2	104,9	104,2
8. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	12,4	13,0	12,9	12,5	12,1
9. Прогноз регистрируемой безработицы на конец года, %	1,1	1,6	1,4	1,3	1,2

Важными условиями развития всех форм приграничного сотрудничества в Калининградской области является урегулирование круга вопросов организационного, административно-правового характера. Во-первых, необходимо решить вопросы транспортного сообщения с остальной территорией России, обеспечить развитие механизмов свободного перемещения труда, капитала, товаров и услуг через границы сопредельных государств.

Во-вторых, с целью содействия развитию разнообразных форм приграничного сотрудничества необходимо выполнять совместные проекты в сфере приграничной инфраструктуры, имеющей трансграничное значение.

В-третьих, возникает объективная необходимость в обеспечении регулярного диалога с сопредельными государствами по вопросам беспрепятственного транзита через их территорию, по гармонизации тарифной политики, более полного использования портового комплекса Калининградской области.

В-четвертых, должна вестись работа по укреплению и расширению договорно-правовой базы в форме двустороннего и многостороннего сотрудничества регионов.

На сегодняшний день на договорно-правовой основе уже развиваются партнерские связи с Поморским, Варминьско-Мазурским и Подляским воеводствами, осуществляется торгово-экономическое сотрудничество с регионами Литвы, Швеции, Дании и т. д. Однако динамичное развитие международного сотрудничества, в частности приграничного, предполагает развитие партнерских связей и более тесное партнерство со всеми странами Европы, в первую очередь со странами Балтийского региона. Это связано с тем, что по мере интернационализации хозяйственной жизни приграничные связи и многосторонние контакты выходят за пределы сфер сотрудничества только соседних государств региона.

С учетом имеющейся специфики региональных связей Калининградской области с сопредельными государствами целесообразно задать специальные параметры (индикаторы) развития приграничного сотрудничества Калининградской области на среднесрочную перспективу. Группа специальных индикаторов приграничного сотрудничества включает:

1. Число международных проектов и программ приграничного сотрудничества в сфере образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, энергетике.
2. Привлечение внешнего финансирования по меж-

дународным проектам и программам.

3. География международного сотрудничества, расширение партнерских отношений с приграничными государствами и странами Балтийского региона.

4. Развитие туризма: приток/отток туристов в/из Калининградской области.

5. Развитие новых и поддержка уже представленных на территории Калининградской области форм приграничного сотрудничества.

Таким образом, необходим междисциплинарный подход в определении формирования политического механизма обеспечения региональной безопасности на Балтийском направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2001 г. № 196-р // СПС КонсультантПлюс

2. Федеральный закон от 22.07.2002 № 91-ФЗ «О ратификации Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» // СПС КонсультантПлюс

3. Федеральный закон от 04.01.1999 № 4-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

4. Соглашение о приграничном сотрудничестве в области изучения, освоения и охраны недр от 31.05.2001 г. // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации // www.mid.ru

5. «Договор о Европейском Союзе» (с изм. и доп. от 13.12.2007) // СПС КонсультантПлюс

6. «На пути к новому механизму добрососедства» / COM (2003)393 final, 1.7.2003

7. Приграничное сотрудничество в рамках Европейского Инструмента Соседства и Партнерства / Сайт Представительства Европейского Союза в России. URL : http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/tech_financial_cooperation/cbc_enpi/index_ru.htm (дата обращения : 15.01.2016).

8. ЕИСП «Литва – Польша – Россия 2007-2013» (Официальный сайт) URL : <http://www.lt-pl-ru.eu/ru,1> (дата обращения : 20.01.2016).

9. Постановление Правительства Калининградской области от 02.08.2012 № 583 «О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу».

10. Волошенко, К. Ю. Комплексная система индикаторов приграничного сотрудничества Калининградской области / К. Ю. Волошенко. – В кн. : Российская Балтика : приграничное сотрудничество. – Калининград, 2004. – С. 94-109.

11. Прогноз социально-экономического развития городского округа «Город Калининград» на долгосрочный период // Официальный сайт администрации городского округа «Город Калининград». – Калининград, 2015. URL : <http://www.klgd.ru/economy/prognoz/> (дата обращения : 30.01.2016).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И СООБЩЕСТВА:
НЕ НА СЛОВАХ, А НА ДЕЛЕ. КЕЙС ШВЕЦИИ

© 2016

Парфенёнок Николай Леонидович, соискатель
Чуков Роман Сергеевич, соискатель*Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург (Россия)*

Аннотация. Международные организации переживают не самые лучшие времена: частые упреки в их неэффективности даже в адрес самых авторитетных из организаций не перестают звучать из уст экспертного сообщества и СМИ. Ситуация с различными международными объединениями еще более плачевная: выступления антиглобалистов на любом саммите большой семерки освещается едва ли не ярче, чем сами форумы. Целью данной статьи является определение роли в международных объединениях Королевства Швеции, главного хипстера политической карты мира. Данная статья отмечает высокий уровень участия в международных организациях, при этом почти полное игнорирование форматов сообществ. Исследование начинается с концептуальных рамок различных форматов международных объединений. В статье анализируются стремления Швеции к роли глобального лидера на примере деятельности в ООН, специфика современного партнерства с НАТО, а также участие в региональных организациях и сообществах. В данной статье также рассматривается то, как Швеция самостоятельно берет на себя те обязательства, которые традиционно являются визитной карточкой форматов G7, G20 и т.д., например, роль международного мекената, при этом реализовывая гуманитарные программы не на словах, а на деле.

Ключевые слова: международные организации, международные объединения, Швеция, ООН, НАТО

INTERNATIONAL ORGANISATIONS OR COMMUNITIES:
BY DEED, NOT BY WORDS. CASE OF SWEDEN

© 2016

Parfenenok Nikolay Leonidovich, applicant
Chukov Roman Sergeevich, applicant*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg (Russia)*

Abstract. International organizations are witnessing not the best of times: the frequent accusations of inefficiency against even the most powerful of organizations are heard from across the expert community and mass media. In regard with the international communities, they are even in a worse situation. Traditionally the attention is paid higher to the mass-meetings of anti-globalization movements during the every G7 summit than to the summits themselves. The objective of this article is to define the role of Sweden as the country-hipster in the international organizations and communities. The article notes the high level of participation of Sweden in international organizations but ignorance of the international communities. In the beginning, this article sets the conceptual borders for the different international units. The article considers the Swedish ambitions as a global leader on the case of UN participation, modern nature of partnership with the NATO and participation in regional organizations and communities. In addition, the article highlights the role of Sweden in international humanitarian projects even without the participation in such fora as G7 or G20 but with clear impact by deed, not by words.

Key words: international organizations, international communities, Sweden, UN, NATO

Теоретические аспекты международных организаций, институтов и интеграционных объединений

Для анализа предмета статьи представляется целесообразным четко утвердить диапазон понимания рассматриваемых терминов: международные форматы и международные организации. Нужно отметить, что существует множество различных взглядов и концепций по интерпретации этих понятий, однако для дальнейшего изучения проблематики роли Швеции в таких международных форматах, как «Группа семи», «Группа двадцати» и в международных организациях (на примере Организации Объединенных Наций, Организации Североатлантического Договора и т.д.) отметим некоторые теоретические моменты.

Анализ различных форм межгосударственного сотрудничества, их организации и функционирования прошел несколько этапов в своем развитии. Как правило, под международными институтами (формальными) понимают международные организации, но в данном исследовании интерес авторов представляют также международные форматы, зародившиеся из практики работы международных конференций, форумов, саммитов, представляющие важную форму международного сотрудничества и имеющие давние традиции.

Введение понятия «международные институты» было осуществлено Дж. Миршаймером, который дал удачное определение институтов как «набора правил, определяющих способы осуществления отношений сотрудничества и конкуренции между государствами»[1]. В данном определении не упоминаются формальные международные организации, ибо функционирование некоторых неформальных международных институтов не связано с ними, а отдельные международные органи-

зации (например, ООН) охватывают не-сколько институтов одновременно.

Хотя международные институты часто и получают формальное выражение в виде международных организаций, государства-члены сообществуют свое поведение с правилами, лежащими в основе институтов. Исходя из этого, Роберт Кеохэйн определил институты, в рамках которых он выделял формальные организации и неформальные институты, как совокупность устойчивых и взаимосвязанных правил, предписывающих роли акторов и структурирующих их деятельность и ожидания [2]. Таким образом, неформальные международные институты могут рассматриваться как набор сформулированных правил в таком формате, который позволяет строить отношения между вовлеченными в них акторами мировой политики.

Неформальные международные объединения играют весомую роль в оказании финансовой помощи, зачастую являются главным генератором миротворческих усилий и программ обеспечения устойчивого развития человечества, все активнее вовлекаются в решение внутренних проблем суверенных государств наряду с глобальными акторами, подобными Организации Объединенных Наций.

Одним из первых подобных институтов Нового времени можно считать Священный Союз, заключенный между монархами Австрии, Пруссии и России. Подобные политические клубы, например, «Группа семи», «Группа двадцати» и БРИКС на сегодняшний момент в основе своей деятельности имеют решение вопросов актуальной повестки дня мировой политики и экономики.

Некоторые действующие международные структуры прошли свой этап становления через фазу неформаль-

ного объединения государств по территориальному признаку или объединяющей интересы стран повестке дня. К таким структурам профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета В.С. Ягья относит, к примеру, Совет Государств Балтийского Моря [3].

Последние события в полной мере указывают на то, что классическая дипломатия, двусторонние контакты между странами зачастую могут являться единственным средством выхода из тупика непреодолимых дипломатических споров в международных форматах. Примером может служить активизация сотрудничества стран на площадке Совета Безопасности Организации Объединенных Наций

Анализируя собственный путь Швеции в части выстраивания отношений с другими государствами, представляется целесообразным обратить внимание на ее отсутствие в международных форматах, имевших существенное влияние в ходе переходного периода становления многополярного мира после распада биполярной системы. Примечательно, что упомянутые форматы в целом и «Группа семи (восьми)» в частности, не имели представительства ни одной из высокоразвитых стран Северной Европы, включая Швецию.

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что Швеция проводит достаточно активную политику в институционализированных организациях, принципиально отличающихся от «семерки» и «двадцатки» наличием устава, штаб-квартиры и секретариата.

Участие Швеции в деятельности ООН

Начать рассмотрение шведской лояльности международным организациям логичнее всего с ООН. В то время как критика данной организации становится жестче, шведский интерес к ООН лишь растет. Если мы проанализируем твиттер шведского министерства иностранных дел, то мы отметим, что количество тегов #UN и смежных с ними максимален, что весьма показательно для столь нейтральной страны.

В начале 2015 года генеральных секретарь Организации Объединенных Наций Пан Ги Мун назначил шведского дипломата Йоакима Рейтера на позицию заместителя генерального секретаря в Конференции ООН по торговле и Развитию (UNCTAD) [4]. Это второй швед, которых назначается на столь высокую позицию в структуре ООН после заместителя генерального секретаря Яна Элиассона. Глава шведского министерства иностранных дел Маргот Вальстрем отмечает [5], что это «назначение подтверждает не только центральную позицию Швеции в Организации Объединенных Наций, но и огромную важность того, что Швеция делает для ООН».

Другим важным моментом является то, что неоднократно на самом высоком уровне в Швеции подчеркивается особая роль страны в мировой политике. Сегодня Швеция уже не согласна мириться с ролью нейтрального посредника в международных отношениях. Шведский МИД репостит [6] в твиттере Гарвардские исследования, демонстрирующие, что Швеция является самым политически и дипломатически сильным членом секретариата ООН (отдельного упоминания заслуживает факт, что отмечается не «один из самых сильных» а «самый сильный»). Также подчеркивается, что шведская позиция по правам человека должна формировать мировую повестку по данному вопросу.

Особенно важны Шведские амбиции по присутствию в Совете Безопасности ООН. Карл Бильдт, бывший премьер-министр Швеции, в чей премьерский срок обсуждались условия интеграции Швеции в Европейский союз в начале девяностых, и кто возглавлял шведский МИД на протяжении восьми лет вплоть до 2014 года, назначен [7] совместно с другим бывшим премьер-министром Хансом Перссоном и бывшим генеральным секретарем шведского МИДа Пьером Шори на позиции почетных послов для достижения места для Швеции в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций.

Карл Бильдт [8] рассматривает Швецию как «гуманитарную сверхдержаву» и подчеркивает важность шведских инициатив для всего международного сообщества. Последний раз Швеция была в Совете Безопасности в 1997-1998 годах, и теперь претендует на место в 2017-2018 годах.

На этом необходимо отметить иную важную деталь: изменения характера шведской публичной дипломатии. Теперь целью становится не просто пропаганда или распространение информации о Швеции и ее позиции по тем или иным международным вопросам, теперь информационная работа проводится гораздо более сложными инструментами и методами для создания условий для претворения в жизнь шведских моделей в глобальном масштабе. Уже недостаточно печатать флаеры о государстве социального благоденствия или приглашать ученых на очередной симпозиум в Стокгольм. Пора адаптировать мировую политику согласно шведским ценностям, и микрофон в Совете Безопасности ООН явно не будет этому помехой.

Швеция и НАТО: союзники или коллеги

Весьма актуально с учетом реалий сегодняшнего дня рассмотреть участие шведов в военных альянсах. Швеция является членом программы НАТО партнерства ради мира с 1994 года [9]. Эта программа включает (помимо военного сотрудничества) такие сферы партнерства, как планирование использования гражданских служб в чрезвычайных ситуациях и ликвидация чрезвычайных ситуаций, сотрудничество по научным и экологическим вопросам. Важно отметить, что даже Россия (которая сегодня имеет ряд разногласий с альянсом по целому ряду глобальных вопросов) по-прежнему является участником данной программы.

Одним из наиболее актуальных вопросов на данный момент является перспектива присоединения Швеции и Финляндии к НАТО. Данный вопрос бурно обсуждается в экспертном сообществе и не покидает страниц газет, и на то есть простое обоснование: Швеция является страной, которая на протяжении вот уже более 200 лет не участвует ни в каких вооруженных конфликтах, и эта страна на сегодняшний день рассматривает возможность интеграции в Североатлантический альянс, что будет воспринято как конец эпохи шведского нейтралитета. Причиной роста протонатовских настроений в шведском обществе является в первую очередь напряженная ситуация на Украине и российская позиция по данному вопросу. Однако, не смотря на всю сложность ситуации, согласно результатам опросов мы видим, что лишь 31% шведов поддерживает интеграцию в альянс (и это цифра уже учитывает рост сторонников интеграции на 9% после присоединения Крыма к Российской Федерации) [10]. В то же время, большинство по-прежнему против интеграции в альянс.

Забавным фактом остается то, что пока СМИ нагнетают обстановку по поводу шансов присоединения Швеции к НАТО, официальный твиттер шведского МИДа за период 1 января – 31 мая 2015 года упомянул альянс лишь дважды, анонсируя визиты общего характера шведской делегации: первый раз упомянул про визит министра иностранных дел Маргот Вальстрем, второй раз про визит шведской парламентской делегации, оба визита были совершены в марте 2015 года [11]. Бесспорно, мы помним одобрение шведским правительством контракта, позволяющего введение натовских оперативных групп на территорию Швеции в сентябре 2014 года, однако мы помним и последовавший вскоре правительственный кризис, и логические корректировки внешнеполитического курса после данного кризиса. Следовательно, можно сделать вывод, что возможность присоединения Швеции к НАТО кажется на сегодняшний день излишне переоцененной. Однако, не стоит забывать про столь любимый Швецией принцип “Ничего личного, только бизнес”: на сегодняшний день Швеция по-прежнему в ТОП-10 стран-экспортеров оружия в мире, среди ее покупателей США, Соединенные

Королевство, Нидерланды, Пакистан, Индия и страны Латинской Америки [12]. Так что в данном смысле шведский нейтралитет является предметом отдельной дискуссии, причем не только за пределами Швеции, но и в ней самой: так шведское мирное арбитражное общество (Swedish Peace and Arbitration Society) отмечает [13] следующие угрозы данного «бизнеса»: способствования разжиганию вооруженных конфликтов и приводит к нарушениям прав человека, бедности и все большей пропасти между развитым и развивающимся миром.

Стокгольм: столица Скандинавии?

Как известно, с 1995 года по результатам референдума Швеция входит в Европейский союз. Рассматривать членство в данной организации не представляется возможным в рамках данной статьи, так как это тема для отдельного и весьма объемного исследования.

Однако, проигнорировать членство в региональных организациях Швеции, разумеется нельзя. Любой пассажир, прилетающий в крупнейший аэропорт Швеции Арландо, видит вывеску: «Добро пожаловать в Стокгольм, в столицу Скандинавии», что неслучайно не только благодаря географическому положению: к примеру, в Стокгольме находится штаб-квартира Совета государств балтийского моря, объединяющий 12 стран-членов региона. Кроме того, Швеция входит в такие региональные организации как Северный Совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона. Что касается примеров шведского участия в региональных сообществах, можно отметить разве что Арктический форум, и то его формат может быть темой отдельной дискуссией в виду наличия у него секретариата.

Швеция и гуманитарная миссия: нет штампа = нет отношений

Традиционно одной из ключевых обсуждений форматов формата G7, G20 становится гуманитарная поддержка наименее развитых стран. Швеция в данной сфере своего рода передовик: программа помощи странам третьего мира существует с 50-х годов Первоначально данная программа лежала на Шведском Институте, однако, с увеличением ее масштабов в начале шестидесятых был создан Совет международной помощи, который в дальнейшем превратился в государственное учреждение под названием Шведское агентство международной помощи.

По сей день Швеция известная во всем мире как финансовый донор для стран третьего мира. Согласно проекту тысячелетия ООН «цель 0,7 (target 0,7)» [14], каждая развитая страна должна перечислять 0,7% своего ВВП в официальный фонд поддержки развития. Очевиден факт, что далеко не каждая страна достигла данного показателя, так процент помощи Соединенного Королевства составляет 0,48% от ВВП, Соединенных Штатов 0,22%, Италии 0,29%, Германии 0,35%, Японии 0,28% от ВВП. Согласно последним отчетам Организации Экономического Сотрудничества и Развития, Швеция демонстрирует традиционный рост своих пожертвований: впервые превысив в 2006 году 1% ВВП на пожертвования, Швеция продолжает все более увеличивать свой вклад в развитие стран третьего мира.

Пожалуй, самым актуальным вопросом на сегодня может быть остается ли Швеция одним из главных мировых доноров либо Шведские демократы, которые так яростно выступали за сокращения данных растрат бюджета в ходе предвыборной гонки, все-таки повлияли на парламент и убедили их скорректировать политику пожертвований. Однако, достаточно открыть твиттер шведского министерства иностранных дел, чтобы увидеть, что 15% твитов посвящены именно этой деятельности, и понять, что правительственный кризис в Швеции не изменил сложившийся десятилетиями проект по поддержке стран третьего мира, это по-прежнему один из наиболее используемых шведских инструментов дипломатии.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что Швеция крайне скептически относится к формату международных сообществ, таких как G-20, предпочитая, если и участвовать, то в институционально оформленных международных организациях, руководствуясь принципом «нет штампа - нет отношений»; при этом основной мотивацией к участию в них являются амбиции не только на роль регионального лидера, но и глобального. В подтверждение данного тезиса в первую очередь рассматривается возрастающая роль Швеции в ООН. Данная тенденция особенно показательна в виду неопределенности будущего форматов интеграционных объединений, таких как G7, G20, БРИКС и тд; как мы видим, Королевство Швеции предпочитает действовать на деле, а не на словах. Также необходимо отметить, что Швеция активно участвует в гуманитарных программах, которые зачастую и доминируют в повестке саммитов семерок-двадцаток, и эффективность ее самостоятельных действий не вызывает сомнений. Что касается интеграции в военные альянсы, то, несмотря на всю трудность политической ситуации в регионе, да и в мире в целом, Швеция идет по пути ничего не обязывающего партнерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Mearsheimer J.J. The false promise of international institutions // International Security. 1994/95. Vol. 19. № 3. P.5-49
2. Keohane R. O. Neoliberal institutionalism: A perspective on world politics // Keohane R.O. (ed.). International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. Boulder, 1989. P. 163.
3. Ягья В.С. Из истории создания Совета государств Балтийского моря // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия философии, права, международных отношений. 1999. Вып. 3, 4. С.25
4. Швед на высоком посту в ООН // Sverige radio 9.01.2015 [Электронный ресурс] URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6063291> [дата обращения: 1 февраля 2016]
5. там же
6. Пост в официальном твиттере Шведского МИДа [Электронный ресурс] URL: <https://twitter.com/swedense/status/541900373603385344> [дата обращения: 1 февраля 2016]
7. Продвигать Швецию в Совбез ООН // Sverige radio 30.03.2015 [Электронный ресурс] URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6129774> [дата обращения: 1 февраля 2016]
8. Bildt Carl Sweden in crisis // Project syndicate 8.12.2014 [Электронный ресурс] URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/swedish-democrats-government-collapse-by-carl-bildt-2014-12> [дата обращения: 1 февраля 2016]
9. The Partnership for Peace programme // NATO [Электронный ресурс] URL: http://www.nato.int/cps/en/SID-0C6B5A67-DCEE298C/natolive/topics_50349.htm [дата обращения: 1 февраля 2016]
10. Von Suvi Turtiainen Wir wollen draußen bleiben // Die Welt 04.11.2014
11. Пост в официальном твиттере Шведского МИДа [Электронный ресурс] URL: <https://twitter.com/AmbHMalmqvist/status/577483517518594048> [дата обращения: 1 февраля 2016]
12. Bromley Mark, Wezeman Siemon Current trends in the international arms trade and implications for Sweden // Sipri 2013
13. presentation of annual report 2014 // svenska fredes [Электронный ресурс] URL: http://www.svenskafreds.se/sites/default/files/vapenexport_eng_0.pdf [дата обращения: 1 февраля 2016]
14. UN millennium project // UN [Электронный ресурс] URL: <http://www.unmillenniumproject.org/press/07.htm> [дата обращения: 1 февраля 2016]

УДК 327.5

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АЛЬЯНСОВ В ЮЖНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ И ПАКИСТАНА

© 2016

Харина Ольга Александровна, аспирант

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва (Россия)

Аннотация. В рамках подсистемы в контексте региона Южная Азия формируется определенный баланс сил, характеризующийся как конфликтом интересов, так и построением альянсов, суть которых сводится к постулатам теории баланса угроз в рамках школы неореализма. Альянсы – неотъемлемая часть системы международных отношений, с помощью которых она и функционирует. Отношения между Пакистаном и Китаем имеют ряд особенностей, которые определяют специфику исследования, ориентированную на анализ характера отношений крупных государств, обладающих ядерным потенциалом. При этом эволюцию «особых отношений» между Пакистаном и Китаем корректнее анализировать в концептуальных рамках, где идеологические соображения заменены интересами безопасности и реальной политикой, как первостепенными детерминантами отношений между государствами. Дисбаланс сил между Индией и Пакистаном привел к неуверенности последнего в собственных возможностях. Так, система, в которой имеет место индо-пакистанская враждебность, выражающаяся в виде неурегулированных споров, позволила активизироваться китайско-пакистанской дружбе. В данном исследовании делается акцент на вопросы безопасности и особенности построения двухсторонних отношений между Пакистаном и Китаем, где ключевыми моментами выступают их общие стратегические интересы и цели.

Ключевые слова: Южная Азия, Пакистан, Китай, неореализм, международные отношения, альянс, баланс сил, конфликт интересов, индо-пакистанская враждебность, стратегические интересы, сотрудничество, баланс угроз, ядерный потенциал.

FEATURES OF THE FORMATION OF ALLIANCES IN SOUTH ASIA BY THE EXAMPLE OF CHINA AND PAKISTAN RELATIONS

© 2016

Kharina Olga Alexandrovna, postgraduate student

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow (Russia)

Abstract. In the framework of the subsystem in the context of South Asia region a certain balance of power is formed. There are two main features of it: a conflict of interests and building of alliances, which essentially boil down to the postulates of the theory of balance of threat within the school of neorealism. Alliance is an integral part of the system of international relations, through which it operates. Relations between Pakistan and China have a number of features that determine the specificity of research focused on the analysis of the nature of relations between the major states possessing nuclear capabilities. It is more correct to analyze the evolution of the “special relations” between Pakistan and China in the conceptual framework where ideological considerations were replaced by the security interests and real politics, as the primary determinants of the relations between states. The imbalance of power between India and Pakistan led to recent insecurity in their own ability. So, the system where there is a place to the Indo-Pakistani hostility, expressed in the form of unresolved disputes, developed China-Pakistan friendship. This study focuses on the security issues and features of construction of bilateral relations between Pakistan and China, where the key points are their common strategic interests and goals.

Keywords: South Asia, Pakistan, China, neorealism, international relations, alliance, balance of power, conflict of interests, the Indo-Pakistani hostility, strategic interests, cooperation, balance of threats.

На протяжении десятилетий между Пакистаном и Китаем складывались партнерские отношения, которые основывались на общих взглядах, представлениях и подходах к внешней политике на региональном и глобальном уровнях. Их враждебность по отношению к Индии, поддержка друг друга в войнах против Индии и заключение различных соглашений все больше укрепляли их двусторонние отношения. Кроме того, моральная, дипломатическая, политическая, финансовая и военная поддержка, оказываемая Китаем Пакистану с 70-х годов XX в. позволила последнему сделать вывод о наличии у него надежного союзника и помощника, проверенного временем и дала особенное название отношениям между Китаем и Пакистаном – “all-weather friendship” («дружба при любых условиях»).

В качестве основы теоретико-методологического подхода к описанию специфики поведения акторов и формирования альянсов важно опереться на положения школы политического неореализма. Так, в рамках данной школы, К. Уолтс адаптировал политико-философское ядро реализма к требованиям современной эмпирической политологии с учетом новых политических реалий и объединил принципы консерватизма и реализма сквозь призму системы и структуры [1]. Его идеи развивались в работах отечественных ученых, таких как М. Хрусталева, Е. Примакова, А. Богатуров.

Целью данной работы является анализ отношений между Китаем и Пакистаном с точки зрения основных положений школы неореализма и теорий формирования

альянсов. Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть особенности формирования альянсов в рамках теории неореализма.
2. Определить специфику построения отношений в Южной Азии.
3. Выявить основные черты, характерные для взаимодействия Китая и Пакистана на современном этапе.

В работе используются ряд методов и методик, включающих логико-интуитивный анализ, сравнительный анализ, системный анализ.

Логико-интуитивный анализ помогает на основе имеющегося научного знания выделить главные черты и причинно-следственные взаимосвязи, что позволяет сделать обоснованные выводы. Применение этого метода содержится в работе М.А. Хрусталева [2].

Сравнительный анализ используется для сравнения позиций, существующих в экспертном сообществе, и для сравнения различных объектов одного типа.

Системный анализ группы объектов как системы применяется на основании выделения и определения функционирования системообразующих факторов.

Для наиболее полного рассмотрения проблемы потребовались результаты научных разработок отечественных и зарубежных ученых в области теории международных отношений, политологии и конфликтологии.

Первая группа работ посвящена теоретическим основам и положениям теории неореализма. Прежде всего, это основополагающие работы К. Уолтса «Теория меж-

дународной политики» [3], Р. Гилпина «Война и изменение в мировой политике» [4] и Б. Бузана «Люди, страх и государство: проблема национальной безопасности в международных отношениях» [5]. Кроме того, интерес вызывает работа Э. Харрела «Мировой порядок: власть, ценности и Конституция мирового сообщества» [6], Д. Миршаймера «Анархия и борьба за власть» [7], Стивена М. Уолта «Истоки альянсов» [8].

Вторую группу составляют исследования в области политологии и конфликтологии. Данная проблематика рассматривается в работах отечественных авторов, таких как В.Я. Белокреницкий [9], А. Д. Богатуров [10], А.Д. Воскресенский [11], Т.В. Бордачев [12].

Третью группу содержит исследовательские работы по внешней политике великих держав, их отношениям со странами региона: Китая, Индии, Пакистана. Необходимая и важная в данном контексте информация содержится в исследовании С.И. Лунева [13], Г.И. Чуфрина [14], совместной работе Москаленко В.Н. и Топычанова П. «Сила и слабость Пакистана» [15].

Изучение конфликтных состояний отношений в Южной Азии тесно связано с влиянием негосударственных акторов, поэтому логично упомянуть работу А.Г. Арбатова и Г.И. Чуфрина «Ядерное противостояние в Южной Азии» [16], исследование индийского ученого В. Астханы «South Asia: Counterterrorism Strategies and Challenges» [17], книгу Э. Смолла «The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics» [18].

В рамках двух школ – реалистической и неореалистической – существует два основных подхода к формированию альянсов: классический и ревизионистский. С классической точки зрения формирование альянсов связано с концепцией баланса сил. Ученые-ревизионисты в лице К.Н. Уолтса и С.М. Уолта утверждают, что государства вступают в альянсы, чтобы повысить свою безопасность, балансируя против угроз, которые связаны с (потенциально) мощными соперниками.

В рамках теории неореализма, основателем которой считается американский политолог К. Н. Уолтс, альянсы рассматриваются с точки зрения баланса сил и стратегии следования. Так, сталкиваясь с внешней угрозой, государства могут либо балансировать, либо последовать за лидером-угрозой. Балансирование в данном аспекте заключается в союзе с другими акторами против сложившейся угрозы.

К. Н. Уолтс в своем труде «Теория международной политики» (1979) выделяет два вида балансирования:

1. Внутренний баланс – мобилизация собственных ресурсов и минимизация зависимости от посторонних.
2. Внешний баланс – поиск других государств, которые разделяют их страх с ними [19, с. 128-168].

Следование за агрессором предполагает невозможность противостоять ему, и, иногда в угоду утраты собственного суверенитета, государство принимает условия сильного соперника.

Стивен М. Уолт, автор теории баланса угроз, в своей работе «Истоки альянсов» (1987) определяет альянсы в международных отношениях как «формальные или неформальные отношения в рамках сотрудничества в области безопасности между двумя или более суверенными государствами» [20, с. 1-2]. В данном определении подчеркивается тот аспект, что отношения между партнерами в альянсе носят взаимовыгодный характер. Когда существует дисбаланс в пользу угрозы, государства создают альянсы или наращивают свои внутренние ресурсы для того, чтобы свести к минимуму свою уязвимость.

Развивая идею следования за агрессором в формировании альянсов, С.М. Уолт выделяет два вида следования: оборонительное и наступательное. Оборонительное следование является по своей сути «формой умиротворения» агрессора, чтобы избежать нападения с его стороны. Наступательное следование включает в себя вы-

равнивание с агрессором для того, чтобы получить часть «трофеев» от его победы [20, с. 21].

Как правило, балансирование против угрозы (агрессора) встречается чаще, чем следование за ним. Хотя все государства выбирают союзников для балансирования против угрозы, поведение каждого из них не является универсальным. Рассматривая потенциального партнера, государство взвешивает риски и возможности. Следование за агрессором приводит к более серьезным потерям, нежели балансирование, поскольку выравнивание с агрессором таким способом сохраняет большую свободу действий.

Уровень угрозы зависит от ряда факторов: суммарной мощи, географического положения и военного потенциала агрессора. Суммарная мощь – это полная мощь государства, которая складывается из формулы: чем больше государство, его население, промышленный, военный потенциал и технологический потенциал, тем больше потенциальная угроза для других. Выбор союзников также зависит от географического положения агрессора. Чем ближе агрессор, тем больше вероятность, что соседи будут искать союзников вблизи него. Государства, которые рассматриваются как агрессоры, скорее всего, спровоцируют других балансировать против них. Как только агрессор перестает быть угрозой, сотрудничество прекращает свое существование. Однако есть формы и вынужденного прекращения существования союза: так называемое «предательство партнера», при котором союзник покидает его, оставляя в ситуации, которая и была прежде, и «прекращение существования партнера» при крайнем обострении конфликта, когда союзник теряет былую мощь или возможность полноценно сотрудничать, оставаясь поверженным.

Среди других факторов, влияющих на выравнивание с угрозой и формирование альянсов, можно выделить идеологию и экономический потенциал. При равных условиях государства предпочтут союз с правительствами, чьи политические взгляды похожи на их собственные. Однако идеология – более слабая причина для создания альянса. Чаще объединяющим условием выступает предложение и (или) прием помощи. Так же и экономические связи могут создать или укрепить сильные союзнические отношения, особенно, когда один партнер находится в сильной зависимости от другого. В процессе функционирования альянса восприятие союзника может меняться, как и ожидания, возложенные на него, но это безопаснее, чем надеяться на доброжелательность агрессора и терять часть суверенитета.

Ядерное оружие может оказать существенное влияние на способность государств к балансированию, а также оно имеет функцию, тормозящую функционирования союза, так как его наличие мобилизует собственные ресурсы и создает предпосылки для внутреннего баланса и действий независимо от партнера.

Основываясь на основных положениях о формировании альянсов, можно утверждать, что неореализм можно рассматривать в качестве одного из подходов для описания и анализа современного гуманитарного движения. Так, независимо от международной системы – биполярной, однополярной или многополярной – государства будут продолжать действовать, основываясь на своих собственных национальных интересах. Они могут оказать помощь, будучи частью альянса, но их участие в этом союзе, скорее всего, будет основываться на национальных интересах.

Важно упомянуть о влиянии многополярности на альянсы, которые формируются или уже сформированы. Такой вид системы предполагает широкое распространение власти, что усложняет поиск наибольшей угрозы. Так, балансирование будет менее долговечным, чем оно было, например, в годы Холодной войны. Скорость и эффективность процесса балансирования могут значительно различаться, и слабые государства, скорее всего, выберут путь следования за агрессором.

Д. Миршаймер, автор теории агрессивного реализма, делает акцент на недолговечности альянсов. Он утверждает, что «альянсы являются лишь временными браками по расчету, где сегодня партнером в альянсе может быть завтрашний враг, и сегодняшний враг сможет завтра стать партнером» [21, с. 5-49]. Складывается ситуация, в которой государство готово отказаться от альянса, как только он перестает быть полезным для него.

В рамках подсистемы в контексте региона Южная Азия формируется определенный баланс сил, характеризующийся как конфликтом интересов – формы международных отношений согласно основным положениям классической теории реализма [22, с. 82-87] – , так и построением альянсов, суть которых сводится к постулатам теории баланса угроз в рамках школы неореализма.

Национальные интересы конкурирующих региональных держав Китая, Пакистана и Индии с пересекающимися притязаниями и целями в регионе, создали сложный комплекс взаимодействия.

Южную Азию в целом можно назвать «переходным регионом»: в нем делается акцент на такой уровень взаимодействия, при котором каждый из участников защищает собственные интересы, а экономический фактор влияет на связи, которые формируются в зависимости от выгоды общения с наращивающими мощь государствами. Возможность формирования дальнейших претензий на роль лидера со стороны Индии беспокоят сильных игроков на мировой арене. Индия делает ставку на партнерство с соседями в качестве расширения зоны своего влияния, что не так просто в рамках конкурентных отношений с Китаем. Если опираться на понятие «циклы гегемонии» [23, с. 210-220] и рассматривать экономический фактор и изменчивость происходящих в мире процессов, то нынешнее региональное соперничество, возможно, перерастет в будущее глобальное противостояние между Китаем и Индией.

Растущая зона экономического, политического и военного влияния Китая в других частях Южной Азии – Непале, Шри-Ланке, Бангладеш – усложняет отношения Индии с этими странами. Целью Индии по отношению к малым странам было обнадеежить их в политическом плане, предложить перспективу более активного экономического сотрудничества и гарантировать, что их внутренняя политика не навредит интересам Индии. Растущее присутствие Китая в этих малых странах предоставляет им некоторый рычаг воздействия на Индию, который они стремились использовать. Это означает, что Индии необходимо разработать стратегию по борьбе с этой тенденцией. Возможность Индии противостоять влиянию Китая в Южной Азии является показателем не только того, что хочет Китай, но и того, что может Индия. Индия нуждается, прежде всего, в завоевании доверия к себе в плане реализации своих обещаний и намерений. Это важно не только для обеспечения интересов Индии в регионе, но и для того, чтобы она рассматривала существующую ситуацию как игру с нулевой суммой с Китаем. В конце концов, интересы Индии в Южной Азии не связаны с растущим присутствием Китая.

Расширяя мощь, Китай стремится, в первую очередь, создать сеть друзей в регионе и усилить свое присутствие в Южной Азии. Эти интересы держатся на двух столпах: безопасность и энергетический комплекс. С одной стороны, Китай стремится обеспечить мир вокруг себя. Кроме того, все большее значение приобретает выражение: «экономика является новой валютой безопасности» [24, с. 18], поскольку Китай заинтересован в превращении региона в экономический центр.

Для того, чтобы удовлетворить свои растущие потребности в энергии, Китай ищет новые маршруты. Формируя вокруг себя безопасную территорию, на которой он сможет иметь достаточное влияние, Китай сможет обеспечить и безопасный маршрут для ресурсов. Поэтому Китай активно вкладывает инвестиции в проекты морских портов в Южной Азии и обсуждает с ли-

дерами государств региона расширение железнодорожных сетей, которые обеспечат доступ к морским путям в Индийском океане.

Важно немного подробнее остановиться и на теме водных ресурсов, которая имеет непосредственное отношение к конфликту интересов Китая и Индии в регионе. Оба государства имеют значительно возрастающую потребность в природных ресурсах. Речь идет не только о базовых энергоносителях – спрос на воду больше, чем на любой другой ресурс. Китай и Индия пытаются обеспечить себе доступ к источникам воды в Гималаях и конкурировать в строительных проектах в Непале. Сегодня идет борьба за доступ к реке Брахмапутра – одной из главных рек в Азии. Пока в международном праве нет четко прописанных правил и действий в отношении использования воды, и вероятность соглашения по координации проектов в Гималаях крайне мала. Китай и Индия в состоянии предоставить капитал, необходимый для гидроэнергетических проектов в Бутане и Непале. Однако предложения Индии зачастую носят монополистский характер и исключают наличие конкурентов, что лишает государства самостоятельности в принятии решений по использованию собственных водных ресурсов. Так южноазиатский гигант делает еще один шаг, чтобы вновь утвердить свое влияние среди небольших соседей, где свои планы имеет и Китай.

Делая выводы, можно сказать, что Южная Азия – это поле для борьбы за влияние между крупными государствами, прежде всего, Индией и Китаем. Региональное соперничество нередко переходит в фазу напряженности в отношениях двух государств. Неразрешенность пограничных и наличие территориальных проблем, а также экономическое и политическое соперничество и присутствие ядерного фактора в регионе имеют потенциал разновидности Холодной войны. Пакистан, объективно оценивая собственную военную слабость по отношению к доминанте в Южноазиатском регионе – Индии, на разных этапах своей истории стремился воспользоваться внешним фактором для сдерживания соседствующего государства. Малые государства вынуждены действовать по принципу следования за одним из сильных игроков и поиска выгоды от сотрудничества с тем или иным гигантом, получая взамен экономические преимущества.

Китай и Пакистан – два соседствующих друг с другом государства, альянс между которыми существует уже более 50 лет [25]. Несмотря на то, что Пакистан уступает в мощи Китаю, он не является тем государством, которое выбрало путь следования за Китаем или балансирования против него, согласно теории баланса угроз, рассматриваемой в первой главе. Пакистан рассматривает дружбу с Пакистаном как возможность обеспечения своей безопасности и территориальной целостности, а основной целью внешней политики Пакистана является подавление гегемонии и доминирующего положения Индии в Южной Азии и за ее пределами.

Китай и Пакистан разделяют такие отношения, которые оказывают большое значение в продвижении их давних стратегических интересов. С точки зрения Китая, Пакистан является единственной страной, которая позволяет ему реализовывать стратегические цели в регионе. Пакистан видит Китай как государство, которое обеспечит ему нравственную, военную, финансовую и дипломатическую поддержку в случае обострения конфликта с Индией.

Опираясь на факторы, влияющие на формирование альянсов, описанные С.М. Уолтом, можно отметить следующие:

1. Альянс Китая и Пакистана сформировался благодаря наличию общей угрозы – Индии.
2. Суммарная мощь Индии постоянно растет (ее население, промышленный, военный потенциал и технологический потенциал), что становится угрозой для ее соседей.

3. Географическое положение Индии и наличие общей границы и с Пакистаном, и с Китаем сформировало у Пакистана страх, что Индия – потенциально угрожающая ему нация. Кроме того, в данном случае подтверждается положение теории баланса угроз: «чем ближе агрессор, тем больше вероятность, что соседи будут искать союзников вблизи него».

Следовательно, внешняя политика Пакистана склонна к балансированию против угрозы – Индии и формированию альянса с сильным соседом – Китаем.

Важно сказать, что Пакистан является, пожалуй, единственной некоммунистической страной, которая признана Китаем в качестве друга и союзника, поэтому идеологический фактор в данном случае не имеет серьезного влияния.

Кроме того, толчком к большему укреплению отношений со стороны Пакистана служат еще несколько немаловажных моментов, которые нельзя игнорировать:

1. Китай является сверхдержавой, мощь которой только растет, и тесная дружба с ним может обеспечить Пакистану поддержку мирового сообщества. Китай имеет право вето в Совете безопасности ООН и также является государством-членом Группы ядерных поставщиков, что важно и для Пакистана, как государства, которое не подписало Договор о нераспространении ядерного оружия [26, с. 147].

2. Китай может помочь Пакистану достигнуть экономического возрождения. Сооружение с финансовой помощью Пекина на Макранском побережье Белуджистана глубоководного порта Гвадар представляет для Пакистана возможность активизировать торговые отношения с энергетически богатой Центральной Азией. Масштабный проект предполагает создание нового экономического центра по аналогии с арабским Дубаем [27].

3. Получение технологий и поддержки в разработке ядерного оружия. В середине 90-х гг. Китай поставил 5000 специальных магнитных колец для программы по обогащению урана, переправил 50 ракет средней дальности М-11, способных нести ядерное оружие, построил фабрику по производству деталей для ракет в окрестностях Исламабада [28, с. 68].

Китай видит Пакистан как возможность реализовать свои интересы в регионе, поэтому можно абсолютно точно считать, что отношения в альянсе носят взаимовыгодный характер. Кроме того, действия Китая направлены на расширение собственного военно-морского флота и присутствие в пакистанском Гвадаре в рамках реализации стратегии «нить жемчуга», суть которой заключается в том, чтобы получить непосредственный выход в Индийский океан через Бенгальский залив для ускорения доставки товаров и экспорта энергоресурсов.

В отношении Пакистана, стратегия Китая направлена на создание более безопасной атмосферы за счет распространения прокитайских настроений и подавления антикитайской угрозы, которая исходит от действий боевиков и экстремистов в Пакистане. Китай также заинтересован в использовании хороших отношений Пакистана с мусульманскими государствами, в частности, с Ближним Востоком.

Таким образом, можно отметить, что Китай в своей стратегии, направленной на партнерство, делает акцент, прежде всего, на региональных союзников таких, как Пакистан, который отличается последовательной поддержкой интересов Китая и его политических позиций в регионе. Китай же помогает Пакистану проявлять уверенность в балансировании с Индией и получать экономическую и военную поддержку. Несмотря на то, Пакистан вязал Китай в рутину проблем, связанных со сбоем в реализации инвестиционных проектов, активностью групп боевиков и внутренней нестабильностью в стране, данный альянс является полезным противовесом Индии. В некотором смысле экономическая поддержка Китаем Пакистана может помочь относительно

стабилизировать ситуацию в стране, но, тем не менее, внутренние проблемы, в том числе, распространение терроризма, Китай решить не в силах.

Отношения Китая и Пакистана зачастую считаются крепкими и долговечными при любых условиях, однако при более внимательном изучении этих связей можно сделать вывод, что последовательность и глубина дружелюбия складываются из ряда факторов, ключевым из которых является обеспечение собственной безопасности.

Важно отметить, что теория неореализма до сих пор сохраняет свою актуальность в условиях современных международных отношений. Учитывая некоторое критическое восприятие данного подхода, нельзя не учитывать то, что он позволяет объяснить поведение большинства государств.

Таким образом, побуждающим мотивом к укреплению альянса Пакистана с Китаем является обеспечение собственной безопасности и противостояние внешней угрозе – Индии и ее военному превосходству.

Стратегическая линия Китая в отношении Пакистана имеет сложный симбиоз, состоящий как минимум из трех составляющих: сдерживание влияния политического ислама (экстремистских сил, действующих на территории Пакистана), ограничение роли Индии в Южной Азии и распространение влияния в регионе путем экономической дипломатии.

Нельзя не отметить, что в последнее время происходит смещение акцента в китайско-пакистанском партнерстве, в котором предпочтение отдается экономическому сотрудничеству. Это сотрудничество может, в конечном счете, выйти на первый план. Однако не стоит его считать определяющим.

Основными факторами, влияющими на партнерство Китая и Пакистана, по-прежнему остаются:

1. Наличие общей угрозы – Индии.
2. Географическая близость Китая и Пакистана.
3. Экономический потенциал и поддержка Китаем Пакистана в развитии технологий и наращивании ядерного потенциала.

Можно прогнозировать, что альянс Китая и Пакистана продолжит быть крепким и согласованным. Несмотря на различия в культуре и религии и угрозы для внутренней безопасности Китая (действия экстремистских групп). Кроме того, прошлые и нынешние тенденции в сфере дипломатической, экономической и военно-техническом сотрудничестве наряду со стратегическими интересами позволяют говорить о слаженности действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетр. № 18/2014 / [И. Н. Тимофеев]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М. : Спец книга, 2014. — 48 с.
2. Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. - М. : МГИМО-НОФМО, 2008. - 232 с.
3. Waltz Kenneth N. Theory of International Politics. Addison-Wesley Publishing, 1979. — 256 p.
4. Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1981. — 272 p.
5. Buzan B. People, Fear and State: The National Security Problem in International Relations / B. Buzan Great Britain, Wheatsheaf Books Ltd, 1983.
6. Hurrell Andrew, On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society [Andrew Hurrell], Oxford University Press, 2007. — 363 p.
7. Mearsheimer, John. "Anarchy and the Struggle for Power." Essential Readings in World Politics, third edition. Ed. Karen Mingst and Jack Snyder. New York: W.W. Norton and Company, Inc., 2008.

8. Walt Stephen M. The Origins of Alliances. Cornell University Press, 1987. – 326 p.
9. Белокреницкий В.Я. Межгосударственные конфликты и региональная безопасность в Южной Азии / В. Я. Белокреницкий // Восток /Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: Учебное пособие для вузов/ Под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО(У) МИД России. – М.: РОССПЭН, 2002. – С.415-428.
10. Богатуров, А. Д., Косолапов, Е. А., Хрусталева, М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Е. А. Косолапов, М. А. Хрусталева. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – 380 с.
11. Воскресенский А. Д. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные : Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 512 с.
12. Конфликтность и потенциал интеграции / Под науч. ред. С.А. Караганова, Т.В.Бордачева. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
13. Лунев С.И. Дипломатия в Южной Азии. – М., Наука, 1993.
14. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / Отв. ред. Г.И. Чуфрин; Ин-т мировой эк-ки и междунар. отношений РАН. - М.: Наука, 2007. – 327 с.
15. Москаленко, В. Сила и слабость Пакистана / Владимир Москаленко, Петр Топычканов ; Моск. Центр Карнеги. — М., 2013. — 75 с.
16. Ядерное противостояние в Южной Азии / Под ред. А.Г. Арбатова, Г.И. Чуфрина. – М.: Московский центр Карнеги, 2005. – 235 с.
17. Asthana V. Cross-Border Terrorism in India: Counterterrorism Strategies and Challenges, Department of Government and International Affairs Eastern Washington University, USA, June 2010. – 254 p.
18. Small Andrew. The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics / Andrew Small. London: C. Hurst And Company, 2015. – 319p.
19. Waltz Kenneth N. Theory of International Politics. Addison-Wesley Publishing, 1979. – 256 p.
20. Walt Stephen M. The Origins of Alliances. Cornell University Press, 1986. – 263 p.
21. Mearsheimer, John J. 'Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War' in International Security, Vol.15, No.1, 1990. - P. 5-49.
22. Aron R. Paix et Guerre entre les nations. Paris: Calmann-Lévy. 1984. – 794 p.
23. Gilpin R. 1981. War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1981. – 272 p.
24. Siddique Q. Deeper than the Indian Ocean? An Analysis of PakistanChina Relations. SISA Report No.16, Centre for International and Strategic Analysis, 2014. – 44 p.
25. The Boundary Agreement Between China and Pakistan, 1963 // The Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre. - <http://www.tpprc.org/documents/agreements/1963-A.pdf>.
26. Sawhney R. G. Zia's Pakistan. New Delhi. 1985. – 260 p.
27. Дергачев В. Морской Шелковый путь. Бросок к Индийскому океану // Сетевой проект. Институт геополитики профессора Дергачева. - http://dergachev.ru/analit/The_Great_Silk_Road/11.html#.VPI4rfUbTVo.
28. Joshi M. Operation Defreeze // India Today, vol. XXII, 20. – 168 p.

УДК: 51-77; 323.2; 324: 342.8; 519.24

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ОТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
К КОМПЬЮТЕРНОЙ МОДЕЛИ

© 2016

Ярыгин Григорий Олегович, кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры американских исследований*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)***Ярыгин Олег Николаевич**, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Менеджмент организации»*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Аннотация. В данной статье авторы предлагают описание имитационной компьютерной модели определенной электоральной системы, которая может стать одним из инструментов избирательной кампании. Описываемая модель строится на основе анализа концептуальной модели политической конкуренции в избирательных системах и избирательных процессах известной как модель Хотеллинга-Даунса. Рассмотрены основные принципы, аксиомы, гипотезы, допущения и компоненты модели. Авторы также анализируют критику и подходы к совершенствованию указанной модели. Определяется язык и принципы предложенного авторами моделирования. Вместе с тем, авторы акцентируют внимание на том, что предложенная ими модель служит для выработки рекомендаций по определению тактики и стратегии выборной кампании, но не для прогнозирования результатов выборов. Кроме этого предлагаются направления дальнейшего совершенствования разработанной модели для повышения адекватности и эффективности решений, принимаемых на её основе.

Ключевые слова: политическая конкуренция, выборы, модель Хотеллинга-Даунса, предпочтения избирателей, валентность кандидатов, прогнозирование выборов, безразличие, отчуждение, неопределенность, математическая модель, имитационное моделирование.

MODELING OF THE ELECTORAL PROCESS: FROM CONCEPTUAL
MODEL TO COMPUTER SIMULATION

© 2016

Yarygin Grigory Olegovich, candidate of Political Science, Associate Professor,
Department of American Studies*St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia)***Yarygin Oleg Nikolaevich**, candidate of Pedagogical Science, Associate Professor,
Department of Management of Organization*Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Abstract. In this article, the authors offer a description of the computer simulation of a particular electoral system, which could be applied as one of the instruments for election campaign. The described model is based on the analysis of the conceptual model of political competition in electoral systems and electoral processes known as Hotelling-Downs model. The basic principles, axioms, hypotheses, assumptions and components of the model are examined. The authors also analyze the criticism and new approaches to improve this model. They determine the language and principles for modeling suggested in this paper. However, the authors emphasize that their proposed model can be employed to develop recommendations for determining the strategy and tactics of the election campaign, but not for forecasting election results. Directions for further enhancing the designed model are also presented to increase the adequacy and efficiency of decisions made on its basis.

Keywords: political competition, elections, Hotelling-Downs model, voters' preferences, the valence of the candidates, elections forecasting, indifference, alienation, uncertainty, mathematical model, computer simulation.

«Модель – это упрощенная картина реального мира. Она обладает некоторыми, но не всеми свойствами реального мира. Она представляет собой множество взаимосвязанных предположений о мире. Как и любая картина, модель проще тех явлений, которые она по замыслу отображает или объясняет» [1].

Модель Даунса описывает процесс и результат избирательного процесса, позволяет анализировать политическую конкуренцию и идеологии политических партий. Согласно этой модели избиратель анализирует прирост полезности, получаемой им от победы той или иной партии в результате выборов, и на основе своих заключений голосует в ходе выборов. Вместе с тем партии определяют предпочтения избирателей и в зависимости от этого модифицируют свои политические платформы.

Предшественники модели: В 1929 году Гарольд Хотеллинг публикует научный труд «Стабильность конкуренции» («Stability in Competition»), в которой предложил модель, разработанную для анализа экономической конкуренции экономических агентов [2]. Позднее, в 1941 году эту модель доработает Артур Смитис и представит в статье «Оптимальное расположение в пространственной конкуренции» [3, с.3]. Согласно модели все покупатели могут быть размещены в одномерном экономическом пространстве вдоль определенной шкалы (рынка); экономические агенты стремятся занять наиболее благоприятное положение вдоль этой шкалы (на рынке), ориентируясь на медианного покупателя

(наибольшую концентрацию покупателей) и, стремясь, таким образом, охватить как можно больше покупателей. Поэтому, по мнению Г. Хотеллинга, продукция конкурирующих агентов практически идентична. Если на рынке действует два экономических агента, то в такой системе на определенном этапе сформируется экономическое равновесие.

Энтони Даунс применили принципы этой модели для анализа политической конкуренции в работе «Экономическая теория демократии» («An Economic Theory of Democracy») [4], опубликованной в 1957 году. То есть применил принципы экономической теории (теории рационального выбора) к нерыночному процессу принятия решений.

Публикации этой монографии предшествовала статья Даунса «Экономическая теория политического действия в демократии» («An Economic Theory of Political Action in a Democracy»), опубликованная в этом же году. В своих работах Э. Даунс пришел к заключению о том, что теория действий партии/правительства в демократии, как и в обществе, организованном на иных основах, должна быть и политической, и экономической по своей природе [5].

Модель экономической демократии подразумевает рациональность политического поведения основных действующих лиц/акторов: избирателя и кандидата, стремящихся в экономических терминах оптимизировать результат своей деятельности, то есть максимизировать разницу между достигнутым результатом и из-

держками на его достижение [5, с.137]. Говоря о рациональности поведения политических акторов, Э. Даунс допускает различные возможные модели поведения избирателей и избираемых, которые основываются на наличии достоверной или ложной информации. Модель поведения будет определяться наличием информации определенного, выше обозначенного вида.

Избирательная система представляется в виде рынка, на котором происходит обмен голосов избирателей, отражающих политические предпочтения избирателей, на мандаты власти. Голоса избирателей рассматриваются аналогично деньгам в теории фирмы. Политика в данном контексте рассматривается как олигополистическая рыночная структура, в рамках которой продавцы борются за покупателя.

Поэтому особенностью системы экономической демократии является ориентация действующих лиц не на ценности и идеалы, а на практические собственные интересы.

Так, Э. Даунс сформулировал как аксиому следующее положение: «Каждая политическая партия представляет собой команду людей стремящихся к получению власти с целью получения дохода, престижа и власти» [5, с.137]. Более того, он исходил из того, что правительства/партии власти имеют такие же цели [5, с.150].

Недостаток достоверной политической информации у электората создает потребность в *идеологии*, которую успешно предлагают партии тем избирателям, готовым голосовать по идеологическим мотивам в условиях отсутствия информации и при стремлении ее получить и проанализировать [5, с.142]. Идеология позволяет избирателю сконцентрироваться на различиях между партиями и извещает избирателя от необходимости быть информированным о более широком круге политических аспектов [4, с.98].

Э. Даунс выдвинул гипотезу о том, что «Политические партии в демократии формулируют политику, идеологию, исключительно для того чтобы получить голоса избирателей и выиграть выборы, а не выигрывают выборы, чтобы формулировать политику.... Таким образом, социальная функция партий, заключающаяся в формулировании и реализации определенной политики, является побочным продуктом» [5, с.137].

Кажущееся противоречие этой гипотезы тому, что основатели партии должны иметь строго определенные, устойчивые и стабильные взгляды, заложенные в основу партии при ее создании, и отличающие партию от других партий, Э. Даунс разрешал утверждением, что на определенном этапе партия, сама по себе, становится автономной и независимой от определенных индивидов и их интересов, и начинает действовать конъюнктурно [5, с.142].

Базовыми предположениями модели Энтони Даунса являются следующие [4, с.11; 5, с.137]:

1. Рассматривается общество с демократическим политическим режимом.
2. Власть в государстве находится в руках правящей партии.
3. Партии приходят к власти в результате периодических выборов среди двух или более партий.
4. Избиратели имеют по одному голосу.
5. Партии и кандидаты во время выборов эгоистично ориентированы исключительно на увеличение/максимизацию своей политической поддержки и переизбрание [5; 6], а не на интересы избирателей.
6. Партии, не находящиеся у власти, также стремятся получить власть в результате выборов.
7. Позиции кандидатов/партий четко определяемы.
8. Позиция/политика каждого кандидата верно оценивается избирателями.
9. Кандидаты/партии верно оценивают политические предпочтения избирателей и их расположение в одномерном политическом пространстве.
10. Партия или коалиция партий, получившая большинство голосов в результате выборов, получает кон-

троль над правительством до проведения следующих выборов.

11. Проигравшая партия или коалиция партий не препятствует победившей в результате выборов партии в получении контроля над правительством. Победившая в результате выборов партия или коалиция партий не создает препятствий проигравшим для участия в следующих выборах.

12. Выборы рассматриваются в качестве метода избрания/определения будущего правительства. Однако необходимо учитывать, что помимо этого измерения выборов, существует множество других. Так, например, выборы могут служить: 1) средством для укрепления социальной солидарности в странах недавно пришедшим к демократическому режиму, 2) политического просвещения, 3) выражения политических предпочтений, 4) проявления/выплескивания политической агрессии в правовом поле и т.п. [4, с.48].

13. Выборы происходят на основе мажоритарной системы относительного большинства. Кандидаты максимизируют вероятность своей победы, а не количества набранных голосов. Во время парламентских выборов при пропорциональной системе более важно получить больше голосов. Это определяет разное поведение кандидатов (различающиеся функции полезности.)

14. Выборы проходят в один тур.

15. Выборы происходят в одномандатных округах.

16. Идеологические позиции избирателей могут быть отображены в виде графика.

Идеологическая позиция отражается значениями некоторого индекса предпочтений избирателя на горизонтальной оси (рис. 1, 2, 3). По вертикальной оси показано количество избирателей, занимающих соответствующую позицию. Если график демонстрирует один пик, то, так называемый медианный избиратель (избиратель, левее которого на горизонтальной оси находится такое же количество избирателей, как и правее него) оказывается ориентиром для идеологии, предлагаемой кандидатом/партией в предвыборной кампании.

Как голосуют избиратели в условиях наличия достоверной политической информации:

1. Избиратели голосуют рационально, не стратегически. Выбирают партию по своим оценкам, обладающую большей полезностью для избирателя. Выбирают партию, находящуюся в одномерном политическом пространстве ближе к собственной позиции избирателя. Голосуют с перспективой до следующих выборов. «Рациональный избиратель определяет, какая партия обладает для него большей полезностью, затем оценивает шансы этой партии на победу» [4, с.40].

2. Решающим фактором для принятия решения избирателем является не сравнение полезности будущих политик партий, а эффективность действия партии в предшествующий период и гипотетическая полезность партии в случае ее победы на выборах [4, с.40]. Таким образом, выбор избирателя базируется на сравнении полезности, уже полученной им в предшествующий период от партии власти, и прогнозируемой полезности инкамбента и оппозиционной партии. В данном случае важную роль играют два элемента, а именно факты и предположения избирателя, но основным является фактическая, предшествующая эффективность инкамбента [5, с.138] (лица, занимающего выборную должность на данный момент и баллотирующегося вновь).

3. В таких условиях в двухпартийной системе избиратель проголосует на основе своего предпочтения партий.

В таких же условиях, но в многопартийной системе избиратель будет ориентироваться на предпочтения других избирателей. Возможны следующие варианты голосования:

- а) если партия, которой симпатизирует избиратель, по его мнению, имеет шансы на победу, то избиратель проголосует за нее.
- б) если партия, которой симпатизирует избиратель,

не имеет шансов на победу, то избиратель проголосует за похожую партию, имеющую шансы на победу, с целью не допустить победы на выборах наименее приемлемой партии.

с) избиратель может проголосовать за наиболее предпочтительную партию, даже если та не имеет шансов на победу, в случае, если избиратель ориентирован на сохранение для себя политических альтернатив в будущем.

4) в случае, если избиратель не может в своих предпочтениях провести четкое различие между партиями по причине того, что в его предпочтениях, по крайней мере, одна оппозиционная партия очень близка к правящей партии, возможны следующие варианты голосования:

а) если у партий различные платформы, избиратель воздерживается;

б) если у партий идентичные платформы, избиратель сравнивает полезность/эффективность икамбента с его предшественниками. В случае сравнения в пользу инкамбента, избиратель голосует за него. В случае сравнения в пользу предшественника инкамбента, избиратель голосует против инкамбента. В случае нейтрального сравнения, избиратель воздерживается [4, с.50].

Компоненты модели и отражаемые ими черты электоральной системы:

Политическое пространство одномерно – является отрезком линейной шкалы предпочтений избирателей по определенным вопросам, ранжированной от 0 до 100.

Избираемые альтернативы (партии/кандидаты) могут быть размещены в разных точках шкалы на основе предпочтений всех избирателей. (Позиции партий на этом отрезке, занимаемые по определенным вопросам, будут определять будущие результаты голосования.)

Так Э. Даунс в качестве примера принципа расположения партий по шкале использовал взгляды партий на роль государства в экономике. Таким образом, партии, выступающие за полный государственный контроль экономики, размещаются в левой части шкалы, а партии, выступающие за рыночную экономику, размещаются в правой части. Число, соответствующее позиции партии на шкале, условно обозначает процент экономики, который должен оставаться в частных руках. Крайними взглядам будет соответствовать расположение партий в точке 0 и точке 100. При этом Э. Даунс сразу отмечает, что такой аппарат нереалистичен и используется лишь для конкретной модели.

Избиратели, согласно своим политическим предпочтениям, могут размещаться в политическом пространстве равномерно или неравномерно, что предопределяет изменение идеологий политических партий и структуру политической системы в целом: двухпартийность или многопартийность.

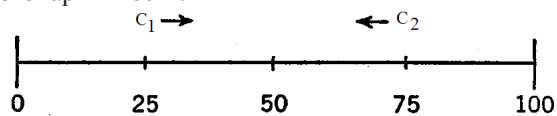

Рисунок 1 - Шкала предпочтений избирателей и позиции кандидатов А и В

В модели Г. Хотеллинга предполагается, что избиратели равномерно распределены вдоль шкалы, например, один избиратель в каждой точке шкалы. В двухпартийной системе конкурирующие партии А и В, имеющие начальные позиции в точках 25 и 75 соответственно, будут смещаться в своих идеологиях в направлении конкурента, так как будут стремиться охватить как можно большее количество избирателей, расположенных в пространстве от крайней точки до той точки, куда партия успеет сместиться до того момента, когда она сблизится с партией оппонентом. По мере смещения к центру и приближения к конкуренту партии становятся все более умеренными в своих идеологиях, чтобы охватить как можно больше, в том числе, умеренных избирателей. Таким образом, при максимизации количества охвачен-

ных избирателей идеологии двух конкурирующих партий постепенно становятся практически одинаковыми.

А. Смитис в работе, упомянутой выше, дополнительно учел фактор эластичности спроса и отметил, что по мере смещения партий по шкале в центр, в сторону оппонента, партии будут не только приобретать голоса умеренных избирателей, но и утрачивать голоса радикально настроенных избирателей, разочаровавшихся в изменении/смягчении идеологии партии. Таким образом, при смещении идеологий партия необходимо соотносить приобретения голосов и потери для выбора оптимальной позиции. В дальнейшем это свойство будет отражено как «отчуждение».

Однако, ситуация изменяется, если избиратели распределяются в политическом пространстве неравномерно. Так, если большинство избирателей в двухпартийной системе по определенным причинам сконцентрировано в точке 50, то позиции кандидатов C_1 и C_2 неизменно будут стремиться к точке 50, с целью охвата как можно большего количества избирателей, не обращая внимания на возможные потери радикальных избирателей, так как последних будет существенно меньше, чем умеренных.

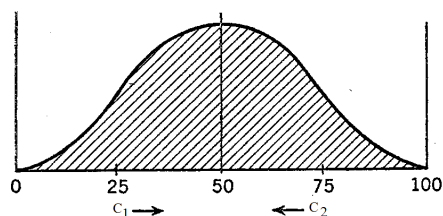

Рисунок 2 - Распределение количества избирателей по шкале предпочтений

В результате таких выборов сформируется ситуация, в которой партия власти, близкая по своей идеологии партии оппозиции, будет отражать интересы подавляющего большинства общества. Политическая система будет стабильной.

Если же избиратели распределяются в политическом пространстве неравномерно и концентрируются вблизи полярных точек, то партии будут стремиться сохранить свое различие в идеологиях [7] и положение в политическом пространстве (на шкале).

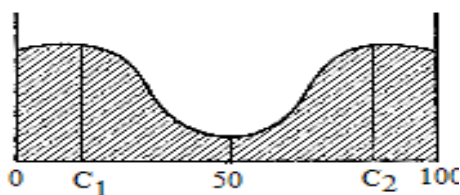

Рисунок 3 - Бимодальное распределение избирателей по шкале предпочтений

В этом случае предположения Г. Хотеллинга и А. Смитиса о том, что в двухпартийной системе будет наблюдаться сближение идеологий партий, оказываются неверными [8]. В такой ситуации в результате выборов партия власти будет проводить политику не в интересах большой группы избирателей, что будет провоцировать политическую и социальную нестабильность. Таким образом, чтобы демократическое правительство при двухпартийной системе управляло эффективно, необходимо чтобы общество идеологически не было поляризовано. В противном случае, по мнению Э. Даунса, может произойти революция.

При сближении партий поведение радикально ориентированных избирателей может зависеть от их ориентации на будущие выборы. В случае, если избиратель не ориентирован на будущие выборы, то вероятнее всего, он все же проголосует, выбирая наиболее благопри-

ятную или наименее опасную альтернативу. В случае, если избиратель ориентирован на будущие выборы, то он может воздержаться в целях недопущения смещения идеологии своей партии к центру даже ценой ее поражения на происходящих выборах с целью сохранения идеологических позиции партий на будущих выборах.

Если же избиратели распределяются в политическом пространстве неравномерно и концентрируются в нескольких точках, то такая политическая система постепенно приведет к формированию многопартийной системы. В рассматриваемой модели такая ситуация не рассматривается ввиду её неустойчивости.

Предположения модели:

1. Двухпартийная система может обеспечить стабильное и эффективное правительство только в условиях существования идеологического консенсуса в обществе (размещение избирателей в политическом пространстве не поляризовано).

2. Если идеологические предпочтения общества стабильны и равномерно распределяются в политическом пространстве, то политическая система приходит в равновесие (отражающееся в стабильном количестве партий и идеологий).

3. Распределение избирателей/частота размещения предпочтений избирателей вдоль шкалы в определенный момент времени может различаться в разных сообществах, но она стабильна в отдельном сообществе.

4. В двухпартийной системе партии стремятся сблизить свои платформы.

В условиях, когда политические предпочтения избирателей равномерно распределены по одномерному политическому пространству (вдоль шкалы), в двухпартийной системе партии будут тяготеть к тому, чтобы ориентироваться на медианного избирателя, и, следовательно, позиции партий по различным вопросам будут похожими/близкими. Таким образом, логично предположить, что в результате голосования партии получат примерно равное количество голосов.

5. В двухпартийной системе партии стремятся сделать свои платформы общими, неясными, побуждая избирателя к иррациональному выбору.

6. В многопартийной системе партии стремятся сделать свои платформы уникальными.

7. Идеологически обозначив свое место в политическом пространстве (на шкале) однажды, партии могут смещаться влево и вправо, но, не пересекая позиции ближайших партий, чтобы не утратить доверие электората.

8. Появление новой успешной политической партии возможно сразу после существенных изменений в распределении идеологических предпочтений в обществе.

9. Политические партии/кандидаты осуществляют стратегический выбор того, какую занять позицию по определенному вопросу и определить свои политические позиции так, выдвинуть таких кандидатов, чтобы получить поддержку (голоса) как можно большего количества избирателей. То есть партии ориентируются на медианного избирателя.

Модель Даунса хорошо иллюстрирует избирательный процесс в США. Политическая система США характеризуется стабильной двухпартийностью. Борьбу за власть ведут между собой Демократическая и Республиканская партии практически на всех уровнях и в законодательной и исполнительной власти. Такое положение характерно для США, несмотря на то, что в американском политическом спектре существует множество других политических партий (Зеленая, Либертарианская, Реформистская, Конституционная и т.п.).

Различные подходы к исследованию электоральных систем на основе математического моделирования представлены в работах [9,10,11,12,13].

Модель электоральной системы, основанная на предположениях Э. Даунса, рассматривается в книге коллектива авторов Института Прикладной математики РАН «Сложность. Математическое моделирование.

Гуманитарный анализ: Исследование исторических, военных, социально-экономических и политических процессов» [14], в которой, однако, не описывается какая-либо математическая, и, тем более, компьютерная модель.

Выводы, основанные на «гуманитарном анализе» системы, оказываются вполне очевидными. Как пишут сами авторы «эти выводы эксперт уже знал без всякой модели. Знать-то знал, понимать-то понимал, а сказать об этом никому не мог, поскольку в его распоряжении не было необходимых языковых средств. А часто и не хотел, поскольку то, что он «понимает», а остальные «не понимают», составляет его «ценность» как эксперта» [14, с.60].

Здесь уместно подчеркнуть еще одно важное назначение моделирования сложных процессов, состоящее в открытой передаче достигнутого понимания происходящего явления другим исследователям используя выбранные доступные языковые средства. Эта открытость является отличительной чертой современной «университетской науки» от скрытого и охраняемого «цехового знания».

В работах А. Ю. Филатова [15] и А.В. Захарова [16,17,18,19] посвященных электоральным моделям и политической конкуренции значительное внимание уделено моделированию таких вполне наблюдаемых на реальных выборах черт электорального процесса как «безразличие» избирателей, «отчуждение» между избирателями и кандидатами, а также «валентность» кандидатов. Под «безразличием» понимается «неучастие в голосовании части избирателей, если платформы кандидатов очень близки друг к другу». «Безразличие» может проявляться и в произвольном голосовании избирателя (случайный выбор). «Отчуждение» приводит к отказу избирателя от участия в выборах и проявляется, когда позиции обоих кандидатов «страшно далеки» от позиции избирателя.

«Валентность», то есть притягательность кандидата для избирателя, определяется способностью кандидатов привлекать избирателей вне контекста политических предпочтений. Валентность при этом может определяться затратами на избирательную кампанию [20]. Особенно важным этот компонент становится при сближении позиций кандидатов, когда издержки со стороны партий/спонсоров приходится увеличивать.

Компьютерное моделирование

Имитационная компьютерная модель электоральной системы, основанная на концептуальной модели Э. Даунса, модифицированной дополнением некоторых свойств, не учитывавшихся в исходной концепции, предназначена для проверки влияния различных факторов и параметров системы на результаты выборов и на политику участников электорального процесса. В отличие от работ В. Камакуры с соавторами [21] и Н. Цетина с соавторами [22], в которых модель выборов строится для прогнозирования результатов выборов по известным статистическим данным, модель, предлагаемая в данной статье, служит для выработки рекомендаций по ведению выборной кампании. При наличии такой модели у избирательного штаба кандидата появляется возможность учитывать доступную информацию об элементах и подсистемах электорального процесса, тем или иным образом корректировать свои действия. Например, зная позицию второго кандидата и распределение избирателей, определить насколько необходимо сместить позицию своего кандидата в сторону медианного избирателя, чтобы получить большинство на выборах. Конечно, принятие решения останется за самим кандидатом, но модель сможет служить системой поддержки принятия решений.

Итак, рассматривается двухпартийная система, в которой выборы проводятся в 2 этапа. Язык моделирования задается следующими элементами:

s_i – позиции избирателей, выраженные значением индекса предпочтения;

C_p, C_2 – позиции выражаемые избирательной программой кандидатов L и R , соответственно;

p_i – количество избирателей, имеющих позицию s_i и значение индекса предпочтения r_i ;

$0 \leq i \leq N$ – номера позиций, упорядоченных по индексу предпочтения (N – предполагается нечетным, чтобы было определено медианное значение индекса $r_{(N+1)/2}$).

Критерием выбора для избирателя является неравенство $U_i(C_1) > U_i(C_2)$, то есть избиратели голосуют в условиях детерминистского голосования, исходя из своих предпочтений, сравнивая полезности $U_i(C_1)$ и $U_i(C_2)$.

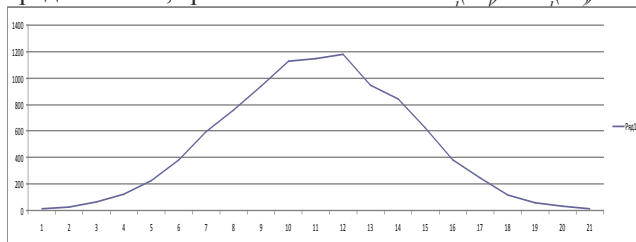

Рисунок 4 - Распределение генеральной совокупности избирателей по N=21 позициям

Индекс предпочтения r_i некоторой платформы кандидата (позиция C_k) избирателем, находящимся в позиции s_i на горизонтальной оси, изменяется в пределах от 1 до 0 и задается функцией полезности данного избирателя $U_i(C_k)$. По вертикальной оси показано количество избирателей p_i , занимающих позицию s_i .

Предполагается, что генеральная совокупность избирателей количественно распределена нормально по группам, соответствующим каждому из уровней предпочтения от -10 до +10 (-10 – абсолютное предпочтение кандидата C_1 , -5 – уверенная поддержка кандидата C_1 , 0 – нейтральная позиция или «безразличие», 5 – уверенная поддержка кандидата C_2 , 10 – абсолютное предпочтение кандидата C_2). При этом максимальное количество избирателей придерживается нейтральных или слабо выраженных взглядов: значение модуля индекса предпочтения близко к нулю (0-2); количество избирателей в группах убывает по мере возрастания контрастности индекса (3-6) и практически устремляется к нулю при значениях индекса от 7 до 10 (маргинализация предпочтений).

При этом в каждом «крыле» выделяется подмножество «активистов» (30% от численности «крыла»), определяющих тенденцию «крыла». Распределение предпочтений в данном подмножестве так же является нормальным, но среднее значение индекса предпочтения данного подмножества [13], т.е. участники праймериз (primaries) или кокусов (caucus), в отличие от генеральной совокупности избирателей (рис.1), оказывается около середины партийного «крыла».

Рисунок 5 - Распределение избирателей на этапе внутрипартийных выборов

Безразличие проявляется избирателем, находящимся на позиции s_i , когда полезности позиций, заявленных кандидатами, выраженные функцией полезности (utility), $U_i(C_1)$ и $U_i(C_2)$ настолько близки, что победа того или иного на выборах несущественна для избирателя, и голосование теряет смысл. Таким образом, условием участия избирателя в выборах является выполнение неравенства

$$|U_i(C_1) - U_i(C_2)| > e_i,$$

где e_i – уровень «эквивалентности» кандидатов для АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14)

избирателя находящегося на позиции s_i .

В противном случае избиратель либо не голосует, либо голосует случайным образом за любого кандидата.

Проявление «отчуждения» состоит в том, что избиратель участвует в выборах только в том случае, если позиция заявленная кандидатом C_k достаточно близка к собственной позиции избирателя. В случае если позиции обоих кандидатов достаточно далеки от позиции s_i , участие избирателя в выборах также теряет смысл. Условие преодоления отчуждения выражается выполнением неравенства

$$|U_i(s_i) - U_i(C_1)| < d_1 \quad \text{и} \quad |U_i(s_i) - U_i(C_2)| < d_2,$$

где d_i – порог отчуждения избирателя находящегося на позиции s_i .

Функция полезности $U_i(x)$ отражает ценность той или иной позиции x для избирателя, находящегося на позиции s_i . При этом $U_i(x) = r_i$ имеет максимальное значение в позиции $x = s_i$, где $U_i(s_i) = 1$, и убывает по мере смещения x в некоторую позицию s_j :

$$U_i(x) = e^{-\frac{(s_i - x)^2}{Q}}$$

где Q – положительная величина, характеризующая «контрастность» функции полезности (чем меньше Q , тем существенно снижается полезность при отклонении x от s_i).

С помощью модели можно исследовать чувствительность стратегии кандидатов к безразличию и отчуждению избирателей.

Прежде, чем формализовать показатель «валентности», опишем еще один критический взгляд на модель Даунса, отмечающий, что в ней не рассматриваются валентные решения [23]. «Валентными являются решения, в отношении которых все избиратели согласны с тем, что «больше» лучше, чем «меньше». Примером может служить честность. Все избиратели предпочитают честного кандидата нечестному, и чем более честным представляется кандидат, тем выше его позиция в рейтинге предпочтений каждого избирателя» [23, с.317]. Подчеркнем, что высокий уровень валентности, в основном, достигается использованием политической рекламы и административного ресурса, а снижение этого уровня может достигаться за счет антирекламы противоположной стороны. Говоря о валентных решениях, Миллер предполагает, что «их включение в модель Даунса может обеспечить достижение равновесий даже в условиях многомерного пространства решений» [23, с.327].

Последуем этому плодотворному совету, чтобы сделать модель электорального процесса более адекватной.

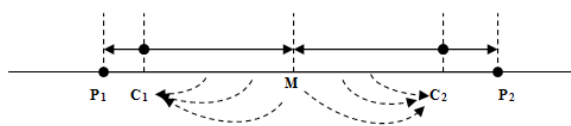

Рисунок 6 - Магнитная аналогия: Кандидат C_k пропорционально своей валентности V_k притягивает избирателей (--->), смещая их позиции в свою сторону, и тем самым? возможно, смещая позицию медианного избирателя M ; P_k – неизменная позиция партии/спонсора, Sum_k убывает с возрастанием расхождения $P_k C_k$ но возрастает при уменьшении $C_k C_2$.

Кандидат партии 1 подобен магниту, первоначально расположенному в позиции $C_1 = P_1$ на оси предпочтений, притягивающему к себе избирателей с силой обратной квадрату расстояния между s_i и C_1 и пропорциональной валентности V_1 кандидата (которая влияет на функцию полезности избирателя $U_i(x)$), но и сам этот магнит притягивается исходной позицией (отклонение от P_1 в сторону позиции медианного избирателя снижает вклад партии 1/спонсора 1, что снижает валентность канди-

дата, то есть его «магнитную силу».

Таким образом,

$$V_1 = V(P_1, C_1, Sum_1); V_2 = V(P_2, C_2, Sum_2);$$

$$U_{i1} = U(s_i, C_1), U_{i2} = U(s_i, C_2).$$

Sum_1, Sum_2 – финансовые затраты на избирательную кампанию кандидатов.

Кандидаты имеют свои валентности Z_1 и Z_2 , определяемые размерами издержек на избирательные кампании Sum_1 и Sum_2 .

В рассматриваемой системе возникают петли обратной связи «Валентность кандидата C_1 » $\rightarrow (+)$ $\rightarrow$ «Отклонение от партийной идеологии, выраженной позицией P_1 в сторону медианного избирателя» $\rightarrow (+)$ $\rightarrow$ «Снижение финансирования со стороны партии/спонсора» $\rightarrow (-)$ $\rightarrow$ «Валентность кандидата C_1 » и аналогичная для кандидата C_2 (здесь $\rightarrow (+)$ $\rightarrow$ означает положительное влияние, $\rightarrow (-)$ $\rightarrow$ – отрицательное влияние). Эти петли обратной связи взаимодействуют через общее множество избирателей и позицию медианного избирателя. Поскольку выявленные обратные связи являются отрицательными, система приводится в равновесие при некоторых позициях кандидатов C_1 и C_2 , которые могут существенно отличаться от позиции медианного избирателя M .

Разработанная компьютерная модель позволяет поддерживать принятие решений при наличии больших объемов информации о предпочтениях избирателей и ходе выборной кампании. Например, если кандидат C_1 достаточно точно знает распределение позиций избирателей и позицию кандидата C_2 , и с помощью разработанной модели видит, что его позиция не приводит к победе на выборах, то он может попытаться так скорректировать свою позицию, чтобы положительная разница между количеством приобретенных за счет этого избирателей, и количеством потерянных избирателей, оказалась достаточной для выигрыша.

Заключение

В своей книге «Общественный выбор III» Д.Мюллер предлагает для повышения адекватности модели Даунса «смягчить» её допущения. «Путем смягчения этих допущений иногда можно найти иное объяснение отсутствию наблюдений той степени нестабильности, которой следует ожидать исходя из этой модели в условиях многомерности. В одной совокупности моделей смягчается допущение, согласно которому избиратель с вероятностью, равной единице, проголосует за того кандидата, который занимает позицию, наиболее близкую к его идеальной точке» [23, с.319]. Кроме того важным оказывается смягчение утверждения Даунса, согласно которому кандидаты стремятся только в победе на проходящих в этом году выборах. «Если кандидатов помимо собственного избрания интересуют также политические результаты выборов, то они не будут спешить отказываться от определенных политических позиций ради завоевания голосов избирателей» [23, с.318]. Д. Мюллер указывает, что это предположение нашло эмпирическое подтверждение в рассмотрении партийных политических циклов.

Таким образом, в дальнейших исследованиях электоральной системы на основе модифицированной модели Даунса, необходимо рассмотреть динамику в нескольких циклах, когда на одних выборах накапливается потенциал для победы на следующих выборах, и победа на данных выборах не является единственной целью.

Дальнейшим смягчающим развитием модели становится отказ от предположения о том, что кандидаты точно знают распределение избирателей на шкале предпочтений. Внесение некоторой неопределенности в эту информацию также делает модель более адекватной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Lave Ch., March J.G. An Introduction to Models in the Social Sciences. N.Y.: Harper & Row, 1978. P. 3.
2. Hotelling H. Stability in Competition // The Economic

Journal. 1929. Vol. 39 (153). Pp. 41-57.

3. Smithies A. Optimum Location in Spatial Competition // The Journal of Political Economy. June 1941. Vol. 49 (3). Pp. 423-439.

4. Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper, 1957. 310 p.

5. Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // Journal of Political Economy. April, 1957. Vol. 65, No. 2. Pp. 135-150.

6. Wittman D. Parties as utility maximizers // American Political Science Review. 1973. Vol. 67. Pp. 490-498.

7. Adams J. A Theory of Spatial Competition with Biased Voters: Party Policies Viewed Temporally and Comparatively // British Journal of Political Science. 2001. Vol. 31. Pp. 121-158.

8. Grofman B. Downs and Two-Party Convergence // Annual Review of Political Science. 2004. Vol. 7. Pp. 25-46.

9. Kim H., Fording R. C. Government Partisanship in Western Democracies, 1945-1998 // European Journal of Political Research. 2002. Vol. 41. Pp. 187-206.

10. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. – М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.

11. Иванов В.Г. Агентное моделирование эволюции партийной системы РФ на основе распределений Парето и Хотеллинга. Часть I / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 4. Сс. 59-77.

12. Ярыгин Г.О., Ярыгин О.Н. Системное мышление и компетентность в аналитической деятельности политолога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 4. сс. 129-139.

13. Cooper A, Munger M.C. The (Un)predictability of Primaries with Many Candidates: Simulation Evidence // Public Choice. 2000. Vol. 103 (no. 3-4), pp. 337-355.

14. Белотелов Н.В., Бродский Ю.И., Павловский Ю.Н. Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ: Исследование исторических, военных, социально-экономических и политических процессов. – М.: Либроком, 2009. – 318 с.

15. Филатов А.Ю. Модели политической конкуренции / [Электронный ресурс] http://math.isu.ru/ru/chairs/me/files/filatov/2010_-_polit.pdf

16. Захаров А.В. Оценка размежевания электорального пространства и построение математической модели выбора избирателя // «Прикладная эконометрика». 2008. № 2 (10). Сс. 75-90.

17. Захаров А.В. Модели политической конкуренции: обзор литературы // «Экономика и математические методы». 2009. №1(45). Сс. 110-128.

18. Zakharov, A.V. A Model of Candidate Location with Endogenous Valence // Public Choice. 2009. Vol. 138 (3-4). Pp. 347-366.

19. Zakharov A.V. A Model of Electoral Competition with Abstaining Voters // Mathematical and Computer Modeling. 2008. Vol. 48 (9-10). Pp. 1527 – 1553.

20. Groseclose T. A Model of Candidate Locations When One Candidate has a Valence Advantage // American Journal of Political Science. 2001. Vol. 45(4). Pp. 862-886.

21. Kamakura W.A., Mazzon J.A. and Bruyn A.D. Modeling Voter Choice to Predict the Final Outcome of Two-Stage Elections // International Journal of Forecasting. 2006. Vol. 22. Pp. 689-706.

22. Çetin N., Bentli I. Application Of Markov Process To Forecast Elections Outcomes by Computer Simulation / [Электронный ресурс]: <http://epoka.edu.al/new/icme/a10.pdf>

23. Мюллер Д. Общественный выбор III / Пер. с англ. под ред. А. П. Заостровцева, А. С. Скоробогатова; Гос. ун-т - Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа». – М. 2007. – XIV - 994 с.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Геннадий Федорович, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит»
Адрес: Российский университет дружбы народов, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 17/1
E-mail: agf2005@inbox.ru

Арбузова Мария Владиславовна, старший преподаватель кафедры «Гостиничный и туристический бизнес»
Адрес: Институт экономики, управления и права (г. Казань), 420111, Россия, Казань, улица Московская, 42
E-mail: 788993@mail.ru

Белякова Галина Яковлевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и международного бизнеса горно-металлургического комплекса
Адрес: Сибирский федеральный университет, 660028, Россия, Красноярск, проспект Свободный, 79
E-mail: belyakova.gya@mail.ru

Воробьева Татьяна Николаевна, соискатель, аудитор Счетной палаты Красноярского края
Адрес: Байкальский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева, 660014, Россия, Красноярск, проспект имени газеты Красноярский Рабочий, 31
E-mail: rovinski.t@gmail.com

Григорьева Оксана Владимировна, старший преподаватель кафедры Европейских исследований
Адрес: Санкт-Петербургский Государственный Университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
E-mail: oxana.grigorjeva@gmail.com

Зомонова Эржени Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Адрес: Байкальский институт природопользования СО РАН, 670047, Россия, Улан-Удэ, улица Сахьяновой, 8
E-mail: zomer@mail.ru

Клименко Татьяна Игоревна, кандидат экономических наук, зав. кафедрой «Гостиничный и туристический бизнес»
Адрес: Институт экономики, управления и права (г. Казань), 420111, Россия, Казань, улица Московская, 42
E-mail: klimenko@ieml.ru

Кобелянов Андрей Сергеевич, журналист холдинга «Москва Медиа», аспирант
Адрес: Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8
E-mail: kobelyanov@gmail.com

Коршунов Георгий Владимирович, проректор по внешним связям – руководитель аппарата ректора (советник при ректорате)
Адрес: Ухтинский государственный технический университет, 169300, Россия, Ухта, улица Первомайская, 13
E-mail: geo.korshunov@gmail.com

Красовский Александр Михайлович, кандидат политических наук, докторант факультета национальной безопасности
Адрес: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1
E-mail: delta_aria@mail.ru

Лебедев Андрей Евгеньевич, соискатель
Адрес: Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1
E-mail: lebedev88@gmail.com

Лихтарова Ольга Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
Адрес: Самарский институт (филиал) «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 443036 г. Самара ул. Неверова/Линейная, 87/35
E-mail: oxy-ol@yandex.ru

Невская Наталья Александровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Международная политэкономия» кафедры «Политическая экономия»
Адрес: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 117997, Москва, Стремянный переулок, д.36
E-mail: nnevskaya@gmail.com

Овчаров Антон Олегович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Гостиничный и туристический бизнес»
Адрес: Институт экономики, управления и права (г. Казань), 420111, Россия, Казань, улица Московская, 42
E-mail: anton19742006@yandex.ru

Останин Владимир Анатольевич, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономическая теория»
Адрес: Владивостокский филиал Российской таможенной академии, 690034, Россия, Владивосток, ул. Стрелковая, 16в
E-mail: ostaninva@yandex.ru

Парфенёнок Николай Леонидович, соискатель
Адрес: Санкт-Петербургский Государственный Университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург Университетская наб. д. 7-9
E-mail: nik-parfenenok@yandex.ru

Поддубный Андрей Петрович, магистрант кафедры «Государственная политика и государственное управление»
Адрес: Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодар, улица Ставропольская, 149
E-mail: roddubnyi1984@mail.ru

Рожков Юрий Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Банковское дело»
Адрес: Хабаровский государственный университет экономики и права, 680042, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134
E-mail: zdnrf@mail.ru

Рочев Константин Васильевич, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией информационных систем в экономике, старший преподаватель кафедры организации и планирования производства
Адрес: Ухтинский государственный технический университет, 169300, Россия, Ухта, улица Первомайская, 13
E-mail: k@rochev.ru

Сергазиева Райса Рауфовна, аспирант 3-го года обучения кафедры «Финансы и кредит»
Адрес: Российский университет дружбы народов, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 17/1
E-mail: asira@mail.ru

Тарасова Татьяна Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и финансы»
Адрес: Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Россия, г. Самара, ул. Свобода, 2в.
Тел.: (846) 255-68-40
E-mail: tarasova2004@inbox.ru

Терёшина Мария Валентиновна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Государственная политика и государственное управление»
Адрес: Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодар, улица Ставропольская, 149
E-mail: mwstepanova@mail.ru

Харина Ольга Александровна, аспирант
Адрес: Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76
E-mail: olaishra@mail.ru

Черезова Яна Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента
Адрес: ГБОУ ВПО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова», 119991, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2
E-mail: yana.cherezova@mail.ru

Чуков Роман Сергеевич, соискатель
Адрес: Санкт-Петербургский Государственный Университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург Университетская наб. д. 7-9
E-mail: rom-chukov@yandex.ru

Шабанова Людмила Борисовна, доктор экономических наук, профессор
Адрес: Институт управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) Университета, 420012, Россия, Казань, улица Бутлерова, 4
E-mail: Lyudmila_shabanova555@mail.ru

Шарапова Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономики и основ предпринимательства»
Адрес: Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, 394006, Россия, Воронеж, улица 20-летия Октября, 84
E-mail: sharapowa@yandex.ru

Швец Юрий Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Организационно-экономических инноваций»,
Адрес: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 117997 Российская Федерация, г.Москва, Стремянный пер., 36
E-mail: jurijswets@yahoo.com

Щербаков Геннадий Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Системный анализ и моделирование экономических процессов»
Адрес: Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49
E-mail: g.shcherbakov@mail.ru

Ярославцева Юлия Ивановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономики и основ предпринимательства»
Адрес: Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, 394006, Россия, Воронеж, улица 20-летия Октября, 84
E-mail: contact020781@mail.ru

Ярыгин Григорий Олегович, кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований
Адрес: СПбГУ. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9
E-mail: g.yarygin@spbu.ru

Ярыгин Олег Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Менеджмент организации»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Самарская обл., г. Тольятти, Белорусская 14
E-mail: onyx2602@rambler.ru

OUR AUTHORS

Abramov Gennadiy Fedorovich, candidate of economical sciences, associate professor of the chair «Finance and credit»
Address: Russian University of Peoples' Friendship, 117198, Moscow, Mikluho-maklaya str., 17/1
E-mail: agf2005@inbox.ru

Arbuzova Mariya Vladislavovna, assistant professor of the chair «Hotel and Tourist Business»
Address: Institute of Economics, Management and Law (Kazan), 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
E-mail: 788993@mail.ru

Belyakova Galina Yakovlevna, Doctor of Economics, Professor of Economics and International Business of mining and metallurgical complex
Address: Siberian Federal University, 660028, Russia, Krasnoyarsk, Prospect Free, 79

Cherezova Yana Alekseevna, candidate of economical science, associate professor of the department of economics and management
Address: I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, 119991, Russia, Moscow, 2-4 Bolshaya Pirogovskaya street
E-mail: yana.cherezova@mail.ru

Chukov Roman Sergeevich, applicant
Address: Saint-Petersburg State University, 199034, Russia, Saint-Petersburg, 7-9 Universitetskaya n.
E-mail: rom-chukov@yandex.ru

Grigorieva Oksana Vladimirovna, assistant professor of the chair «European studies»
Address: Saint Petersburg state university, 199034, Russia, St.Petersburg, Universitetskaya emb., 7-9
E-mail: oxana.grigorieva@gmail.com

Kharina Olga Alexandrovna, postgraduate student
Address: Moscow State Institute of International Relations (University), 119454, Russia, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76
E-mail: olaishra@mail.ru

Klimenko Tatyana Igorevna, candidate of economical sciences, head of the chair «Hotel and tourism business»
Address: Institute of Economics, Management and law (Kazan), 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
E-mail: klimenko@ieml.ru

Kobelyanov Andrey Sergeyevich, journalist of «Moscow Media» holding, post-graduate student
Address: Volgograd branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 400131, Russia, Volgograd. Gagarina St. 8
E-mail: kobelyanov@gmail.com

Korshunov George Vladimirovich, Vice-Rector on External Affairs – Chief of Staff in the Rectors Office
Address: Ukhta state technical university, 169300, Russia, Ukhta, street Pervomayskaya 13
E-mail: geo.korshunov@gmail.com

Krasovsky Alexander Mikhaylovich, the candidate of political sciences, the doctoral candidate of faculty of a homeland security
Address: Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, 119571, Moscow, Vernadsky prospect, 82, building 1
E-mail: delta_aria@mail.ru

Lebedev Andrey Evgenyevich, applicant
Address: Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, 125009, Russia, Moscow, 11 Mokhovaya Str., bld. 1
E-mail: lebedev88@gmail.com

Likhtarova Olga Viktorovna, candidate of economical science, associate professor of the chair «Accounting, analysis and audit»
Address: Samara Institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics, 443036, Samara, Str. Neverov / Line, 87/35
E-mail: oxy-ol@yandex.ru

Nevskaya Natalia Alexandrovna, candidate of economical science, associate professor, leading researcher of the laboratory «International political economy» of the department of «Political economy»
Address: Stremyanny lane, 36, Moscow, Russia, 117997, Plekhanov Russian University of Economics,
E-mail: nnevskaya@gmail.com

Ostanin Vladimir Anatolievich, doctor of economical science, professor of the chair «Economic theory»
Address: Vladivostok Branch of Russian Customs Academy, 690034, Russia, Vladivostok, Patrelkovaya st., 16v
E-mail: ostaninva@yandex.ru

Ovcharov Anton Olegovich, doctor of economical sciences, professor of the chair «Hotel and tourism business»
Address: Institute of Economics, Management and law (Kazan), 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
E-mail: anton19742006@yandex.ru

Parfenenok Nikolay Leonidovich, applicant
Address: Saint-Petersburg State University, 199034, Russia, Saint-Petersburg, 7-9 Universitetskaya n.
E-mail: nik-parfenenok@yandex.ru

Poddubnyi Andrey Petrovich, master of department «Public policy and public administration»
Address: Kuban State University, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya street, 149
E-mail: poddubnyi1984@mail.ru

Rochev Konstantin Vasilievich, candidate of economical sciences, head of laboratory of information systems in economics, senior lecturer of the department of organization and industrial planning
Address: Ukhta state technical university, 169300, Russia, Ukhta, street Pervomayskaya 13
E-mail: k@rochev.ru

Rozhkov Yuri Vladimirovich, doctor of economical science, professor of the chair «Banking»
Address: Khabarovsk State University of Economics and Law, 680042, Russia, Khabarovsk, Tikhookeanskaya st., 134
E-mail: zdnrf@mail.ru

Sergaziyeva Raysa Raufovna, postgraduate student of 3rd course of the chair «Finance and Credit»
Address: Russian University of Peoples' Friendship, 117198, Moscow, Mikluho-maklaya str., 17/1
E-mail: asira-@mail.ru

Shabanova Lyudmila Borisovna, doctor of economical science, professor
Address: Institute of Management, Economics and Finance of Kazan (Volga) University, 420012, Russia, Kazan, st. Butlerova, 4
E-mail: Lyudmila_shabanova555@mail.ru

Sharapova Elena Anatolievna, candidate of economical science, associate professor of the chair «Economics and entrepreneurship»
Address: Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, 394006, Russia, Voronezh, street 20-th anniversary of October, 84
E-mail: sharapowa@yandex.ru

Shcherbakov Gennady Anatolyevich, candidate of economical science, associate professor of the chair “System Analysis and Economic Process Modelling”
Address: Financial University under the Government of Russia, 125993, Moscow, Leningradsky prospect, 49
E-mail: g.shcherbakov@mail.ru

Shvets Yuriy Yurievich, candidate of economical science, associate professor of the department “organizational and economic innovation”
Address: Plekhanov Russian University of Economics Stremyanny lane. 36, Moscow, 117997, Russia
E-mail: jurijsvets@yahoo.com

Tarasova Tatyana Mihailovna, candidate of economical science, Associate Professor of “Economics and Finance”
Address: Samara State University of Railways, 443066, Russia, Samara, street Svoboda, 2v.
E-mail: tarasova2004@inbox.ru

Tereshina Maria Valentinovna, doctor of economical science, professor of «Public policy and public administration»
Address: Kuban State University, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya street 149
E-mail: mwstepanova@mail.ru

Vorobyeva Tatiana Nikolaevna, applicant
Address: Siberian State Aerospace University after Academician M.F. Reshetnev, 660014, Russia, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk prospect named Newspaper Work, 31

Yaroslavceva Yulia Ivanovna, candidate of economical science, associate professor of the chair «Economics and entrepreneurship»
Address: Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, 394006, Russia, Voronezh, street 20-th anniversary of October, 84
E-mail: contact020781@mail.ru

Yarygin Grigory Olegovich, candidate of Political Science, Associate Professor, Department of American Studies
Address: St.Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia.
E-mail: g.yarygin@spbu.ru

Yarygin Oleg Nikolaevich, candidate of Pedagogical Science, Associate Professor, Department of Management of Organization
Address: Togliatti State University, Belorusskaya 14, Samara reg., Togliatti, 445667, Russia.
E-mail: onyx2602@rambler.ru

Zomonova Erzhena Michailovna, candidate of economical sciences, senior researcher
Address: Baikal Institute for Nature Management SB RAS, 670047, Russia, Ulan-Ude, street Sakhyanovoi 8
E-mail: zomer@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ (краткие) К ПУБЛИКАЦИЯМ В ЖУРНАЛАХ:

Азимут научных исследований: педагогика и психология (№ 43 в Перечне ВАКа)

(научные направления: педагогические науки; психологические науки; социологические науки)

Азимут научных исследований: экономика и управление (№ 44 в Перечне ВАКа)

(научные направления: экономические науки; политические науки)

Балтийский гуманитарный журнал (№ 1474 в Перечне ВАКа)

(научные направления: языковедение; литературоведение; юридические науки; педагогические науки)

Структурные параметры:

Статьи должны иметь элементы, отвечающие следующим параметрам:

- Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.
- Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.
- Формирование целей статьи (постановка задания).
- Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.
- Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.
- Список литературы.

Технические параметры:

Названия файлов (ДВА ОТДЕЛЬНЫХ ФАЙЛА!!!):

- Фамилия_статья_город (например: Иваненко_статья_Киев)
- Фамилия_РИНЦ_город (например: Иваненко_РИНЦ_Киев)

Стандарты: шрифт Times New Roman, кегль – 10, междустрочечный интервал – 1, абзацный отступ – 0,5 см (*это сделано для того, чтобы автор точно знал сколько страниц текста у него будут в журнале*), все поля – 2 см, литература – В ПОРЯДКЕ ПОЯВЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ (желательно не менее 20 наименований), редактор Word, тип файла – документ Word 97-2003 (обязательно).

Ключевые слова (три строчки) и аннотация (не менее 150-200 слов) на русском и английском.

Неразрывные пробелы между цифрами, инициалами и фамилией.

Не путать тире (–) и дефис (-).

Формулы оформляются через редактор формул «MathType» или «Microsoft Equation», размер символов – 10 (обязательно), длина формул не должна превышать 80 мм (обязательно), латинские символы набираются курсивом, греческие – прямым шрифтом, КИРИЛЛИЦА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ).

Рисунки, выполненные векторной графикой, должны быть помещены одним объектом или сгруппированы. Сканированные рисунки исполнять с раздельной возможностью не менее 300 dpi.

Справочная информация:

1. Для определения УДК можно использовать следующие ссылки:

А) <http://teacode.com/online/udc/>

Б) <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

2. Для перевода на английский или другие языки можно использовать следующие ссылки (НО ОБЯЗАТЕЛЬНО ДАТЬ НА ВЫЧИТКУ СООТВЕТСТВУЮЩИМ ФИЛОЛОГАМ):

А) <http://translate.yandex.ru/> (переводит отчества и ученые степени)

Б) <http://translate.google.com/>

3. Для проверки статьи на антиплагиат (проверка обязательна) ссылка:

А) <http://www.antiplagiat.ru/index.aspx> (результаты хранятся у автора и высылаются по запросу редколлегии)

ЕСЛИ ВОЗНИКАЮТ ВОПРОСЫ: СМОТРИТЕ ОБРАЗЦЫ!

Материалы подаются в редакцию:

до 1 марта (мартовский номер)

до 1 июня (июньский номер)

до 1 сентября (сентябрьский номер)

до 1 декабря (декабрьский номер)

Статьи в обязательном порядке размещаются в системе РИНЦ - российского индекса научного цитирования (elibrary, ссылка: <http://elibrary.ru/titles.asp>) и на сайте журналов.

Размещение статей в журнале платное (за исключением аспирантов):

А) для тех, кому нужен электронный макет журнала оплата составляет:

- АНИ: педагогика и психология - 3400 рублей за статью – это конечная сумма расходов.

- АНИ: экономика и управление - 3500 рублей за статью – это конечная сумма расходов.

- Балтийский гуманитарный журнал – 3555 рублей за статью – это конечная сумма расходов.

Б) для тех, кому нужен печатный вариант журнала: дополнительно 400 рублей за 1 экземпляр журнала (им также высылаются и электронный макет журнала).

Оплата производится после приема статьи к публикации

- Фамилия_оплата_город (например: Иваненко_оплата_Киев)

Статью и информацию в РИНЦ высылать по адресу:

ANI-ped-i-psych@ya.ru (АНИ: педагогика и психология)

ANI-ekonom-i-politika@ya.ru (АНИ: экономика и управление)

BalticGZ@yandex.ru (Балтийский гуманитарный журнал)

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ (для российских авторов)

НП ОДПО «Институт направленного профессионального образования»

ИНН 6322026413;

КПП 632401001;

ОГРН 1036301048541;

р/с 40703810554060000532

ПОВОЛЖСКИЙ БАНК ОАО «СБЕРБАНК РОССИИ» Г.САМАРА

к/с 30101810200000000607

БИК 043601607;

ОКВЭД 80.22.1, 80.22.22, 80.30.3, 80.42, 80.10.3;

ОКПО 20977719;

ОКОГУ 49013

ОКТМО 36740000

ОКФС 16 ОКОПФ 96

В назначении платежа обязательно указывайте: Публикация научной статьи

Более полную информацию, а также образцы оформления статей можно получить на сайте журнала:

http://www.napravo.ru/pages/nauchnye_jurnaly/